

Сергей Шаповалов

**Ликующий
на
Небосклоне**

12+

Сергей Шаповалов

Ликующий на небосклоне

«Автор»

2014

Шаповалов С. А.

Ликующий на небосклоне / С. А. Шаповалов — «Автор», 2014

ISBN 978-5-532-96723-6

Исторический роман о жизни в Древнем Египте времен правления великого фараона – реформатора Эхнатона. Эхнатон (1419–1400 до н.э.), десятый фараон XVIII династии, сын Аменхотепа III и царицы Тии. Знаменит тем, что за свою недолгую жизнь осуществил религиозную реформу, подойдя к утверждению единобожия. З.Фрейд, опиравшийся на традиционную хронологическую схему, согласно которой Эхнатон царствовал ок. 1340 до н.э., видел в нем предтечу и даже наставника Моисея.

ISBN 978-5-532-96723-6

© Шаповалов С. А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

О загадочном фараоне и его времени	5
1	7
2	15
3	19
4	23
5	33
6	36
7	41
8	55
9	68
10	72
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Сергей Шаповалов

Ликующий на небосклоне

О загадочном фараоне и его времени

Есть вещи незабываемые. Незабываем, например, Древний Египет, или, как называли его сами египтяне, Кеми.

Всякий, кто попытается постичь истоки мировой цивилизации, тот неминуемо придет в Египет. А кто однажды прикоснулся к его истории, архитектуре, скульптуре, литературе, тот на всю жизнь становится духовным пленником во многом таинственного для нас государства Кеми.

По мере того, как мы удаляемся от седой древности, интерес к Кеми все растет и растет. Во всем мире. Не удивительно, что и я оказался в числе замороженных и тридцать лет изучал историю и искусство этой страны.

За три тысячи лет на египетском троне восседали фараоны тридцати династий. Наверное, их было намного больше двухсот – этих полубогов в бело-красной короне. Одни из них царствовали необычайно долго, другие – очень краткое время. Рамзес Второй правил шестьдесят семь лет. Его рекорд побит только фараоном Пиопи Вторым: почти сто лет! (Какой ужас, даже если и всамделишный полубог!) А Шешонк Второй так и не успел вкусить от единовластия: он умер во время совместного с фараоном Осорконом Вторым правления. Большинство царей переселилось на поля Иалу в результате естественной смерти. Большинство, но не все. Аменемхет Первый, например, был убит в своей спальне. Поздней ночью...

Я хочу сказать, что фараоны были разные, с различными судьбами. Были среди них и те, что поумнее. Находились и поглупее. Были воинственные. И менее агрессивные. Но деспотами были все. поголовно все!

В длинной веренице фараонов особенно выделяется один.

Он бесстрашно свергнул бога небесного Амона – более чем тысячелетнего по возрасту, немислимо сильного своими земными связями. Свергнув Амона, провозгласил культ единого – осязаемого, зримого – бога Атона, солнечного диска.

Звали фараона Эхнатон.

Он не отличался воинственностью, подобно Тутмосу Третьему. Зато царствование его богато великолепными мастерами – гениями зодчества, ваяния и живописи

При жизни к нему относились по-разному. Спустя три тысячи лет ученые-египтологи также относятся к нему различно. Это даже удивительно! Одни пишут о нем восторженно, слишком восторженно. Другие обливают грязью. Равнодушным не остается никто!

Брестед называет его так: «Первый индивидуалист истории», «Самая замечательная фигура на Древнем Востоке». Кеес пишет: «Этот болезненный, безобразный деспот, необузданный в мыслях и в поведении». Перепелкин и Коростовцев, по-моему, держатся середины.

Послушаем Уэли: «Эхнатон сказал „первое солнечное слово“ – и Бернара: „Бесноватый эпилептик, вышедший из ада, чтобы разрушить осирическое предание“

А вот мнение Гардинера: «Быть таким умным, как он, в те времена значило навлечь несчастье». А Шарф осуждает Эхнатона как государственного деятеля, пренебрегшего интересами своей страны.

Питри говорит: если бы культ Атона «был новой религией, призванной для примирения с нашими научными понятиями, мы не нашли бы изъяна в верности этого взгляда на энергию Солнца». Антес инкриминирует Эхнатону неограниченный рационализм. Ланге, напротив,

высоко оценивает духовную мощь Эхнатона, стоявшего «по ту сторону рассудочного, явившегося из глубин, чтобы выполнить миссию египетской культуры».

Вейголл видит в нем блаженного эпилептика и предшественника Христа. Майер и Масперо объясняли реформы Эхнатона борьбой со жречеством. Павлов пишет: его «учение... нанесло тяжелый удар по консервативному фиванскому жречеству». А вот что говорила Матье: Эхнатон «пошел на открытый разрыв со знатью и жречеством...», «солнечный диск... был объявлен создателем мира и всего этот мир населяющего». Уилсон утверждает, что «революционная» партия Атона была «равнодушна к захвату колоний и к захвату Азии».

Я назвал имена и привел мнения, известные египтологам всего мира.

Таков диапазон суждений о личности и реформе его величества Нефер-Хеперу-Ра Уен-Ра Эхнатона он же Наф-Хуру-Ра, он же Аменхотеп Четвертый! Можно подумать, что фараон скончался только вчера.

Я знаю о нем все или почти все, что может знать человек, живущий в нашем веке. Я прочитал о нем гору научных книг и часами вглядывался в его скульптурные изображения в каирском музее. Однако книги слишком умозрительны, а камень чрезмерно холоден.

Я ходил по земле Ахетатона, нынешней Эль-Амарны. Как известно, палеонтологи по одной кости воспроизводят образ мамонта. По прелестному мраморному порогу на развалинах дворца Нефертити или даже огромному мозаичному полу Ахетатона трудно вообразить, что здесь было: столица Эхнатона растаяла, как ледяной дом. Но кое-что все же можно представить себе, призвав на помощь рисунки из гробниц и шестое чувство...

Георгий Дмитриевич Гули

1

Хеви, наместник Куши¹, живущий правдой, сын муд-рейшего жреца Себхотпа совершал утреннюю молитву, прославляя восходящего огненного Йота², дарующего радость всему живущему на земле. Он протянул руки с открытыми ладонями красному раскаленному шару, медленно поднимающемуся над горизонтом. Хеви просил у Бога силы, здоровья, благополучия себе и всей своей семье. Благодарил Йота за то, что тот послал народу Обеих Земель мудрого правителя, своего любимого сына Эхнэйота³, кому суждено жить вечно, вековечно. Не забыл упомянуть добрыми словами супругу Солнечного правителя прекрасную Нефрнефрейот⁴ – та, чей образ радует владыку Обеих Земель; ублажающая сердце правителя в Доме Ликования⁵, та, чьи слова всем ласкают слух.

После молитвы старый лекарь смазал голову Хеви ароматным маслом и принялся скреести макушку острым кремневым ножом, при этом громко сопя от усердия. Наконец голова наместника Куши оказалась в полном сиянии: чисто выбрита, без единого пореза. Вполне удовлетворенный своей работой, лекарь водрузил парик из аккуратно уложенных прямых волос буйвола и закрепил его на голове наместника золотым обручем. Не забыл приладить страусовое перо – знак власти. Слуга помог Хеви облачиться в тонкую льняную одежду. Наместник подпоясался широким кушаком с кисточками на концах и поспешил к завтраку. Его ждал свежий хлеб и, еще теплое, парное молоко.

В тенистом саду, среди цветущих кустов смоковницы наместника встретили сыновья и любящая супруга – прекрасная Нефтис, красотой подобна распустившемуся лотосу. Несмотря на рождение пятерых детей, одна из красавиц Большого Дома правителя оставалась, как и пятнадцать лет назад, такой же стройной, с высокой грудью и гладкой бронзовой кожей. Совсем не скажешь, что она встретила уже тридцать второй разлив Хапи. Немного вытянутое нежное лицо несколько не тронули морщинки. Возможно, прелестница пользовалась мазями местных кушитских знахарок, знающих секреты молодости, а может – все ее божественная кровь правителей Обеих Земель⁶. Нефтис происходила от побочной жены Небмаатра Аменхотепа Хека Уасета⁷, хотя и никогда особо не кичилась этим. Нежная супруга и заботливая мать, она служила примером подражания для жен местных чиновников. Всегда одета просто, но со вкусом. Никогда не брила голову и не носила париков. Красиво убирала густые жесткие волосы, украшая их тонкими нитями сверкающих стеклянных бусинок. Слегка подводила глаза и немного чернила тонкие брови, но не накладывала на лицо много краски. Движения ее от природы были плавными и легкими. Говорила она мягким голосом, немного нараспев.

¹ Куши или страна Куш – существовавшее в северной части территории современного Судана

² Йот или Атон – единый бог солнечного диска, монотеистический культ которого был введён фараоном Эхнатом

³ Эхнэйот или Эхнатон – Аменхотеп IV (позднее Эхнатон) – фараон Древнего Египта (1375 – 1325 г. до н.э.), правивший приблизительно в 1351 – 1334 годах до н. э., из XVIII династии, выдающийся политик, знаменитый религиозный реформатор, во время правления которого произошли значительные изменения в египетской жизни – в политике и в религии. Сын Аменхотепа III и царицы Теи.

⁴ Нефритити. Время правления которого ознаменовалось крупномасштабной религиозной реформой. Роль самой царицы в проведении «солнце-поклоннического переворота» спорна

⁵ Дом Ликования – дворец правителя

⁶ Одно из названий древнего Египта

⁷ Аменхотеп III – фараон Древнего Египта, правивший приблизительно в 1388 – 1351 годах до н. э., из XVIII династии. Сын Тутмоса IV и царицы Мутемуйи (Мут-ма-у). Время правления Аменхотепа III стало одним из величайших периодов расцвета древнеегипетской цивилизации. Свидетельства тому – грандиозные храмовые комплексы и превосходные памятники скульптуры, изящные туалетные вещицы и многие другие произведения искусства, считающиеся шедеврами лучших египетских собраний музеев мира.

Глядя на свою возлюбленную, Хеви иногда подмечал в ней гордые черты отца, смягченные загадочной женственностью. Отец Нефтис – Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет правил мудро и умело больше тридцати лет. Все эти годы страна не знала воин и бедствий. Если не считать чумы, которая однажды заглянула с севера. Но благодаря умелым действиям правителя и усердию жрецов, болезни не позволили расползтись вверх по берегам Хапи. Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет хоть и слыл миролюбивым властителем, но в самом начале своего правления жестоко подавил восстание в Куши; разбил воинственные чернокожие племена Нехсиу и отогнал их далеко за четвертый порог. А к благим делам Небмаатра Аменхотепа Хека Уасета можно записать снаряжение героического плавания в далекую страну Пунту⁸, из которой корабли вернулись доверху набитые редкими породами деревьев, диковинными животными и сундуками с благовониями. А каким он был тонким дипломатом! Он всегда умел внимательно выслушать послов, с достоинством принять дары. Но после мягко и убедительно навязать им свою волю, словно удав, заставляя зайца замереть и ждать, когда тот его проглотит. Если до него обладатели двойной короны пшент покоряли северные народы при помощи армии, то Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет выбрал иной путь – мирный, и действовал очень успешно. У ворот Большого Дома в Уасте⁹ вечно толпились посланники далеких стран. На торговой пристани не смолкала чужеземная речь. А как волновался стольный город Уаст, когда прибыла принцесса из Митаннии¹⁰, чтобы стать супругой правителя. Чуть ли не все жители высыпал на берег встречать разукрашенный корабль, на котором прибыла красавица Гилухепа. Три дня продолжался праздник. Но еще пышнее проходили торжества, когда ко двору Небмаатра Аменхотепа Хека Уасета из Вавилона властитель далеких восточных земель Кадашман-Энлил вместе с богатыми дарами лазурита, стройными скакунами и конской упряжкой прислал свою дочь. Пользуясь благоприятным мирным временем, Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет развернул строительство по всей стране от Бухена за первым порогом до Хекупта на севере. Возводились новые храмы и дворцы. Одни только пилоны храмов Амуна в Солебе и Седеинге чего стоят. За столь грандиозные великие свершения, жречество Амуна еще при жизни обожествило Небмаатра Аменхотепа Хека Уасета и его старшую жену Тейе. Все, к чему притронулись царственные супруги, становилось священным. Что касается детей, то и тут его не обделил Амур. Правитель породил двух сыновей и девять дочерей от разных жен. Одна из этих девяти дочерей, прекрасная Нефтис и стала супругой Хеви. Но теперь только золотой анх, висевший на тонком запястье напоминал о ее божественном происхождении.

Хеви нежно обнял жену, потрепал сыновей и присел перед круглым столиком на небольшой стульчик с низенькой резной спинкой. Супруга налила в его любимую золотую кружку теплого коровьего молока. Служанка поставила поднос с горкой дымящихся пирожков. Наместник с аппетитом принялся за завтрак, но вдруг, оглядев всех домочадцев, спросил:

– Где мой старший сын Амени? Неужели, до сих пор спит?

– Ну что ты, – успокоила его супруга. – Он встал еще до восхода и отправился к камышам подстрелить тебе на завтрак утку.

⁸ Земля Пунт, то есть «Земля богов» – известная древним египтянам территория в Восточной Африке. Пунт, помимо Египта, вёл торговлю с Аравией и, видимо, был расположен на Африканском Роге. Тем не менее, споры по поводу расположения Пунта продолжаются до нашего времени, так как египетские источники со всей точностью сообщают только тот факт, что Пунт находился на южном побережье Красного моря. Считается, что Пунт мог находиться на территории современных Сомали или Эритреи и части суданского побережья, хотя выдвигаются и теории, связывающие Пунт с упомянутыми в Библии Офиром и Савским царством, расположенными на территории Аравийского полуострова.

⁹ Уаст – в греческом наименовании: Фивы

¹⁰ Митаннии – (Ханигалбат) – древнее государство (16-13 вв. до н. э.), созданное племенами хурритов на территории Северной Месопотамии и прилегающих областей. Население Митаннии состояло из хурритов и семитов, официальными языками были хурритский и аккадский.

– Он еще не вернулся? – забеспокоился Хеви. – Я же предупреждал его, что в конце сезона Шему опасно ходить к воде. Крокодилы откладывают яйца. Гиппопотамы рожают детенышей. Змеи выползают из нор для брачных игр.

– Не осуждай его. Ты не заметил, как он вырос. Его Ка набирается мудрости, его ба тнется к Йоту, а ты все еще относишься к нему, как к ребенку.

– Он встретит только пятнадцатый разлив Хапи в своей жизни¹¹. О какой мудрости может идти речь? – вспыхнул Хеви

– Амени хотел тебе сделать приятное. Твой старший сын любит тебя и хочет во всем походить на своего отца, – защищала мать пропавшего сына.

Хеви насупился, но промолчал. Если Нефтис начинала кого-то защищать, то спорить с ней – дело бесполезное. Эта мудрая женщина всегда умела мягко остудить гнев супруга. Покончив с завтраком, Хеви поблагодарил жену и направился в зал для приемов.

В прохладном полутемном помещении собрались важного вида писцы, надменные чиновники и представители чернокожих местных племен с золотыми кольцами в ушах. На деревянных резных скамьях восседали судьи кенебет в тонкой льняной одежде, с широкими ожерельями на груди, и судьи джаджат из местных уважаемых людей, одетые поскромнее, но в сандалиях. Среди чиновников выделялась бритая большая голова гесперу города Бухена: распорядителя всех работ в городе, главного над лучниками города и главного над складами города.

У ног судей полукругом расположились писцы. Служители Тота¹² расселись на циновки, поджав под себя ноги. Некоторые уже замешивали чернильный порошок в глиняных чашечках и разжевывали кончики кисточек, чтобы удобнее было писать на чистых светло-зеленых свитках папируса.

Дневной свет едва проникал сквозь узкие окошки, расположенные почти под самым потолком. Солнечные лучи золотыми пятнышками ложились на мозаичный каменный пол и освещали массивные круглые колонны.

– Пусть жизнь ваша будет полна ликования, и здоровьем! – приветствовал их Хеви.

Чиновники поднялись со своих мест, поклонились, протянув к нему открытые ладони, и хором ответили:

– Пусть не покинет тебя благосклонность Йота.

Рисут¹³ подвинул Хеви высокий стул. Наместник опустился на мягкую кожаную подушку и попросил сесть всех остальных. Писцы тут же развернули свитки и приготовились записывать.

– Сегодня шестнадцатый год правления Того, кого любит Йот, сезон Шему, день сороковой, – продиктовал Хеви. Писцы зашуршали кисточками, усердно выводя знаки. – Каков уровень воды? – Спросил наместник у чиновника, заведующим судоходством.

– Самый низкий, – ответил тот. – Обходной канал пересох. Приходится лодки и груз передвигать на волокушах по берегу.

– Нам скоро надо будет отправлять дань в столицу. Найми маджаев. Пусть перетаскивают к Острову Слонов все, что мы собрали с подвластных племен и поселений.

– Уже распорядился.

– Каков размер дани? – Обратился Хеви к другому чиновнику, ведающему сбором податей.

Чиновник кивнул одному из писцов, сидящих на полу. Тот развернул свиток с записями и прочитал:

¹¹ Возраст в Древнем Египте исчисляли исходя из ежегодных разливов Нила (Хапи)

¹² Тот — древнеегипетский бог мудрости и знаний.

¹³ рисут – слуга

– Число того, что было в дани этой:
Те, кто был нагружен золотом, человек – 20.
Те, кто был нагружен камнем человек – 150.
Те, кто был нагружен гранатами человек – 200.
Те, кто был нагружен слоновой костью, человек – 45+ 140.
Те, кто был нагружен эбеновым деревом, – 1000.
Те, кто был нагружен всеми видами ароматов южных стран, человек – 100 + 20. Те, кто был нагружен колесницами, человек – 50.
Те, кто был с живыми пантерами, человек – 10.
Те, кто был с собаками, человек – 20.
Те, кто был с обезьянами, человек – 20.
Те, кто был с длиннорогим скотом и короткорогим скотом человек – 400.
И того: те, кто под данью, человек – 2175
Все сосчитано и переписано. Золото взвешено.
– Хорошо, – кивнул Хеви. – В этом сезоне мы справились со сборами. А как торговля? Третий сановник, отвечающий за торговлю, доложил:
– Из земли Ирчет¹⁴ прибыли люди нехсиу¹⁵ со шкурами животных. Просят дозволения обменять их в городе на зерно и оружие.
– В город не пускать, – строго приказал Хеви. – Пусть с утра и до вечера торгуют между внешней и внутренней крепостной стеной, а на ночь уходят. Что-то зачастили нехсиу в Бухен.¹⁶ Не хотят ли они напасть на нас?
– Сторожа с собаками несут дозор на всех дорогах. Вчера заметили вооруженных нехсиу вблизи дальнего колодца по пути в каменоломни, – ответил начальник лучников. – Нехсиу в бой не вступали и скрылись в степи.
– Усиль охрану. Пусть дозорные не только днем, но и по ночам следят за дорогами, – отдал приказ Хеви, затем обратился к распорядителю строительных работ: – Как продвигается строительство города Южного Ахйота?
– Из каменоломен поступает белый диорит с черными крапинками для возведения солнечного храма Йота, – ответил распорядитель строительных работ. – Бронзовые орудия взвесили и раздали мастерам. Нагрузили ослов: двадцать мешков полбы, десять мешков ячменя, пять мешков лука, пять чеснока, мяса вяленого – десять корзин, разного хлеба – пятьдесят корзин, пива – двадцать больших кувшинов. Все отправлено строителям Южного Ахйота.
После рапортов чиновников последовали жалобы от местных скотоводов и земледельцев. Хеви терпеливо выслушивал каждого, давал распоряжения, решал спорные вопросы. Старался вершить суд справедливо. Судьи кенебет и судьи джаджат кивками подтверждали справедливость решений наместника. Наконец с делами было покончено.
– Можете идти! Пусть Йот помогает вам в работе, – отпустил Хеви собрание.
Все разошлись. Наместник остался в зале один. Осторожно вошел стройный высокий юноша. В руке он нес пару подстреленных камышовых уток. Охотничий лук и чехол с тонкими стрелами висел у него за спиной. Юноша встал перед наместником на колени и склонил голову.
– Прости, отец. Я увлекся охотой, и не заметил, как солнце поднялось высоко. Хотел вернуться до твоего пробуждения.
– У тебя удачная охота, – похвалил его Хеви, разворачивая веером серые крылья подбитых уток. – Но разве я не говорил, чтобы ты не ходил в камыши? – Хеви сердито нахмурил брови.

¹⁴ Ирчет, Иам, Уауат – области в районе третьего порога Нила

¹⁵ нехсиу – местные полудикие племена

¹⁶ Бухен – древнеегипетские крепость и поселение, расположенные в Северной Нубии, в районе Второго порога Нила

– Я был осторожен, отец. Мои уши чутко улавливают каждый шорох. Мои глаза различают притаившегося зверя. Мой нос слышит запахи не хуже собачьего, – оправдывался юноша.

– Те звери, что в камышах подстерегают добычу, не так опасны, как те, что подкрадываются к нам из пустыни. Нехсиу с оружием и дурными мыслями появились возле Бухена – вот чего я опасуюсь. Много разливов прошло с тех времен, как правитель Небмаатра Аменхотеп Хека Уасет жестоко подавил восстание черных племен. Теперь они вновь занялись разбоем. Зверя можно испугать, но воины нехсиу ничего не боятся, разве только, колдовства. К тому же они хитрее любого хищника. Поэтому, прошу тебя: не выходи один за городские стены.

– Хорошо, отец, – пообещал юноша.

– Прикажи кухарке: пусть приготовит уток. – Смягчил тон отец. – Мы вместе попробуем твою добычу. Но помни мои слова: один из города – ни на шаг.

Вошел рисут и сообщил, что наместника хочет видеть вождь страны Теххет, великий Руну.

– Откуда он здесь? – Хеви нахмурился. – Почему мне не доложили о его прибытии заранее?

– Лодка вождя только что причалила, – оправдывался рисут. – Он сразу направился к тебе.

Пришлось отложить все дела и идти встречать вождя Руну. Повелитель земель Теххет слишком важная персона в Куши, чтобы заставлять его ждать. Руну стоял во главе многочисленного народа. Его смелые неутомимые охотники поставляли для Та-Кемет шкуры животных и живых обезьян, перья страусов; лесорубы снабжали черным деревом, а оружейники делали тугие луки и ровные тонкие стрелы.

Хеви приказал подать ему плетъ нехех с тремя хвостами – символ власти наместника Куши. Рисут надел на его плечи широкое ожерелье из медных и золотых пластин, вперемешку с лазуритом, прикрепил сзади к кушаку бычий хвост с позолоченным концом.

Пройдя по темной колоннаде, Хеви попал в сад для приемов важных гостей, где его ждал вождь Руну со своей свитой. Восемь чернокожих слуг в набедренных повязках опустили носилки и встали на колени, уткнувшись лбом в землю. Из носилок поднялся сам глава земель Теххет. Огромный головной убор из перьев птиц колыхался на его большой голове. Надменное круглое лицо украшали золотые цепочки, шедшие от уха до уха, продетые сквозь мясистый нос. В мочках ушей болтались массивные золотые кольца. Шкура льва покрывало широкие плечи и выпуклую грудь вождя. Лапы, с крашенными в кровавый цвет когтями, свисали на живот. Множество амулетов из клыков зверей, змеиных головок и разноцветных камушков опоясывали руки и шею.

После приветственных поклонов, пожеланий здоровья и мира Хеви опустился на низкий стульчик, а вождю расстелили пеструю циновку, так, как в земле Теххет не пользовались мебелью. По обе стороны от вождя возникли два рослых чернокожих охранника с тяжелыми копьями. На шеях у них красовались ожерелья из пестрых птичьих перьев. Браслеты из таких же перьев украшали запястья и щиколотки. За спиной вождя появился старый колдун. Лицо старика походило на высохший инжир. Сам он весь, утыканный черными перьями, чем-то напоминал облезлую старую ворону.

– Что заставило моего брата прибыть так скоро, без предупреждения? – Спросил Хеви. – Я не успел приготовить достойную встречу.

– Беда случилась в наших землях, – немного высоким голосом, на плохом языке роме проскрипел вождь. – Если мой брат, Хеви мне не поможет, я не смогу больше приносить к нему шкуры животных и черное дерево.

– Готов сделать все, что в моих силах, – пообещал Хеви.

– Дух Сехемет появился в наших землях. Когда-то мои воины вырезал племя Иккуу в земле Миу. Они мешали нам охотиться, не пускали в свои леса, убивали моих лесорубов. Тогда

я пришел и сжег дома непокорных. Многих убил, многих пленил и отправил в Кемет на рытье каналов. Остатки племени ушли дальше в земли Ибхат. Но их колдун наслал на нас проклятье. Теперь Дух Сехемет не дает нам покоя.

– И как же он вам мешает?

– Дух воплотился в большого льва, нападает на наших охотников, ночью приходит в селения скотоводов и загрызает людей.

– Может, это обыкновенный зверь, каких много в саванне? Случается такое: оголодавшие львы нападают на людей. Его надо выследить и убить, – предположил Хеви.

– Львы не бывают такими хитрыми. Зверь обходит все ловушки. Прокрадывается за спинами дозорных, они его не замечают. Но самое страшное: лев не нападает на скотину, а загрызает только людей. Мои лучшие охотники погибли от его зубов. Большой Уж хотел его выследить, охотника нашли с откушенной головой, а печень съедена. Быстрый Барс прятался в засаде, пытаясь подкараулить зверя. Но и он не смог перехитрить Сехемет. Куски его тела собирали целый день. Мои люди боятся ходить за деревом и выгонять скот на пастбища. В поселениях все перепуганы.

– У тебя же есть воины? – удивился Хеви. – Организуй облаву.

– Мы пытались, – безнадежно махнул рукой вождь. – Мы целых десять дней рыскали по лесам и по горам, но не нашли зверя. Подумали, что Сехемет пропал, провалился в свой подземный мир, и беды наши закончились. Но зверь объявился вновь. Даже наши колдуны ничего не могут поделать. Их заклинания не способны отогнать злого Сехемет.

– Какой помощи ты от меня ждешь?

– Дай мне сотню твоих воинов с собаками. Пусть храбрые лучники охраняют мою землю.

– Не могу, – отрицательно покачал головой Хеви. – У меня у самого воинов не хватает. Земля большая. Нужно следить за каждой дорогой. Тут еще нехсиу объявились. Если они нападут на Бухен, кто будет защищать город?

– Уши моего брата хорошо слышат, – помрачнел вождь, не желая принимать оправдания наместника. – Если мой брат мне не поможет, я не смогу присылать ему черное дерево и обезьян. Как я буду добывать шкуры животных, если моих охотников Сехемет разрывает на части. Пусть мой брат не ждет от меня белого камня, который его мастера превращают в золото.

– Прошу вождя простить меня, но воинов я дать не могу, – стоял на своем Хеви.

Старый колдун, все это время молча стоявший сзади вождя, прокаркал что-то на своем языке. Руку выслушал его, кивнул и вновь обратился к наместнику Куши:

– Мой уважаемый брат случайно не знает человека, у которого на левом боку родимое пятно в виде бабочки?

Хеви сразу не сообразил: при чем тут родимое пятно, да еще на левом боку. Вроде бы видел он такое пятно в виде бабочки, даже очень часто. Но у кого? У Амени! Старший сын родился с такой отметиной. Жрецы возвестили, что ребенка пометил Йот, и счастье ему обеспечено на долгие годы.

– У моего сына, – вспомнил Хеви.

– Не мог бы мой брат позвать его, – попросил Руну.

Рисут сбегал за юношей. Амени вошел и с почтением поклонился вождю. Сгорбленный колдун осмотрел родимое пятно на левом боку юноши, чуть выше пояса, воздел костлявые руки к небу и заголосил.

– Старый Ворон прошлой ночью взывал к богу Дедуну, нашему защитнику, – объяснил Руно. – Дедун во сне прислал к нему богиню-змею Нехебкау. Она поведала, что мой народ спасет от Сехемет избранный с родимым пятном на левом боку в виде бабочки.

– О чем ты говоришь? – возмутился Хеви. – Еще не прошло пяти разливов, как моему сыну состригли детский локон. Куда ему тягаться со львом? Твои охотники, убившие не один десяток хищников, ничего не могут сделать, а чем поможет пятнадцатилетний мальчишка?

– Ты не хочешь меня понять! – обиделся Руну, переходя на крик. – Твой сын – избранный. Он обладает волшебной силой, которую боится Сехемет. Только он сможет его победить.

– Нет! – отрезал Хеви. – Лучше я десять раз умру, накличу на себя гнев Йота, откажусь от возрождения с солнцем после смерти, но не подвергну своего сына опасности.

Переговоры окончились ничем. Слуги помогли вождю поднять грузное тело и усадили в носилки. Носилки уплыли. Перья головного убора вождя Руну плавно покачивались, исчезая за кирпичной оградой.

В саду появился старый Мериамос. Старик служил наместником Куши еще при Небмаатра Аменхотеп Хека Уасете. Он так привык к южному солнцу и к здешней неторопливой размеренной жизни, что ни за какие блага не хотел переезжать куда-нибудь севернее: в город Менфе или в город Нэ. Хеви разрешил старому Мериамосу остаться в доме правителя Куши, и даже частенько спрашивал у него совета.

– Ты слышал все. Что скажешь? – обратился к нему Хеви.

– За последнее время многие вожди отвернулись от нас. Договоры растоптаны, и никто не боится наших угроз, – напомнил ему Мериамос. – А из Ахйота – нашей солнечной столицы – требую все большей дани. Если ты поссоришься с Руну, что тогда отправишь в следующий раз? Пустые корабли? Ни золота, ни дерева, ни зверей. Сыну Солнца¹⁷ это не понравится.

– Но я не могу послать воинов в земли Теххет. Мне они нужны здесь для охраны дорог.

– Найми хорошего охотника, – посоветовал Мериамос. – Я слышал: Хуто появился в Бухене. Он в одиночку охотится на львов и на пантер. Искуснее и опытнее охотника не найти в наших краях. Я не припомню ни одного зверолова в Куши, даже из маджаев, который превзошел бы его. Пусть Хуто отправится в земли Теххет и попробует убить зверя.

– Я отдам распоряжение, чтобы его нашли, и поговорю с ним, – согласился Хеви. – На днях мне надо отбыть к Острову Слонов. Попрошу у начальника Южных Врат¹⁸ немного воинов для усиления гарнизона. Надо прогнать нехсиу с наших земель. Ты вместо меня сможешь ненадолго управиться с Бухеном?

– Конечно! – Мериамос просиял. Старику было очень приятно осознавать, что еще нуждаются в его услугах. – Но не забудь про Хуто. Надо уважить Руну. Этот вождь – один из немногих, кто еще признает власть Кемет. Потеряешь землю Теххет – останешься без восточной Куши.

Хеви серьезно призадумался. Амени подошел к отцу и склонил голову.

– Ты хочешь меня о чем-то попросить? – взглянул на него наместник.

– Отец, я слышал твой разговор с вождем. Позволь мне отправиться в земли Теххет.

Старый Мериамос хрипло рассмеялся:

– Мальчик хочет охотиться на львов? Ты уже научился справляться с камышовыми кошками?

– Амени, – отец потрепал его по подбородку. – Я хочу увидеть тебя живым, когда вернусь с Острова Слонов¹⁹. – Он поднялся, собираясь уйти в дом. – На львов охотятся настоящие мужчины. Зверь одним ударом лапы может расколоть голову. Надо знать их повадки, уметь хорошо владеть оружием. Иногда, даже самые опытные охотники гибнут от зубов зверей. Что я понял со слов вождя Руну: в землях Теххет не просто зверь – здесь замешана магия. Сильная магия. Прежде, чем идти против Сехемет, надо выучить заклинания и заказать у колдунов амулеты.

¹⁷ Сын Солнца – один из титулов правителя Египта

¹⁸ Южные Врата – место, где заканчиваются первые пороги Нила и начинается судоходное русло

¹⁹ Остров Слонов – Элефантина, остров с м древним городом на Ниле. Расположен недалеко от первых нильских порогов, ниже по течению

– Но есть Йот – защитник всех живущих на земле. Он поможет мне, – настаивал Амени. –
Потом, ты помнишь: Руну назвал меня избранным.

– Глупости! – Отец не слушал его и зашагал к дому.

Амени с надеждой посмотрел на старого Мереамоса: может, он его поддержит. Старик
только пожал плечами:

– Слова отца надо уважать. Но если ты хочешь доказать, что стал мужчиной – действуй
как мужчина.

2

В назначенный день, вечером Хеви с небольшим отрядом маджаев-телохранителей отправился из Бухена к Острову Слонов. Небольшое суденышко с задранной, словно рыбий хвост, кормой, расправив белый парус, отчалило от каменистого берега и, под дружный всплеск весел, направилось вниз по реке.

Амени нашел мать в саду. Служанки перебирали плоды фиников, отделяя хорошие от подпорченных. Младшие братья носились между деревьев, играя в маджаев²⁰ и нехсиу. Нефтис ходила с садовником по узким каменным дорожкам и указывала, какие деревья подстричь, а где разбивать клумбы. Амени упал перед ней на колени.

– Что беспокоит сердце твое? – спросила мать у сына мягким голосом и погладила его жесткие прямые волосы.

– Мне обидно, мама, – произнес Амени голосом полным отчаяния. – Отец все еще думает, что я маленький. Я бегаю быстрее всех своих сверстников. Я самый высокий среди моих товарищей. Моя рука метает копье на пятьдесят шагов.

– Твоя Ба²¹, словно птенчик хочет вырваться из гнезда и полететь, взмахнув крыльями. – Мягкие руки Нефтис нежно касались его головы. – Как я могу тебе помочь?

– Отпусти меня в земли Теххет. Я должен доказать себе и отцу, что уже вырос и окреп. Я – воин!

– Как я могу тебя держать. Иди! – грустно ответила Нефтис. – Но, когда захочешь совершить что-нибудь безрассудное, вспомни о моем сердце. Оно болит и тоскует. И если с тобой случится беда, сердце матери покроется шрамами, и его ничто уже не излечит.

– Мама, я буду помнить. Обещаю! Я очень люблю тебя.

Амени почувствовал, как горячая слеза обожгла шею. Он вскочил на ноги, обнял мать, поклонился и ушел.

Копье с отточенным бронзовым наконечником, тугой лук, чехол с острыми стрелами, кривой кушитский нож с костяной удобной рукоятью, которая, как влитая ложится в ладонь, льняной плащ и мешок с хлебом – все, что захватил с собой Амени в дорогу. Перво-наперво он появился в Солнечном Храме Бухена и возложил на жертвенник перед каменной стелой Йота хлеб, налил в жертвенную чашу оливковое масло. Из его уст прозвучали слова молитвы, заученные с детства:

– Ликующий на небосклоне в имени своем Йот, кому дано жить вечно вековечно, Йота живого, великого, что в празднестве тридцатилетия, владыки окружаемого всего солнцем, владыки неба, владыки земли, владыки дома Йота в Ахйоте, правителя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефршепррэ Ванрэ, сына Рэ, живущего правдою, владыки венцов Эхнэйота, большого по веку своему, жены правителя великой, возлюбленной его, владычицы обеих земель Нефрнефрейот Нефрэт – жива она, здрава, молода вечно, вековечно! Даруйте мне удачу и поддержите в трудном деле.

До конца Амени не понимал смысл слов, но верил, что эта молитва, как заклинание колдунов помогает в трудах и оберегает от несчастья.

После храма будущий охотник отправился в нижнюю часть города, где жили ремесленники, мелкие торговцы и воины. Небольшие домики из необожженного кирпича лепились один к другому. Пятнистые козы щипали скудную травку, пробивающуюся из-под забора. Возле

²⁰ маджаи – племена, населявшие Северную Нубию, из которых были сформированы отряды наемников

²¹ По представлениям древних египтян, душа состоит из нескольких составляющих: Сах – видимое тело, плоть, Ка – душа-двойник, Ба – жизненная сила, Эб – душа-сердце, Ах – частичка энергии вселенной.

покривившихся деревянных калиток незыблемо стояли неохватные многолетние сикоморы или корявые акации, бросая прохладную тень на ухабистую узкую улицу.

Расспросив нескольких человек, Амени узнал, что охотник Хуто обычно останавливается в доме старого оружейника. Кто-то слышал, что Хуто прибыл в Бухен со шкурами черных пантер. Хотел обменять их на стрелы, бобы, на ткань для одежды, и еще на всякую мелочь; да отдохнуть не мешало в тенистых садах после долгих странствий по знойной пустыне и по диким джунглям.

Шагая в указанном направлении, Амени наткнулся на кучку местных жителей, сидевших на корточках под раскидистой сикоморой, и мирно беседовавших о своих повседневных делах. Отворилась скрипучая дверь. Из дома напротив вышел толстый брадобрей с ларчиком черного дерева, в котором он хранил бритвы, всевозможные щипчики и мази. Следом появились два его сына. Один нес трехногий табурет и низкий столик, другой держал в руках медный тазик шаути и кувшин с узким носиком хесмени.

Мужчины, сидевшие под сикоморой, оживились. Один из них оседлал табурет и приготовился к процедуре бритья. Брадобрей разложил на столике инструменты, осмотрел внимательно голову клиента и принялся смазывать ее пенящейся пастой суаб.

– Ты много ходишь по солнцу, – причитал брадобрей. – Смотри, твоя кожа совсем иссохла.

– Но мне уже много лет, – возражал клиент.

– Все равно, надо следить за кожей. Взял бы у меня мазь. Она из старика сделает юношу, – настаивал брадобрей, скребя бритвой голову.

– Что за мазь? – заинтересовались остальные, ожидавшие своей очереди. – Может нам пригодиться.

– Отличная мазь, – уверял брадобрей. – Готовлю ее по старинному рецепту. Я смешиваю в особых пропорциях мед, белую глину и северную морскую соль, варю все это в ослином молоке.

– Дорого стоит? – спрашивали мужчины.

– Не дорого, – успокаивал их брадобрей. – Но есть еще дорогая и очень хорошая мазь. Ту я готовлю на заказ. Даже многие знатные горожанки у меня ее приобретают. Я покупаю у местных кушитов метелки сухого сочевника. Плоды отделяю от шелухи и мелко, мелко перетираю. Затем на специальных маслах и молоке замешиваю тесто. Тесто нагреваю, так, что выделяются капельки масла. Вот это масло я собираю и смешиваю с белой глиной. Получается волшебный эликсир. Кожа становится от него гладкой и упругой.

Один из местных заметил Амени.

– Пусть охраняет тебя Йот, юноша. Ты пришел побриться? – спросил он.

– Пусть Йот всегда освещает ваши дома, – вежливо ответил Амени. – Я ищу охотника Хуто.

– Вон он возле дома оружейника развалился на циновке, – указали ему горожане.

В тени, отбрасываемой кирпичной неровной стеной, на камышовой циновке нежился крепкий высокий человек. Положив руки под голову, он безмятежно смотрел в голубое небо, наблюдая за парящим соколом. Рядом сидел старый оружейник в одной набедренной повязке и ловко натягивал толстую кожу бегемота на деревянную колодку для щита, закрепляя ее бронзовыми клепками.

– Живите вечно, – поздоровался Амени.

– И тебе того же желаем, – ответил оружейник. – Хочешь что-нибудь приобрести для охоты или заказать боевое оружие?

– Я хочу поговорить с охотником по имени Хуто.

Человек, лежавший на циновке, оторвался от своих наблюдений и перевел взгляд на Амени. Окинув юношу с ног до головы, он приподнялся и сел. От его внимательного взгляда

не ускользнули дорогие кожаные сандалии на ногах Амени и золотой браслет на руке. Строгое скуластое лицо с обветренными губами ничего не выражало, только темные карие глаза, как будто прожигали насквозь. Непривычные для мужчин длинные волосы были скручены на макушке в тугий узел, на манер чернокожих охотников Куши. Плечи широкие, как у воина. Руки сильные, покрытые выступающими синими жилками и розовыми шрамами. Тело гибкое, сухое, без единой складочки жира.

– Меня так зовут с детства, – представился он. – Кто ты, и что тебе надо?

– Мое имя – Амени, сын Хеви. Я хочу попросить тебя взять меня на охоту.

Хуто удивленно посмотрел ему прямо в глаза, пожал плечами.

– Зачем ты мне нужен? Я ни у кого не учился, и сам никого не учу.

– Почему ты сразу так грубо отвечаешь, – укорил его оружейник. – Перед тобой Амени – старший сын наместника Куши, даруй Йот ему вечную жизнь. Он пришел к тебе, потому, как ты самый лучший охотник в округе. Не пойдет же он учиться к толстому Уну. Тот только гусей умеет стрелять, да силки ставить на всякую мелочь.

– Но зачем сыну наместника учиться охоте? – не совсем понял Хуто. – Разве нет других дел, более достойных для благородного юноши? Тебя не прельщает работа писца или смотрителя складов?

– Возьми меня с собой в земли Теххет. Я должен найти духа Сехемет, – настаивал Амени.

– Наместник Куши, Хеви, да живет он вечно, нанял меня за годовое довольствие хлебом и одеждой убить льва-людоеда. Но мы не договаривались о том, чтобы я с собой тащил его сына и развлекал охотой, – жестко ответил Хуто.

– Меня не надо развлекать. Я хочу тебе помогать.

– И как же ты собираешься это делать? Понесешь мое копье или будешь готовить пищу, как слуга? О чем ты говоришь? – Хуто готов был опять улечься на циновку, давая понять, что разговор окончен.

– Я согласен на все! – твердо заявил Амени. – Если вождь Руну откажется прислать дань из земель Теххет, гнев правителя падет на голову Хеви.

– Юноша не из любопытства напрашивается, – вновь вмешался оружейник. – Он хочет постоять за честь отца. Это благородно. Разве ты сможешь ему отказать?

– Когда я отправляюсь на охоту, то всякий раз прощаюсь с друзьями и родственниками, потому как неизвестно: вернусь ли я живым, или мои кости обглодают шакалы. Я сам отвечаю за свою жизнь и не хочу отвечать за чью-либо другую. Охота – это не увеселительная прогулка. Так что – отправляйся обратно домой.

– Есть еще одна причина, по которой ты обязан меня взять, – настаивал Амени.

– Вот пристал! – начал сердиться охотник. – Расскажи, что за причина.

– С вождем Руну приходил колдун и сказал, что я – избранный. Только мне по силам победить Сехемет.

– Неужели так сказал Старый Ворон? – Хуто удивленно вздернул брови.

– Слово в слово!

– Его прорицания многого стоят. – Охотник сменил тон, задумался. – Сколько же тебе лет? Только не ври. Если один раз меня обманешь, я больше не стану с тобой разговаривать.

– Я встречаю пятнадцатый разлив, – честно признался Амени.

– Всего-то? – усмехнулся охотник.

– Себя вспомни? – вновь попрекнул его оружейник. – Сам в четырнадцать ушел из дома. Видите ли, ему не нравилось пасти скот вместе с братьями! Захотелось охотиться! Вспомни, как ты клянчил у меня лук и стрелы, да в первое время приносил тощих гусей с реки. Даже газель не мог подстрелить.

– Я хожу быстро, сплю мало, почти ничего не ем на охоте, – предупредил Хуто Амени. – Выдержишь несколько дней без отдыха и нормальной еды? Если заноешь, я тебя тут же отправлю домой.

– Выдержу! – с готовностью ответил Амени.

– Что ты умеешь?

– Я метко стреляю из лука, высоко кидаю бумеранг. Владею копьем. Обучался кинжальному бою.

– Покажи свои стрелы, – попросил Хуто.

Амени снял чехол с плеча и протянул охотнику. Тот вынул одну стрелу и внимательно осмотрел острый бронзовый наконечник, пощипал оперение.

– Прямые, – удовлетворенно кивнул он, – только легкие. Для птицы – хороши, но, если на зверя идти, стрелы нужны тяжелые. А лук? – Охотник вынул лук. – Не пойдет, – решил он. У него оказались до того сильные руки, что он согнул лук, чуть ли не пополам. – Слабый. Гирькуф! – обратился он к старому оружейнику. – Продай ему боевой лук, маджаев.

– Ты имеешь в виду: из черной акации, что кушиты отмачивают в болотах, перед тем, как накинуть тетиву.

– Да! Ему нужен именно такой, – подтвердил охотник.

– Юноша не сможет его натянуть, – возразил оружейник. – Это у тебя сил, как у вола, а у мальчика кости еще не окрепли.

– Тогда продай вместе с луком кольца для стрелка.

– Хорошо. – Оружейник отложил работу и скрылся в доме. Вскоре он вернулся с тугим кушитским луком. – На, попробуй.

Новый, из темного выдержанного дерева, немного тяжеловатый, с упругой крученой тетивой, украшенный резьбой, лук непривычно оттягивал руку. Амени его старый показался игрушкой. Он попробовал натянуть, напрягая все силы. Тетива больно врезалась в пальцы.

– Ого! Не получается, – признался Амени.

– Попробуй так.

Оружейник надел Амени на средний и на указательный палец два медных широких кольца с канавкой посредине. Он вновь попытался натянуть тетиву. Руки задрожали от напряжения. Получилось!

– Вот и хорошо, – произнес удовлетворенно Хуто. – Немного потренируешься – рука привыкнет. Только чем будешь расплачиваться?

Амени снял с руки золотой браслет и отдал оружейнику. Гирькуф виновато улыбнулся, взвесив тонкое украшение на своей мозолистой ладони.

– Этого мало. Настоящий боевой лук маджаев стоит дороже.

– У меня с собой больше ничего нет, – растеряно развел руками Амени.

– Отдай ему сандалии, – посоветовал Хуто. – сандалии хорошие, дорогие. Все равно ты не сможешь в них ходить по пустыни. Я всегда хожу без обуви, – охотник показал на свои широкие крепкие ступни.

– Так ты меня берешь с собой? – обрадовался Амени.

– С условием! – предупредил Хуто, – не плакать, и во всем меня слушаться. Если я почувствую, что ты начинаешь мне мешаешь или надоедать, тут же прогоню домой. Выходим сегодня. Будем идти всю ночь.

– Ночью? – удивился Амени.

– Я всегда хожу ночью. Не жарко и тихо.

– Но в темноте ничего не видно. Если мы собьемся с дороги?

– А на что у тебя уши и нос? Хочешь стать хорошим охотником – стань зверем.

3

После заката, собрав все необходимое и уложив в дорожные холщевые мешки, охотники отправились в путь. Покинув стены Бухена, они шли на юг. Хуто бодро шагал впереди, Амени еле поспевал за ним. В темноте он поначалу все время спотыкался. Наконец, приноровился поднимать повыше ноги и осторожно ставить ступни на неровную каменистую землю.

Шагов через сто от города Хуто остановился.

– Сюда не наступай, – указал он место на дороге. – Видишь на обочине камень? Это отметина. Здесь зарыты глиняные таблички с проклятиями. Заклинания охраняют город от врагов, если те вздумает внезапно напасть.

– Я слышал о таких табличках, – вспомнил Амени, – но проклятия предназначаются для нехсиу. Нам они не принесут вреда.

– Все равно, лучше не наступать, – настаивал Хуто.

Дальше они двигались молча. Шли вдоль реки. Последняя пурпурная полоска заката угасла, и опустилась кромешная тьма, как обычно бывает в Куши. Звезды засияли над головой, словно глаза голодных гиен. В камышах слышался плеск и сердитое сопение. Жалобно заплакали шакалы. Амени становилось жутковато. Он впервые оказался ночью в дикой степи. Чтобы хоть немного успокоиться, юноша нащупал кинжал у себя за поясом. Холодная костяная рукоять в ладони придала уверенности.

Впереди сорвались на лай собаки дозорных.

– Кто там, на дороге? – послышался окрик.

– Охотники! – откликнулся Хуто.

– Это ты? – узнали его дозорные.

К ним приблизились два маджа с длинными копьями в руках. В темноте невозможно было разглядеть их лица. Амени почувствовал прикосновение холодного носа к телу. Здоровый черный пес обнюхал его. Убедившись, что это свой, собака потеряла интерес к путникам и отбежала в сторону.

– Куда собрался? – спросил один из маджаев, уже по-дружески.

– Направляюсь в землю Теххет, охотиться на льва.

– Решил сразиться с Сехемет? – вопрос прозвучал настороженно. – Слышали мы про нечисть, которая пожирает людей. Не страшно тебе?

– Не ходил бы ты, – посоветовал другой.

– Наши судьбы в руках Йота, – бесстрашно ответил Хуто.

– Пусть он не покидает тебя, – пожелали маджаи, словно прощались с охотником навсегда.

Шли долго, Амени показалось – бесконечно. Он никак не мог понять, каким образом Хуто находит дорогу? Все сливалось в единой плотно черноте. Лишь только горизонт угадывался там, где заканчивалось звездное небо, и небесная призрачная река падала на землю, превращаясь в Хапи – земную. Юноша спросил у охотника: почему он не сбивается с пути.

– Все просто, – объяснил Хуто. – Я чувствую тепло от дороги. Камни за день нагрелись, и теперь от них исходит жар. А по обочинам, где растет трава, земля прохладная.

Со временем Амени начинало казаться, что он слышит чьи-то шаги сзади. Юноша резко оборачивался, но ничего не замечал. Мерещились сверкающие глаза. Он крепче сжимал копье, и каждый раз хватался за кинжал. Хуто почувствовал его состояние и тихо, не оборачиваясь, посоветовал:

– Не обращай внимание. Ночные духи пытаются запугать тебя. Если не будешь бояться, они отстанут.

Неожиданно небо начало светлеть. Не сказав ни слово, Хуто остановился, выбрал место под деревом, расстелил плащ и улегся на него. Амени последовал его примеру. Ноги гудели от долгой ходьбы, а голова немного кружилась. Почти сразу усталость сомкнула веки, и юноша заснул.

Амени открыл глаза и увидел над собой светлое синие небо. Слабый ветерок шуршал в траве. Пели птицы. Доносился терпкий аромат диких цветов. Амени потихоньку приходил в себя, вспоминая, каким образом он здесь оказался. Заныли бока от острых камней. Шея еле поворачивалась. Юноша с трудом приподнялся и огляделся. Хуто нигде не было. Амени забеспокоился. Неужели он его бросил. Юноша вскочил на ноги и хотел позвать охотника. Но тут Хуто появился сам, словно леопард выскользнул из кустов.

– Долго спишь, – бросил он, присел рядом, вынул из дорожного мешка флягу со слабым пивом и кусок ячменной лепешки, протянул Амени.

– Костер не будем разжигать? – поинтересовался юноша.

– Нет. В ста шагах отсюда я видел следы воинов нехсиу. Если разбойники нас заметят, то нам не уйти, – предупредил Хуто. – Переправимся через Хапи. Здесь неподалеку есть брод. Крокодилов, вроде, не видно. На той стороне подождем до темноты.

В это время года, когда поднимался горячий западный ветер, предвещая скорый разлив, Хапи сильно мелел. Охотники преодолели без труда реку, хотя иногда им приходилось брести в воде по самую грудь, неся над головой вещи и оружие; местами боролись с сильным течением, которое готово было свалить с ног.

Когда они выбрались на другой берег, Хуто прислушался, осторожно раздвинул камыши. Утка захлопала крыльями, пытаясь взлететь. Хуто молниеносно выхватил бумеранг и метнул оружие в птицу.

– Вот и ужин, – довольно произнес охотник, доставая из зарослей подбитую птицу.

– Как ты ловко, – удивился Амени.

Огонь развели только к вечеру, когда убедились, что поблизости нет следов нехсиу. Хуто как-то по-особому запек утку в костре. Амени ни разу такого не видел. Охотник обмазал ее илом и долго ворочал на углях, пока ил не стал твердым, как камень. После он расколол твердую корку словно орех. Перья вместе с подгоревшей кожей остались в затвердевшем иле, а Хуто извлек из каменной скорлупы дымящееся аппетитное мясо.

Как только солнце коснулось западных гор, Хуто решил, что пора продолжить путь. Змеи и скорпионы попрятались обратно в свои норы, и они могут идти, не опасаясь быть ужаленными.

Через два перехода по безлюдной саванне, охотники вышли к лесистой равнине. Неподалеку тянулся заброшенный, но еще наполненный позеленевшей водой канал. Заросли расступились, и на границе унылой красной пустыни показались остатки стен времен Ахеперкара Тутмоса²². Вокруг стен ютились круглые соломенные хижины с конусными крышами. Дымились костры. Небольшие стада коз паслись, пощипывая травку. В загоне протяжно мычали волы.

В кустарнике скрывались стражники. Завидев путников, они закричал, угрожающе размахивая копьями, но, узнав Хуто, тут же успокоились и подняли в приветствии руки с открытыми ладонями. Тут же из хижин высыпали сотни чернокожих жителей. Среди них угадывались воины в набедренных повязках и в ожерельях их птичьих перьев. Все вооружение воинов состояло из коротких копей с каменными наконечниками и овальных разукрашенных щитов. Женщины в пестрых одеждах держали младенцев на руках. Под ногами вертелись голые кучерявые дети. Все с любопытством разглядывали пришельцев.

²² Тутмос I – фараон Древнего Египта, правивший приблизительно в 1504 – 1492 годах до н. э., из XVIII династии.

В проеме крепостной стены показались высокие маджаи и направились к гостям. Эти воины не принадлежали к простому люду. Длинные копья в их руках сверкали бронзовыми наконечниками. Прочные круглые щиты закинута за спины. Вместо одежды – шкуры черных пантер, а на шее ожерелья из зубов хищников. Золотые кольца оттягивали мочки ушей. Чем больше кольца – тем знатнее воин. Все, как на подбор высокие и сильные.

– Пусть солнце над вами сияет всегда! – поздоровался Хуто. – Я прибыл к великому вождю Руну по поручению Сына Куши и наместника Солнечного правителя в Южных странах благородного Хеви.

Воины провели их в крепость. Старые прочные стены, построенные когда-то при Аахеперкара Тутмосе, еще не совсем разрушило время, хотя наверху между камней пробивалась трава, и кое-где зияли глубокие трещины. Внутри крепости находился одноэтажный дворец правителя с множеством прямоугольных колонн. Раньше дворец служил домом наместника, заодно казармой и оружейным складом. За дворцом подпирала небо каменная игла обелиска в честь Амуна. Тут же во дворе разгуливали серые гуси и пятнистые козы. Когда-то это был грозный форпост с многочисленным гарнизоном. Нынче, власти не в состоянии содержать дальние заставы, поэтому крепость подарили вождю Руну, как одному из преданных вассалов великой Та-Кемет.

С десяток воинов стояли кругом. В центре, на желтой, выжженной земле что-то лежало. Мухи роились и назойливо жужжали. Воины расступились, и перед Амени предстало самое ужасное, что он когда-либо видел. Три изуродованных трупа, вернее три кучи разодранного мяса и костей. Его чуть не вывернуло наизнанку. Хорошо, что он ничего не ел. Голова закружилась, и юноша оперся на копье, чтобы не упасть. Несмотря на жару, ему вдруг стало холодно.

У первого трупа была раздавлена голова, как будто ее сжали между двух огромных валунов, к тому же не хватала правой руки, – ее вырвали из плеча. У второго отсутствовала нижняя часть тела. У третьего грудь была разворочена так, что ребра торчали вверх.

Амени отвернулся, не в силах больше смотреть. Но Хуто несколько не смутила эта ужасная картина. Он присел на корточки возле кровавых останков и стал внимательно хладнокровно их изучать. Через некоторое время он выпрямился и озабоченно произнес:

– Такого я еще не видел. Если это сделал лев, то он очень большой и свирепый.

Появился шаман в своем вороньем оперенье. Старик взвыл, судорожно сотрясая в воздухе глиняными погремушками. Воины склонили головы. Из дворца вынесли носилки, в которых восседал вождь Руну. За ним следовала немногочисленная свита. После церемониальных приветствий вождь вопросительно посмотрел на Хуто.

– К схватке с таким чудовищем надо подготовиться. Мне нужно дня три, – сказал охотник.

Руну кивнул.

– И еще, – Хуто подумал. – Вдвоем мы не справимся. Вождь должен дать нам в помощь одного из своих воинов, который бы знал местные леса и степи.

Руну оглядел внимательно своих приближенных и заговорил с ними на своем наречье. Те потупили взоры и молчали.

Хуто подошел к бледному Амени. Того все еще мутило.

– Ты чего? Ни разу не видел растерзанных людей?

– Нет, – признался юноша. – Одно дело видеть разделанного зайца, – совсем другое дело, развороченного человека.

– Могу тебя понять, – покачал головой Хуто. – А если еще представишь, что из тебя зверь сделает такую же кучу рваной плоти вперемешку с костями – кровь стынет.

– Ты понимаешь их язык? Нам помогут? – спросил Амени.

– Перед тобой бесстрашные воины, которые, не задумываясь, бросятся в бой на противника в десять раз сильнее. Единственное, чего они боятся, так это – духов. Страх перед злыми божествами превращает сильных мужчин в испуганных детей.

Тем временем Руну перешел на крик. Воины попадали на колени, но продолжали молчать, не смея поднять глаза. Вождь вздохнул и обратился к Хуто:

– Я не могу никого заставить. Если даже прикажу содрать с них живых кожу, они не пойдут с тобой.

– Уважаемый вождь, – тактично возразил Хуто. – Мы не сможем выследить зверя, не зная местных троп. Мы заблудимся и погибнем. Пусть мужество проснется в твоих воинах. Пусть вспомнят, что они – мужчины.

– Хорошо! Я вождь! Я вынесу мудрое решение. Мой брат Хеви, да будет он жить вечно, не пожалел для спасения моего народа собственного сына, и я приношу в жертву своего старшего отпрыска. Паитси! – крикнул он. – Встань! Ты пойдешь с избранными. Такова воля Бога Дедуна.

Из толпы коленопреклоненных воинов поднялся стройный сильный юноша, лет шестнадцати. На лице его застыл ужас. Большие губы тряслись. Все остальные посмотрели с сочувствием на него и отшатнулись в стороны, как от прокаженного.

– Таково мое решение! – тяжело выдохнул Руну и приказал нести его обратно во дворец.

Все разошлись. Растерзанные трупы завернули в циновки и убрали. На площади остались только Хуто, Амени, и Паитси. Сын вождя, стуча зубами, произнес:

– Надо подготовиться к смерти.

– Вообще-то, мы пришли сюда охотиться, а не умирать, – спокойно возразил Хуто.

– Сехемет нас всех убьет, разорвет на части и съест наши печени, – ныл здоровый воин.

– Если хочешь, чтоб съели твою печень – готовься, а мы собираемся убить этого льва.

Перед тобой стоит избранный, которому Сехемет не может причинить никакого вреда.

– Я? – начал приходить в себя Амени.

– Так сказал шаман, – Хуто вымученно улыбнулся. – Ну, хватит дрожать. Вы станете героями. Про вас будут слагать легенды. Поставят стелу в вашу честь.

– Хуто, – Амени никак не мог отвести взгляд от бурых пятен крови на земле, что остались после трупов, – а ты сам-то веришь, что мы победим?

Хуто взял юношу за подбородок и заставил смотреть ему прямо в глаза.

– Если сомневаешься, то лучше возвращайся домой. Твой самый опасный враг – это ты сам. Я в одиночку ходил на взрослых львов, свирепых бегемотов и всегда выходил победителем, но когда страх посещал мое Ба, я отказывался от охоты и ловил рыбу.

– Но мне нельзя отказаться.

– Тогда убей в себе страх, иначе он убьет тебя. Собери все свои силы. Наконец, попроси Йота помочь тебе.

4

Всю ночь Амени мучили кошмары. Ему снилось, что он срывается в бездонную пропасть; на него набрасываются гиены с окровавленными мордами; жалят змеи; огромные скорпионы так и норовят вцепиться клешнями в ногу; он тонул в реке, пытаясь уплыть от зубов голодного крокодила. Амени вздрагивал и просыпался, но с облегчением осознавал, что находится все в той же узенькой комнатухе, которую охотникам отвели во дворце. Успокаивался: всего лишь привиделось. Он долго бессмысленно смотрел в темный грязный потолок и опять забывался беспокойным сном. Чадил масляный светильник, распространяя противный запах горелого жира. Но скупой язычок пламени хоть немного разгонял давивший мрак. Жутковато было спать в этой грязной мрачной комнатке с облезлыми выцветшими росписями на стенах. В углях дрожала паутина от сквозняка. Блохи, то и дело, покусали ноги.

Хуто не появлялся. Его жесткая лежанка из высушенных листьев камыша оставалось пустой. Охотник беседовал во дворе с шаманом и с воинами. Потрескивал костер. Маджай переговаривались вполголоса, рассевшись вокруг огня.

Дневная жара сменилась ночной прохладой, как обычно бывает в пустыне. Амени начал зябнуть. От холода не спасала даже грубая шерстяная накидка. Он поднялся с ложа, вышел во двор и поймал большую сторожевую собаку. Не обращая внимание на то, что собака жалобно скулила и огрызалась, Амени затащил ее в комнату и уложил рядом с собой на лежанку. Чтобы не убежала, он привязал ее веревкой за шею, другой конец обмотал вокруг руки. От собаки несносно воняло псиной. Но и это можно стерпеть, лишь бы не мерзнуть. Немного согревшись, юноша заснул.

– Вставай! – услышал Амени оклик Хуто. – отпусти свою подругу. Она проголодалась.

Амени, еще не совсем придя в себя, вскочил на ноги. Собака, освободившись от привязи, бросилась стремглав из комнаты.

– Ты совсем не спал? – удивился Амени свежему лицу Хуто.

– Я могу несколько дней не спать. Хороший охотник должен уметь подавлять в себе слабости.

Слуга принес молока и хлеба. Молоко оказалось козьем, очень жирным и неприятно пахло. В хлебных лепешках грубого помола попадалась шелуха. Амени исколот язык. Перекусив, охотники вышли в унылый, залитый солнечным светом двор крепости. Хуто куском угля принялся рисовать на стене контур какое-то животное.

– Это лев, – объяснил он.

– Больше похож на гиппопотама, – усмехнулся Амени.

– Я не рисовальщик, – недовольно огрызнулся охотник. – Смотри сюда. – Он ткнул палкой выше нарисованной передней ноги. – Здесь у зверя сердце. Если копьем пробить грудину, то его можно сразить наповал.

– Надо подкрасться сбоку, – сообразил Амени, – Зверь не должен успеть повернуться.

– Правильно! – Похвалил Хуто. – Ты должен проткнуть ему сердце.

– Но как мне удастся подойти к нему незаметно?

– Я его буду отвлекать. Зверь пойдет на меня. Тебе надо спрятаться и сидеть тихо, затем внезапно выскочить из засады и нанести удар. Но если ты не попадешь в сердце, у льва хватит сил сначала разорвать тебя, а потом и меня. Раненый зверь очень опасен. Если он чувствует близкую смерть, у него пропадает всякий страх, остается только ярость.

Вождь Руну прислал по просьбе Хуто двоих слуг. На них накинули шкуру льва. Один изображал переднюю часть животного: голову и грудь, другой, согнувшись, – заднюю. Сбоку, там, где должно находиться сердце зверя, прицепили щит, потому как Амени должен был отра-

батьвать удар. Юноша прятался за камнями, а Хуто отступал перед мнимым зверем, как бы, заманивая его. Амени выскакивал и палкой бил в щит, как копьём.

– Слабо! – ругал его охотник. – Так наконецник застрянет в ребрах. Когда колешь, подсядь. Бей всем телом. Сил у тебя много, а бьешь, как будто муху хочешь прихлопнуть.

– Но я могу поранить слугу, – несмело оправдывался Амени.

– Перед тобой лев, а не слуга. Ты должен ударить так, чтобы он свалились.

– Хорошо.

В следующий раз от удара передняя часть льва полетела на землю, охая и ахая.

– Так? – спросил Амени.

– Не так, – недовольно ворчал охотник. – Куда ты высовываешься раньше времени? Ты должен лежать за камнями и слушать шаги.

– Не топай! – опять злился Хуто. – Беги на носочках. Глубже подсидай, когда колешь.

Занятия продолжались целый день. Невдалеке собрались воины и внимательно, молча следили за упражнениями охотников. Никто не отпускал в их сторону шутки или советы. Все глядели хмуρο, немного с жалостью, как на обреченных.

В полдень, слегка перекусив овощами и сыром, Хуто принялся обучать Амени снова. Он показывал ему специальные знаки, принятые у охотников. Учил слушать и внимательно смотреть не мигая, замирать и не двигаться долгое время в любой неудобной позе.

После захода солнца Амени повалился на лежанку без сил. Он так утомился за день, что не чувствовал ни рук, ни ног. Как только его голова коснулась циновки, тут же заснул. На этот раз ночь прошла без кошмаров и вообще без сновидений.

– Вставай! – Хуто тряс его за плечо.

– Я только лег.

– Рассвело. Нам пора. Бери оружие и дорожный мешок. Мы выступаем.

Амени с трудом поднялся.

– Уже? – Глаза закрывались сами собой, но пришлось пересилить себя. – Нам еще два дня тренироваться.

– Вождь Руну торопит. Лев опять напал на скотоводов.

Во дворе крепости собралось, чуть ли не все поселение. Шаман ходил вокруг деревянного столба и что-то визжал. На верхушке столба оскалилась голова льва. Воины стояли широким кругом и подпевали Старому Ворону, при этом подпрыгивали на месте. Вождь восседал в носилках с непроницаемым каменным выражением лица. Закончив магические пасы, шаман схватил за руку сына вождя Паитси, подтащил его к столбу и принялся разукрашивать лицо белыми полосами. Воины затрясли копьями и заорали, что есть силы. Шаман воздел костлявые руки к небу, и все стихли.

– Он готов! – старик поклонился вождю Руну.

– Что за ритуал? – спросил шепотом Амени у Хуто. – Колдун отгоняет злых духов?

– Нет. Паитси подготовили к смерти, – спокойно ответил ему охотник. – Не обращай внимание. – Он покопался в своем дорожном мешке. – Вот тебе мазь. Ей надо натереть все тело. Только смотри, чтоб в глаза не попала.

Охотник протянул ему небольшой керамический горшочек. Амени обмакнул пальцы в желтую жижу и поднес к носу.

– Что это? – Он с отвращением поморщился и отвернулся. – Меня вырвет от такой вони.

– Ничего, принюхаться. Эта мазь отобьет запах.

Хуто сам налил в ладони немного масла и принялся растирать тело. Амени ничего не оставалось, как только последовать его примеру.

– Я готов! – к ним подошел Паитси. Лицо ничего не выражало, глаза пустые. Он уже подготовил душу к переходу в другой мир, и теперь ему было совершенно безразлично, что творится вокруг. Юноша готов услышать призыв Бога Дедуна и в любой миг покинуть землю.

– Натрись. – Хуто протянул и ему горшочек. – Приправа для человеческого мяса, – пошутил он.

Паитси послушно взял масло и начал натирать свое тело. Вскоре все окружающие ворочали от них носы, а собаки смешно чихали и тут же убегали прочь.

На краю поселения их ждал вождь со свитой. Поодаль собрались все остальные подданные.

Трое смельчаков поклонились вождю Руно.

– Пусть защитит вас Дедун, и поможет Йот, – хриплым от волнения голосом благословил он охотников.

Несколько самых храбрых воинов из племени взялись сопровождать смельчаков. Вдогонку слышалось вытье женщин и заунывные заклинания шамана. Их провожали, словно в последний земной путь. Дорога ложилась неровной змейкой по границе негустого леса и каменной пустыне. Иногда попадались полузасыпанные каналы и заброшенные поля. Давно отсюда ушли земледельцы под натиском воинственных диких племен. Вскоре открылась бескрайняя степь. Раскидистые деревья с чахлой листвой возвышались над густым разнотравьем. Стадо антилоп паслось на возвышенности. Газели резвились, высоко подпрыгивая на тонких ножках. Жирафы, вытянув шеи, объедали ветки высокого колючего дерева. В траве промелькнула тенью гиена. Стая пятнистых собак загоняла длинноногого зайца. Начиналась дикая саванна.

– Дальше мы не пойдем. – Сопровождавшие их воины, остановились. – Там земля Миу. Там – смерть.

– Молитесь за нас, – попрощался Хуто. Воины склонили головы. Каждый потянулся за амулетом на шее. Охотник обернулся к побледневшим Амени и Паитси. – Теперь – ни звука. Навострите уши, слушайте и молчите. Вы не люди – вы звери, и хотите выжить. Свети нам Йот!

Охотники углубились в заросли колючей травы. Высокие жесткие стебли укрыли их с головой. Солнце начинало жечь плечи. Ни единого дуновения ветерка. Они шли до полудня. Остановились в тени небольшого кустарника. Решили передохнуть и попить воды. Зной становился нестерпимый. Вода нагрелась в глиняной фляге; теплая, с привкусом болотной тины, она слабо утоляла жажду. Немного отдохнув, продолжили путь. Неожиданно появилась небольшая пальмовая рощица.

Трава расступилась, и перед охотниками возникло мутное озерцо неправильной овальной формы, в поперечнике шагов двадцать – не больше. При приближении людей змеи поспешили уползти обратно в норы. Ящерицы, гревшие на солнце свои холодные серо-зеленые тела, юркнули под камни. Жирная дикая свинья недовольно хрюкнула и увела свой полосатый выводок подальше от двуногих хищников. Хуто внимательно осмотрел берег. Среди всевозможных следов копыт и лап он нашел один, огромный с глубокими ямками от когтей.

– Похоже, это тот, кого мы ищем. Здесь его территория, – указал он на след.

– Разве у льва может быть такая большая лапа? – удивился Амени, ставя рядом свою ногу.

– Я сам такое вижу впервые, – признался Хуто.

Вдруг охотник насторожился, прислушался и подал знак тревоги. Амени приготовил копье. Паитси выхватил бронзовый топорик. Невдалеке раздавалось рычание и жалобное тьяканье: дрались шакалы, деля добычу. Люди направились в ту сторону. На примятой траве, забрызганной темной кровью несколько рыжих тварей рвали куски мяса из половины человеческого тела. В останках можно было распознать голову, руку и развороченную грудину. Амени тут же вывернуло. Следом Паитси выплеснул все, что съел утром. Шакалы оскалили окровавленные узки морды, показывая желтые клыки. Они не желали расставаться с добычей. Вдруг твари чего-то испугались и все разом юркнули в траву, поджав облезлые хвосты. Хуто втянул носом воздух, совсем как собака.

– В какой стороне лес? – еле слышно спросил у него Паитси.

– Там! – маджай показал на восток.

– Бежим! – коротко бросил он и рванул с места.

Они кинулись к лесу, не жалея ног. Трава стегала по лицу, колючее стебли цеплялись за тело, обжигая кожу. Амени ничего подозрительного не услышал и не увидел. Может быть, Хуто показалось?

– Стой! – Хуто резко остановился. Амени чуть не свалился, налетев на него. – Он впереди. Обошел нас и поджидает.

Где-то, шагах в тридцати трава зашевелилась, хотя втер отсутствовал. Охотников обдало холодом от догадки. Зверь! Тот самый!

– Назад! – Хуто махнул рукой.

Они рванули обратно. Воздуху не хватало для дыхания. Сердце колотилось бешеной птицей, попавшей в силки. Холодный страх подгонял, заставляя забыть об усталости. Трава заколыхалась сбоку от них.

– Стой! – Вновь скомандовал Хуто. – Он опять нас обходит.

– Это Сехемет! – проскулил Паитси. У него зубы стучали от страха.

– Наверное. – Хуто вытянул шею, стараясь что-нибудь разглядеть. – Хитрый. Он с нами играет.

– Почему же не нападет? – спросил Амени.

– Это все из-за моей мази. От нас пахнет непривычно. Он не может понять, что мы за еда, поэтому решил погонять нас из любопытства.

– Что будем делать? – Амени еле успокоил дыхание.

– Надо как угодно пробраться к лесу! Только так сможем оторваться от него. В открытой степи мы слишком легкая добыча, и даже втроем с ним не справимся.

Они снова побежали к лесу. Бежали долго, боясь оглянуться. Впереди показалась зеленая стена раскидистых баобаб. Спасение! Еще каких-то пару сотен шагов!

Их остановил негромкий, но могучий рык впереди. Путь отрезан! Зверь будет долго гонять их по степи, и, в конце концов, ему надоест эта игра. Тогда он нападет и разделается с охотниками. Хуто понимал, что сил у них не хватит справиться с коварным и беспощадным чудовищем. Надо было срочно что-нибудь придумать, иначе – они погибли. Амени и Паитси с надеждой и мольбой смотрели на опытного охотника. Он должен знать, как спастись.

Тем временем, прямо перед ними трава заходила ходуном. Что-то огромное надвигалось смело и уверенно. Хуто быстро развязал свой дорожный мешок и достал из него глиняный горшочек.

– Отойдите назад и не дышите, – прошептал он, сам стал высыпать из горшочка желтовато-серый порошок. В нос ударил едкий запах. Амени и Паитси, зажали носы и поспешили отойти подальше.

Опять неистовый бег сквозь колючую траву. Через несколько мгновений за их спинами раздался оглушительный злой рев.

– Стойте! – крикнул Хуто. – Он нанюхался. – Внимательно прислушался к реву зверя и с облегчением произнес. – Теперь лев нас не учует. Попробуем еще раз пробраться к лесу.

Беглецы сделали небольшой крюк по полю и оказались среди деревьев. Продравшись сквозь низкие кусты, беглецы оказались в пальмовой роще. Затем вновь преодолели заросли кустарника, после кустов миновали поросль низких корявых деревьев. Они шли быстро и молча. Страх подгонял.

Солнце внезапно спряталось за горы. Сумерки тут же упали на землю.

– Ты знаешь, куда идти? – наконец нарушил молчание Хуто.

– Сейчас придем в город племен Иккуу, – ответил Паитси.

– Что-то я не замечаю присутствие жизни в этих местах, – засомневался Хуто.

Лес перед ними расступился, и взору предстал город, вернее все, что от него осталось: поросший травой невысокий земляной вал, развалины домов, со следами пожара, высохшие сады и пустые загоны для скота.

– Это что? – удивился Амени.

– Город Иккуу, – объяснил Паитси. – Здесь раньше жило много людей. Они имели большие стада и охотились на слонов. Чуть подальше еще два заброшенных поселения.

– Что с ними случилось? – удивился Амени, взирая на сиротливые развалины.

– Они хотели захватить наши земли и поработить мой народ. Но отец – великий вождь Руну – собрал много воинов, попросил помощи у наместника Кемет, и мы напали на них первыми. Все дома сожгли, весь скот угнали, а людей увели в рабство. Теперь здесь никто не живет.

– Зачем же так жестоко? – не понимал Амени.

– А ты думаешь, откуда в Кемет поставляют столько скота, – усмехнулся Хуто. – Черные племена воюют друг с другом, а захваченную добычу меняют на милость правителя Обеих Земель.

Охотники тем временем оказались на центральной площади, посреди которой возвышался валун красного песчаника, очертаниями напоминающий лежащего льва.

– Теперь все понятно, – Хуто оглядел монумент со всех сторон. – Они поклонялись Сехемет, Богу – льву.

– Теперь он мстит нам, – опять проскулил Паитси, с ужасом вглядываясь в каменное изваяние.

– Иккуу приносили льву человеческие жертвы, – объяснил Хуто. – Где-то поблизости находится логово этого Бога. Своеобразный храм. Туда водили пленников на ужин грозному Сехемет.

– Но зачем? – просил разъяснить Амени.

– Вот! – Паитси провел пальцем по рисункам на основании валуна.

Амени разглядел на камне примитивные картинки, выведенные черной и красной краской, где изображалась религиозная процессия: воины ведут связанного пленника, а впереди их поджидает чудовище с божественными символами над головой.

– Они кормили льва человеческим мясом, – объяснил Хуто. – Тот привык к его вкусу и не нападал на скотину. К тому же свирепый зверь считал все вокруг своей территорией, и ни один хищник не смел охотиться в этих краях. Зверю жилось хорошо, и люди были довольны, только подкармливали его соплеменниками или пленными. А когда поселения разграбили, лев остался голодным, ведь жертвоприношение ему никто не делает. Вот он и решил сам добывать себе пропитание. А так, как привык к человечине, то привычки свои решил не менять.

– Выходит, эта тварь – совсем не божество, – решил Амени, – а всего лишь – людоед. Тогда, он не обладает магической силой, и его можно убить, как и любого другого льва.

– Разберемся, – согласился Хуто.

Селение лежало у подножья невысоких гор. Скалы желтого и красного песчаника, выветренные временем, напоминали гигантские лестницы. Словно пустые глазницы в черепе, зияли арки гротов. В скалах путники нашли пещеру. Раньше в ней местные жители хранили зерно. Под сводами царил прохлада. На песке валялись черепки от кувшинов и кучки истлевших семян ячменя и полбы. Попахивало плесенью и мышами. Тут же возле входа лежали тяжелые камни. Хуто попросил ему помочь. Путники завалили узкий вход камнями. Внутри стало темно и тихо. Они повалились на землю, укутались в плащи, и мгновенно заснули.

Ночью Амени разбудил странный звук; как будто сильные порывы ветра заставляли шуршать листву на деревьях. Амени ничего не видел в темноте. Он попытался вскочить на ноги, но сильная рука Хуто остановила его.

– Тихо! – шепнул он.

– Что это? – Амени старался хоть что-нибудь разглядеть.

– Зверь, – коротко сказал Хуто. – Пытается нас учуять.

Теперь Амени понял, откуда исходил странный звук. Не листья шуршали под ветром, – это зверь сопел, втягивая воздух. Он совал нос в щели между валунами, защищавшими вход в пещеру, и приноживался. Мороз прошелся по спине, когда раздался скрежет когтей. Зверь пытался расчистить проход. Он рычал, сопел, но камни оказались тяжелыми. Сердитый рев сотряс своды. Где-то рядом вскрикнул от страха Паитси. Хуто тут же зажал ему рот. А зверь продолжал упорно царапать камни. Сердце у Амени прыгало. Он нащупал копые и взял на изготовку. Камни у входа шатались, но стояли крепко.

Вдруг все стихло. Послышалось шуршание удаляющихся шагов.

– Теперь можно спать дальше, – неожиданно спокойно сказал Хуто и вновь улегся на плащ.

– Он ушел? – дрожащим голосом спросил Паитси.

– Ушел, – подтвердил Хуто. – Будет ждать утра, когда мы выберемся из пещеры. Ему спешить некуда.

– Но не сидеть же нам тут вечно! – не понял Амени.

– Придумаем что-нибудь, – пытался успокоить их охотник.

Остаток ночи прошел беспокойно. Амени вздрагивал от каждого шороха, прислушивался к ночной тишине, тревожно вглядывался в темноту, туда, где находился вход. Только перед рассветом он кое-как задремал.

Его растолкал Хуто. Сквозь щели в камнях пробивались яркие лучи. Очнувшись, Амени болезненно поморщился. Тело замлело от жесткого ложа. Бил озноб от холода и сырости. Живот крутило с голода. Но все эти ощущения – ничто, по сравнению со страхом перед чудовищем, которое ожидает их где-то снаружи.

Охотники сдвинули тяжелые камни. Образовалась небольшая щель, через которую, сначала Хуто, затем и Амени с Паитси осторожно выбрались наружу. В веселых лучах утреннего солнца развалины города смотрелись еще печальнее, чем вчера. Охотники внимательно оглядели все вокруг. Хуто припал к земле, изучая следы.

– Пора начать охоту, – решительно произнес он, распрямив спину. – Готовьте оружие. Он поблизости, и может напасть в любую минуту.

– Куда нам идти? – поинтересовался Амени.

– Поблизости должна быть вода, – предположил Хуто.

– Есть ручей, – подтвердил Паитси.

– Обычно, хищники караулят жертву возле водопоя. Пойдем к ручью.

Паитси повел их по узкой тропе среди скал. Когда-то местные жители ходили здесь за водой. Теперь же об этом напоминали только черепки битой посуды, иногда попадавшиеся на пути. Вскоре они увидели широкий ручей, бегущий в расщелине. По берегам водоема росла ключьями жесткая трава, да стелющиеся жидкие кусты с мелкими листьями. Охотников до того замучила жажда, что при виде прозрачных струй, они забыли об опасности и бросились к ручью. Вода оказалась холодной и чистой.

Вдруг Хуто встрепенулся, поднялся в полный рост и прислушался, нахмутив брови.

– Скорее! – тревожно прошептал он. – Уходим.

Они перепрыгнули через ручей и спрятались за камнями.

– Где ты его видишь? – не понял Амени, озираясь по сторонам.

– Я его чувствую, – не стал долго объяснять Хуто. – Зверь идет по нашему следу. Надо подняться выше по ручью.

Тропа привела их к странному месту. Перед охотниками выросла высокая скала с плоской вершиной. Скала нависала над глубокой впадиной. Даже не впадиной, а глубокой и широкой ямой. Если туда упасть, то из нее не так-то легко было выбраться. Кругом на стенах пестрели рисунки с магическими символами.

– Куда мы пришли? – удивился Амени, рассматривая рисунки.

– Святилище Иккуу? – объяснил Паитси.

– Сюда жрецы приносили львят, – Хуто указал на дно ямы. – Здесь их откармливали человеческим мясом. Когда старый лев – божество становился немощным, его убивали и хоронили, а молодых львов переставали кормить. Из-за куска мяса они дрались насмерть. Выживал самый сильный и свирепый. Его вытаскивали из ямы, и он становился новым воплощением Сехемет.

Осторожно, чтобы не сорваться вниз, они обогнули скалу, выйдя к небольшой ложбине.

Амени заметил в скале щель. Подойдя поближе, он увидел большой плоский камень, закрывавший вход в пещеру. В щель можно было протиснуться. Он заглянул внутрь. Пещера оказалась глубокой. Вход аккуратно обтесан ровной аркой. Ступеньки опускались в темноту.

– Стой! – испуганно замахал руками Паитси. – Смотри! – Он указывал дрожащим пальцем на надписи, теснившиеся ровными рядами над таинственным входом. Амени не смог ничего прочесть, так, как знаки были ему неведомы.

– Странное письмо.

– Язык Иккуу.

– У них своя письменность?

– Легенда гласит, что люди Иккуу были слугами у белокожих богов, сошедших со звезд. Раньше воины Иккуу охраняли золотую пирамиду, которую белолицые боги возвели где-то здесь в горах. За преданную службу они научили Иккуу письменности.

– Я слышал о золотой пирамиде. Но это – сказка, – пожал плечами Амени.

– Нет! – Паитси стал серьезным. – Она существует. Охотники рассказывали, что иногда на рассвете, ее видно. От нее исходит такое яркое сияние, что можно ослепнуть. Но найти место, где стоит пирамида – невозможно. Многие пытались отыскать хоть какой-то след – все напрасно. Белолицые боги, покидая землю, сотворили такие сильные заклинания, что можно годами ходить возле золотой пирамиды и не заметить ее.

Сказка красивая, но Амени не особо в нее верил. Он спросил у Хуто:

– Ты видел свет от золотой пирамиды?

– Сейчас она меня меньше всего интересует, – ответил охотник и обратился к Паитси: – Ты хоть примерно можешь разобрать, что тут начертано.

Сын вождя сосредоточенно пробежался по строкам замысловатых иероглифов, затем неуверенно произнес:

– Какое-то заклинание, грозящее мучительной смертью и не успокоению души каждому, кто нарушит покой спящих, тех, кто охраняет путь в вечность.

– Спящие? – Амени призадумался и указал на вход в пещеру. – Наверное, там склеп. Иккуу хоронили здесь своих родственников.

Их размышление прервал рык зверя. Он был где-то очень близко. Не помня себя от страха, Амени нырнул в пещеру, совсем забыв о проклятье. Он покатился вниз по ступенькам, хорошо хоть лестница оказалась короткой. Сверху на него рухнул перепуганный Паитси. За ним Хуто. Они затаились. Темно. Пахнуло могильной сыростью. Луч падал только из щели над входом. На мгновение что-то огромное заслонило свет.

Хуто знаком показал, что надо уходить глубже. Охотники, ощупывая шершавые стены, поползли вглубь пещеры. Неожиданно Амени наткнулся на факел, валявшийся на полу. Обыкновенная палка, на конце которой намотана просмоленная пакля. Паитси чиркнул кремнем и кое-как раздул огонь. Легкие наполнились едким дымом, но немного погодя возник язычок пламени.

Пещера оказалась узкой и длинной, даже не пещера, а каменный коридор с низкими сводами. Выхода не было видно. Охотники прошли дальше и наткнулись на огромный вытянутый плоский камень в два локтя высотой. Камень лежал посередине, загораживая дорогу. Сбоку

оставались узкие проходы так, что можно было кое-как протиснуться. Перед камнем валялось множество пустых керамических сосудов.

– Напоминает алтарь, – Амени осветил плоскую поверхность.

– Скорее всего, стол для бальзамирования, – предположил Хуто.

Дальше коридор расширился. Справа и слева в стенах были выдолблены ниши, в которых покоились большие деревянные саркофаги.

– Вот и спящие, – с дрожью в голосе произнес Паитси.

– Для человека слишком большие гробы, – усомнился Хуто.

Действительно, в одном таком саркофаге можно было положить трех человек. Амени подошел к одному из них и осветил факелом почерневшие от времени доски, покрытые вязью иероглифов. Хуто нащупал щель, поддел наконечником копья и сдвинул крышку саркофага.

Паитси взвизгнул, упал на колени и зашептал заклинания. Амени с Хуто заглянули внутрь и тут же в ужасе отпрянули назад. Они увидели во чреве гроба оскаленный череп льва, обтянутый полуистлевшей кожей в обрамлении грязных пучков волос, когда-то служивших гривой. Тело самого зверя вытянуто и перевязано множеством узких бинтов.

– Старый Мериамос мне рассказывал, что на севере раньше так хоронили священных быков Аписов, – не своим голосом произнес Амени.

– Да, – кивнул Хуто, – некоторые племена тоже самое делают с умершими собаками и кошками. – Он посмотрел, на Паитси, который продолжал усердно молиться. – Нечего тут задерживаться. Надо найти выход.

В конце коридора несколько ступеней поднимались вверх и упирались в глухую стену. Хуто внимательно осмотрел каждый выступ и сделал вывод, что это и есть – выход, только он завален большим камнем. Охотники втроем навалились. Сверху посыпался песок. Каменная дверь нехотя сдвинулась с места и с грохотом рухнула куда-то вниз. Дневной свет на мгновение ослепил охотников.

Они стояли на краю огромной ямы в виде воронки. Посредине торчал почерневший деревянный столб. Сначала охотники подумали, что дно ямы устилали большие круглые булыжники, но когда спустились ниже, то с ужасом обнаружили, что это не камни, а человеческие черепа. Тут же валялось множество побелевших костей.

– А это что за место? – произнес Амени, чувствуя, как волосы на теле встают дыбом от ужаса.

– Веревка, – Хуто нагнулся и подобрал кусок толстого волосяного каната. Один конец обвивал столб. – Здесь привязывали пленников, преподнося их в жертву. Жрецы совершали над ними обряды, а лев спокойно ждал, наблюдая сверху, когда они закончат, и разрешат ему сожрать человека. – Хуто показал вверх, где над ними нависала скала.

Все невольно проследили взглядом и замерли на месте. Со скалы на них глядело огромное рыжее чудовище. Амени видел львов в зверинцах Бухена и на Острове Слонов, но он не мог предполагать, что львы бывают такие громадные. Холодные желтые глаза зверя внимательно наблюдали за людьми. Благодаря густой рыжей, с черными клочьями гривы, он казался еще огромнее.

Никто не смел пошевелиться. Зверь как будто их загипнотизировал. Амени хотел бежать, но не мог двинуть ногой. Внутри все похолодело. Дыхание перехватило.

– Спокойно! – привел его в чувства твердый голос Хуто. – Он на нас не нападет. Думает, что мы совершаем обряд жертвоприношения. Ждет, когда привяжем жертву к столбу и попросим его отведать угощения.

– И что теперь? – Амени бросило в жар. Он впервые смотрел в глаза смерти и совсем не хотел с ней встречаться.

Вместо ответа, Хуто набросился на Паитси и повалил его на землю лицом вниз.

– Вяжи его за ногу! – закричал он.

Амени вышел из оцепенения. Ничего не соображая, он схватил веревку и затянул прочный тугой узел на черной ноге Паитси. Тот поздно сообразил, что с ним намереваются делать. Он истошно завопил и принялся лягаться.

Хуто схватил Амени под руку, и вместе они выскочил из ямы. Охотники затаились за камнями, за которыми когда-то прятались жрецы, наблюдая, как лев терзает жертву. Паитси продолжал истошно вопить. Он пытался вылезти из ямы, но веревка не давала ему. Развязать узел у него не получалось – руки дрожали, и пальцы не слушались. Он дергал привязь, так что столб качался.

Охотники снова посмотрели наверх. Зверь исчез. Хуто больно сжал плечо юноши.

– Приди в себя! – сквозь зубы прохрипел он.

– Я в порядке! – ответил не своим голосом Амени, пытаясь унять дрожь в руках. Вопли Паитси заставляли тело покрываться мурашками.

– Вспомни всему, чему я тебя учил, – продолжал приводить его в чувства Хуто, все сильнее сжимая плечо. – Проползи справа и затаись. Когда я выстрелю, выскакивай и вонзи копьё ему прямо в сердце. Если ты не сможешь этого сделать, мы все втроем погибнем. Все зависит только от тебя.

– Я понял, – ответил Амени, хотя, на самом деле слабо соображал, о чем ему толкует Хуто. Слова пробивались, как сквозь стену.

Еле преодолевая страх, он на четвереньках пополз в указанном направлении, волоча за собой копьё. Острые камни раздирали колени и локти до крови, но Амени совсем не чувствовал боли. Наконец он на месте. Все плыло перед глазами. Уши закладывало от криков Паитси. Сердце билось так, что казалось это не сердце, а земля вздрагивает. Пот заливал глаза, хотя было совсем не жарко.

Вдруг крики стихли, и Паитси жалобно заскулил. Грозный рык. Амени чуть не закричал от ужаса, закрыл грязной ладонью рот, пытаясь сдержать собственный вопль. Он услышал, как под огромными когтями шуршат камни. Острая вонь зверя ударил в нос. Амени вжался в землю и не дышал. В его голове ни с того ни с сего закрутились слова молитвы: «... Йот, ликующий на небосклоне. Ты есть Начало всего сущего, единый, единственный, творящий всякую плоть. Все люди произошли от взора очей Твоих, а боги от слова уст Твоих. Ты почиешь рост трав, жизнь рыбам речным и птицам небесным, дыхание зародышу... Поклоняемся Тебе, Творец всего, единый, единственный, рукам которого нет числа...»

Но где же Хуто? А если он убежал? Что тогда? Амени осторожно повернул голову и увидел, как охотник поднялся во весь рост и натягивает лук. Он казался спокойным. Тетива пропела, и уши заложило от рева раненого зверя. Не помня себя от страха, Амени вскочил на ноги и хотел броситься куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Но копьё в его руках напомнило, зачем он здесь находится. В голове опять прозвучали слова молитвы: «...Ты почиешь и вместе с тем бодрствуешь над людьми, печешься о благе животных. О, Йот, поддерживающий жизнь в творении!...»

Резко обернувшись, Амени увидел в десяти шагах от себя огромную грязно-рыжую тушу. Зверь наклонил голову и пытался мощной широкой лапой вытащить стрелу из головы. Он сотрясал густой гривой и неистово размахивал тонким хвостом с кисточкой на конце. Амени колебался, но вдруг вспомнил: отец должен называть мужчиной. Он же – воин. Воин не должен ничего бояться. И еще: Хуто сказал, что все зависит только от него. Не чувствуя ног, Амени кинулся к зверю, выставив вперед копьё. Не понимал: это он кричал, или в мозгу его стучат слова: «...Творец всякой плоти, Владыка Всевышний, Глава богов, мы обожаем дух Твой!...»

Ему показалось, что он целую вечность бежит эти десять шагов. Его глаза видели только одну точку за лапой зверя, там, где бьется сердце чудовища. Он чувствовал его горячий пульс.

Амени всем телом навалился на копьё. Ладони запылали огнем. Зверь взвыл еще громче, изогнулся всем телом так, что юноша не смог удержать древко в руках и полетел на землю. Он

увидел, как на него надвигается огромная клыкастая морда. Один глаз горел неистовой злобой, из другого торчал обломок стрелы.

«...Боги поверглись во прах перед величием Твоим, они прославляют душу Творца своего, ликут перед лицом зачавшего их и поют: Гряди в мире, отче отцов всех богов, утвердивший свод небесный над землею, начало сущего...»

5

Амени очнулся оттого, что его хлестали по щекам. Перед взором возникло сосредоточенное лицо Хуто. Охотник склонился над ним, заслоня ясное небо.

– Да очнись же! – наконец услышал он.

Амени вздохнул полной грудью и бешено завертел головой по сторонам.

– Где он?

– Успокойся! – Хуто протянул ему флягу с водой. – Вон он, – охотник небрежно указал за спину.

Амени увидел только рыжий холм, и торчащее из него древко копья.

– Он мертв?

– Два шага до тебя не дошел, – успокоил его Хуто. – Молодец! Ты попал ему точно туда, куда надо. Сильный зверюга, живучий. Я ему стрелу прямо в глаз вогнал. От такого выстрела любой другой лев умер бы сразу, а этот только разозлился; ты проткнул ему сердце, а он еще пытался дотянуться до тебя.

Амени наконец-то начал осознавать, что все страхи позади. Он жадно глотнул воды из фляги и оглядел Хуто.

– Ты цел?

– Пальцы разрезал о тетиву. Ерунда.

– А Паитси? Где Паитси? – встрепенулся Амени.

– Жив он, – усадил обратно его Хуто. – Мыться пошел к ручью.

– Как мыться? Зачем мыться? – не понял Амени.

– Когда зверь на него пошел, ну... он немного обделался. С кем не бывает.

Амени наконец-то понял, что все живы, и все закончилось. Неожиданно, не понимая почему, он вдруг разревелся, словно маленький ребенок.

Хуто отрубил голову льву и содрал шкуру. Паитси ни за что не хотел подходить ближе, чем на десять шагов даже к мертвому зверю. Хуто и Амени могли понять состояние сына вождя. Он все еще никак не мог отойти от пережитого ужаса, когда лев собирался им пообедать. Охотники растянули на двух жердях шкуру поверженного Сехемет, – получились носилки. На носилки устроили тяжеленную голову зверя и тронулись в обратный путь. Нести оказалось не так легко. Паитси не помогал им. Хотя он и был сильным и смелым юношей, но ничего не мог поделать со своим суеверным страхом. Так всю дорогу: Хуто впереди, Амени сзади – охотники несли мертвую голову. Обломок стрелы остался торчать на месте выбитого глаза.

Заночевали вновь в покинутом городе. Но теперь уже, ничего не страшась, развели костер на центральной площади. Трофей сложили возле каменного алтаря. Паитси объявил, что не намерен спать всю ночь, а будет читать заклинания, отгоняя злых духов. Но сын вождя захрапел раньше всех. Яркое пламя костра освещало валун, напоминавший лежащего льва, и бросало отблески на ближайšie деревья. Дальше все тонуло в сплошной пугающей черноте. Искры яркими точками поднимались к звездам. Гиены, учуяв кровь, пришли в надежде поживиться. Горящая палка из костра полетела в их сторону. Гиены убрались, недовольно твякая.

– Мы скоро вернемся домой, – голос Хуто прозвучал глухо. – Вернемся той же дорогой. Но для тебя дорога покажется иной, незнакомой. И вернешься ты уже в другой мир. Не пугайся, так человек взрослеет.

Амени не совсем понимал его слова, но в глубине души почувствовал, что Хуто прав. Он и сам не узнавал себя, свои движения, свою походку, свои мысли. То, что раньше казалось очень важным, теперь начало терять смысл. Он вспомнил, как собирал красивые птичьи перья. Выискивал их среди камышей, в старых гнездах. Теперь у него возникла мысль выкинуть все

это богатство. Зачем они ему? А занятия со старым Мериамосом. Сейчас он жалел, что невнимательно слушал наставника, когда тот учил его философии и истории. Старик рассказывал о возникновении мира, о богах и легендарных правителях, а он пропускал все мимо ушей. Тогда ему казалась все, о чем говорит мудрец скучно и не интересно. Сколько же он потерял! Только теперь он вдруг начал осознавать, как мало он знает, как много ему надо выучить, ведь жизнь человека недолгая и в любой момент может оборваться. Со стыдом вспоминал: какой он был глупый, когда бегал к реке и дразнил бегемотов, швыряясь в них камнями. Зачем стрелял птиц ради забавы? Амени чувствовал, что он перевоплощается совсем в другого человека. Даже Хуто теперь говорит с ним, как с равным, как со взрослым. Он хотел доказать отцу, что становится настоящим воином. Зачем? Все придет, само собой. Сейчас Амени в душе смеялся над собственными детскими страхами, вспомнив, как боялся речных охотников – этих мрачных молчаливых кушитов. Его пугали рассказы о том, что речные охотники воруют детей и делают из них наживку для крокодилов. Какая глупость! А еще несколько дней назад он верил этим сказкам.

Размышляя, Амени неожиданно провалился в глубокий сон.

Чернокожие воины встречали охотников на краю саванны. Паитси издал пронзительный победный клич, и десятки соплеменников вторили ему. Птицы снялись с ветвей деревьев, и испуганными стайками разлетелись в разные стороны. Носилки с головой чудовища подняли высоко на руках, понесли в город. Впереди, словно облезлая ворона, прыгал шаман в своем пушистом наряде, сотрясал погремушками и нараспев повторял заклинания.

В городе их встретили, как великих героев зелеными веточками и цветами. Львиную голову возложили перед стелой Дедуна. Жрец и его помощники утомляли себя религиозной пляской. Мускулистые воины с почтением кланялись и произносили слова благодарности. Женщины плясали и распевали какие-то свои песни, прославлявшие смелых охотников. Всех троих героев посадили на почетное место рядом с вождем. Теперь им поклонялись, как святым.

Вождь не отпускал охотников девять дней. Все это время праздновали победу над духом Сехемет. Резали баранов и варили пиво, прославляли Йота, Дедуна и еще сотню местных богов и божков. Через девять дней, уставшие от веселья, охотники покинули город. На груди у Амени красовался амулет из четырех длинных клыков поверженного им чудовища. Умелый мастер покрыл клыки тонкой золотой фольгой. Именно Амени наградили талисманом, потому что Хуто и Паитси уверяли, что это он, которому Йот придал божественную силу, сразился с Сехемет и победил зло.

В знак верности правителю Та-Кемет, вождь Руну отправил вместе с охотниками своего сына Паитси, а также сто человек, нагруженных слоновыми бивнями и черным деревом.

Когда они вышли к берегу Хапи, то заметили, как река немного набухла от дождей, ливших где-то далеко на юге. Теперь можно было передвигаться на лодках. Прощаясь, вождь еще раз поблагодарил их за подвиг, благословил Паитси в дальнюю дорогу и пожелал им спокойного пути. Лодки отплыли под завывание шамана и громкие крики воинов.

К закату показались высокие стены Бухена. Проскочив быстрюю стремнину, где Хапи бурлил, сжатый с двух сторон серыми базальтовыми утесами, лодки выбрались на спокойную воду. Прямо на утесах возвышался город. Два ряда мощных стен с квадратными башнями отражались в воде. Под защитой стен находилась гавань, где покачивались на волнах лодки и небольшие корабли. Дальше по течению виднелись сторожевые крепости Миргиссы и Докаунарти с такими же квадратными башнями и крепкими бастионами.

Начальник, гесперу города Бухена встретил караван на пристани. Пока сгружали дерево и слоновую кость, он сообщил Амени, что его отец только что прибыл с отрядом лучников от Острова Слонов и готовится срочно выступить в поход.

– Что-то случилось?

– Племена нехсиу напали на строителей Южного Ахйота. Там погибли все.

В свое время правитель Обеих Земель, Сын Йота приказал заложить между вторым и третьим порогом новый, невиданный по красоте город и назвать его Южный горизонт Йота. Правитель прислал чертежи с грандиозными роскошными храмами и дворцами немыслимой архитектуры. На краю пустыни должно было вырасти новое чудо. Такого города еще никто не строил. Хеви нанял искусных камнерезов, плотников, каменщиков. Строители приступили к расчистке площадки под будущий чудо-город. Но вечные набеги племен нехсиу, которые не желали признавать могущество Та-Кемет, подорвали все сроки. Приходилось держать большой отряд лучников, чтобы хоть как-то защитить строителей.

На этот раз стражникам не хватило сил. Прибежал еле живой гонец, сообщив, что нехсиу скрытно подобралась к Южному Ахйоту и неожиданно напали.

У Солнечного храма Бухена собрались лучники-маджаи и пехотинцы темеху, вооруженные копьями и легкими прямоугольными щитами. Всего набрали человек пятьсот. К ним прикннули около пятидесяти горожан с топорами и длинными кинжалами.

Хеви распорядился выдать воинам из складов продовольствие и оружие, кому не хватало.

– Отец! – окликнул его юноша.

– Амени? Как охота? – Хеви мельком взглянул на сына и дальше продолжил заниматься делами.

– Возьми меня с собой, – попросил юноша.

– Нет. Там опасно, – строго ответил Хеви.

– Опасно? – усмехнулся юноша. – Что такое – опасно?

На этот раз отец внимательнее посмотрел юноше в лицо. Его удивил небрежный тон Амени.

– Что у тебя с глазами? – спросил он.

– Все в порядке, – не понял Амени.

– Я не узнаю твоего взгляда. Он у тебя какой-то каменный. И голос стал грубым. – Отец заметил ожерелье из длинных львиных клыков и сразу обо всем догадался. – Ты ходил в земли Теххет, – рассердился Хеви.

– Я должен был это сделать – и я победил, – с вызовом ответил Амени.

– Ты посмел меня ослушаться... – Хеви хотел его отругать, но тут же осекся. До его сознания вдруг дошло, что перед ним стоит не худенький мальчишка, которого он еще недавно легко подбрасывал на руках, а окрепший воин, способный защитить себя и свой дом. – Прости. Я все еще продолжаю считать тебя ребенком. За делами не заметил, как из мальчика вырос настоящий воин. – Он нежно потрепал его по подбородку. – Хочешь, я доверю нести мой щит?

– Нет, – улыбнулся Амени. – Спасибо за честь, но у меня свой отряд.

– У тебя уже есть отряд? – не сдержал удивление отец. – И сколько в отряде воинов.

– Нас трое, но отваги хватит на сотню.

– Тогда получайте на складе продовольствие, оружие и следуйте за нами.

6

Небольшое войско под предводительством Хеви перевалило через холмы и оказалось в месте, где зеленый травяной ковер обрывался, переходя в колючие желтые поросли, а затем в однообразную красную пустыню. От берегов Хапи тянулся незаконченный канал. Желтые скалы расступались, образуя обширную равнину. Широкая утоптанная дорога вела из каменистой долины к строительной площадке. Веревки, натянутые на кольшках, обозначали разметку будущих сооружений. Кое-где уже успели уложить массивные прямоугольные каменные блоки в фундаменты намеченных зданий. Тут же стояли аккуратными стопками глиняные кирпичи, лежали штабеля бревен и обработанного бруса. Посреди города выделялся остов будущего солнечного храма: строители соорудили основания для огромных пилонов и приступили к возведению стен.

Среди известняковых плит валялись три обезглавленных трупа. Головы тут же торчали на кольях, воткнутых в землю.

– Старший над каменщиками, старший над продовольствием и распорядитель работ, – узнал Хеви мертвецов. – Снимите головы с кольев и вместе с телами заверните в мешковину, – приказал он.

Амени заметил что-то на площадке храма, там, где намечали ставить алтарь. Он подошел поближе и увидел высокий стул. На стуле сидела мертвая обезьяна. Пасть оскалилась желтыми зубами. Маленькие глазки остекленели. В груди торчала стрела с черным оперением. На голове криво надето подобие венца правителя. В лапах символы власти: треххвостая плеть нехех и скипетр в виде крючка хека, как у владыки Обеих Земель.

В душе у Амени вскипел гнев. Кто посмел глумиться над Солнцеликим! Он решительно направился к обезьяне.

– Стой! – одернул его Паитси. – Не переступай черты, иначе погибнешь.

– Какой черты? – Амени поглядел под ноги, и только теперь заметил, что вокруг стула с обезьяной кровью очерчена неровная замкнутая линия. По кромке круга шли какие-то знаки, также выведенные кровью.

– Это сильное колдовство, – объяснил Паитси. – Видишь, – он указал на один из символов, – Имя злого духа Ухусаха. У него тело человека, а голова пантеры. Не каждый колдун осмелится писать его имя. На это место наложили очень сильное проклятье.

– Но не оставлять же так это чучело, – возмутился Хеви, подойдя к ним.

– Надо закидать обезьяну хворостом и сжечь, – объяснил Паитси, – но приближаться нельзя. Пепел должны убрать невольники. Они вскоре умрут.

Появился Хуто.

– Я обнаружил следы нехсиу. Они двигаются медленно. Ведут с собой много пленников. Если поторопимся, то догоним их к завтрашнему утру.

Хеви выслал вперед маджаев, чтобы быстроногие лучники обошли нехсиу и задержали разбойников. Он же с отрядом копьеносцев двинется следом. Охотники решили отправиться вместе с лучниками.

Кушиты бежали быстро, легко перепрыгивая через камни, как будто стая волков преследовала добычу. Казалось, маджаи не знали, усталости. Амени еле поспевал. Хуто иногда помогал ему взбираться на пригорки. Паитси, взвалив на плечи копьё, бежал впереди; только сверкали его розовые пятки.

После захода солнца лучники остановились передохнуть. Амени еле дышал. Ног он не чувствовал совсем.

Как только появилась луна, маджаи вновь двинулись по следу. Но теперь они не бежали, а крались в темноте, словно шакалы, вынюхивая след. Амени старался подражать им и не

шуметь, но у него ничего не получалось. Он то спотыкался о камни, то наступал на колючий стелющийся кустарник. Сколько так прошло времени, Амени не знал. Юноша с облегчением заметил, как где-то там далеко над восточным хребтом появилась светлая полоска утренней зари.

Командир лучников подал знак. Кушиты разом остановились и замерли. Амени чуть не налетел на спину Паитси. Хуто успел его поддержать. Маджаи сидели на корточках неподвижно и прислушивались. Казалось это не люди, а валуны или пеньки от старых деревьев. Принюхавшись, Амени почувствовал запах дыма и жареного мяса. Живот предательски забулькал. Лучники один за другим припали к земле и исчезли во мраке. На самом деле воины ползли, словно змеи. Охотники последовали за ними.

Внизу за холмами раскинулась долина. Несколько костров догорало, мерцая углями. Вокруг огня сидели воины нехсиу. Некоторые дремали, некоторые переговаривались на своем каркающем языке. Маджаи расползлись по холмам и приготовили луки для стрельбы.

Хуто вложил в руки Паитси острый кинжал и указал куда-то в темноту. Паитси припал к земле и исчез.

– Куда он? – шепнул Амени.

– Там наши пленные строители.

Амени внимательно взгляделся. Сначала он принял сидевших людей за груды камней, но потом понял, что это пленники, связанные по рукам. Они сидели плотно друг к другу и не шевелились.

– Паитси разрежет им путы, а мы его должны прикрыть. Готовь стрелы.

– Я никогда не стрелял в людей, – ужаснулся Амени.

Хуто обернулся и строго посмотрел ему в глаза.

– Рано или поздно это придется сделать. Не можешь стрелять в грудь – целься по ногам, но смотри: рука не должна дрогнуть. Ты же не хочешь, чтобы Паитси убили?

– Я не промахнусь, – согласился Амени, услышав, что Паитси может грозить опасность.

Тем временем небо посветлело, и ночной мрак постепенно растворялся. Песчаные холмы и деревья начали прорисовываться из общего серого фона. Заплакал шакал, словно младенец – условный знак. Маджаи тут же поднялись во весь рост и засыпали стрелами стан неприятеля. Послышались стоны, крики с проклятиями. Нехсиу вскакивали и хватали копья. Враги пытались укрываться от стрел овальными разукрашенными щитами.

– Стражники перебьют пленных! – с беспокойством произнес Хуто. Надо помочь Паитси.

Амени бросился вслед за охотником. Они обогнули холм и выскочили недалеко от того места, где сидели связанные люди.

Хуто оказался прав. Несколько воинов нехсиу направились к беспомощным пленникам с намерением раздробить им головы каменными палицами. Амени и Хуто встали поудобнее, натянули луки и выпустили по стреле. Один из охранников свалился с пробитым горлом, другой взвыл, припадая на правую ногу. Пока воины нехсиу соображали, что произошло, еще двое из них упали. Пленники, освобожденные от пут, сами накинудись на стражников. Завязалась отчаянная драка. Так, как у пленников не было оружия, в ход шли камни, дубины, кулаки. А Паитси продолжал орудовать кинжалом, освобождая оставшихся связанных строителей.

Вдруг у Амени все сжалось внутри. Юноша увидел, как сзади к Паитси подкрадывается нехсиу, готовый проткнуть сына вождя копьем. Паитси не видит врага. Еще несколько шагов... Рука сама молниеносно вынула стрелу из чехла и вложила в тетиву. Пальцы больно резануло. Воин нехсиу с пробитой головой вскинул вверх руки и упал на землю.

Стройный клич: «Йот! Йот с нами! Йот!» – огласил холмы. Хеви с городским войском подоспел к самому разгару битвы и налетел на разбойников, обратив их в бегство. Словно зайцы, нехсиу разбегались в разные стороны. Маджаи посылали вслед бегущим град стрел. Самые проворные догоняли врагов и резали кинжалами.

Пленники горячо благодарили своих спасителей. Амени ничего не слышал. Его взгляд был прикован к распростертому телу. Он подошел ближе и смотрел, не отрываясь на пробитую голову нехсиу. Его стрела с бронзовым тонким наконечником вошла чуть выше уха и вышла из щеки на противоположной стороне. Кровь темной лужей разлилась по земле. Человек лежал лицом вниз, крепкий, высокий. Наверное, это был отважный сильный воин, но теперь он мертв. Он ел, пил, сражался, молился богам, имел друзей, и, может быть, семью, а сейчас превратился в пищу для гиен и шакалов. Сама мысль об этом показалась Амени отвратительной. И смерть прилетела к этому здоровенному воину на кончике стрелы. Именно той стрелы, которую выпустил он. Амени убил человека, не птицу, не зверя – человека, такого же, как он сам, как Хуто, как Паитси.

– Хватит смотреть, – оторвал его охотник от мрачных размышлений. – Иначе он будет приходить к тебе во снах.

– Я убил человека, – вздохнул Амени.

– Тяжело, – согласился Хуто, – но, если бы ты его не подстрелил, погиб бы Паитси.

Из объяснений освобожденных строителей Хеви понял, что он разгромил лишь небольшой отряд нехсиу, которому доверили вести пленников. Основные же силы бандитов ушли вперед. На самом деле нехсиу раза в три больше, чем воинов у Хеви. Наместник прикинул как они смогут отбиться, решил, что самое разумное – отступить к Бухену, и сделать это надо как можно скорей. Вскоре опасения наместника подтвердились. Вернулись маджаи, преследовавшие врагов, и сообщили, что воины нехсиу спешат по их следу. Дикарей много, и все хорошо вооружены.

Хеви приказал прибавить шаг. Лучникам, замыкавшим колонну, теперь приходилось вступать в перестрелку с разведчиками врага. Когда до Бухена оставалось совсем немного, показались сами преследователи. Хеви понял, что до городских стен его отряд дойти не успеет. Тогда решил принять бой на месте. Он приказал развернуть строй, заранее выбрав узкое место, там, где скалы подступали к самой дороге. Нехсиу по численности намного больше, но с флангов они обойти не смогут – мешают скалы. Лучники взобрались выше на горные уступы и приготовились вести стрельбу. Самого быстрого из маджаев отослали в Бухен за подмогой. Хотя, надежды мало. Какая там подмога? Если только торговцы с дубинами придут. Надеяться можно только на свои силы, да на защитника-Йота.

Дикари неслись толпой, горланя боевые кличи. Они размахивали короткими копьями с кремневыми наконечниками и потрясали овальными щитами, плетеными из прутьев и обтянутыми кожей. Впереди бежали самые сильные чернокожие воины с разрисованными лицами. Лучники дали залп. Стрелы взвились в небо, словно рой пчел и посыпались на головы бегущих. Но это их не останавливало. Нехсиу продолжали надвигаться, затаптывая своих же раненых.

Хеви поднял над головой тяжелый серповидный меч. Пехотинцы темеху сомкнули щиты. Волна чернокожих нехсиу врезалась в стену щитов, производя нестройный грохот. Закипело жестокое сражение. Амени стрелял из лука, посылая стрелы в толпу врагов. Вскоре его рука нащупала пустой чехол. Стрелы закончились не вовремя; прямо на него несется мускулистый воин. Разукрашенное белой и красной краской лицо ощерилось звериным оскалом. Амени схватил копьё. Но он никогда не участвовал в сражениях и немного робел при виде приближающегося грозного воина, напомнившего ему-то чудовище, которое он недавно убил. Главное – не бояться! Сознание вновь отключилось. Только в мозгу звучало: «...О, Йот, поддерживающий жизнь в творении! Все живое обожает Тебя, во всех речах своих взывая к тебе!..» Стараясь преодолеть страх, Амени заорал, что есть сил, и сам бросился навстречу врагу. Но опытный воин ловко увернулся от копья и так сильно врезал щитом в лицо юноше, что Амени полетел на землю, а в глазах запрыгали радужные шарики. Он увидел над собой разукрашенную рожу со звериным оскалом и занесенный кривой меч в жилистой руке. «Неужели все!» – мелькнуло

страшная мысль. Но тут воин как-то странно дернул головой, и кривой клинок выпал у него из руки. Второй удар тяжелой палицы окончательно расколол ему череп.

– Жив?

Крепкие руки подняли Амени с земли и поставили на ноги.

– Вперед! Да светит нам Йот! – заорал его спаситель и кинулся в схватку, размахивая бронзовой палицей.

За ним ринулась целая лавина вооруженных людей. Амени заметил, что на их головах синие платки. Это команда с кораблей! Но откуда они здесь?

Остатки нехсиу удирали, бросая оружие. Воины Кемет ликовали.

– Где Амени? Амени! – звал Хеви.

– Я здесь, – Юноша подошел к отцу.

– Ты не ранен?

– Цел. А ты?

– Слава Йоту. – Он заткнул за пояс окровавленный меч и крепко обнял сына.

К ним подошел крепкий корабельщик. Амени узнал в нем своего спасителя.

– Хеви! – корабельщик поднял в приветствии правую руку. – Живи вечно!

– Мауи! Кормчий Йота! Да наградит тебя достойно Йот за наше спасение! Как ты здесь оказался.

– Мы на рассвете прибыли в Бухен, – сказал кормчий. – Я узнал, что ты отправился в опасную вылазку, и решил тебя поддержать. Всякое может случиться. Как видишь – не ошибся. По дороге встретили твоего посыльного.

– Я буду до конца дней благодарить Йота, за то, что он послал тебя в помощь. С какими вестями ты прибыл из столицы.

– Все расскажу в Бухене. Новостей много – и не все приятные.

Усталое войско прибыло в город к закату. Хеви распорядился выдать всем вина и хлеба.

В доме наместника, Хеви принял старшего кормчего Йота Мауи. Кормчий передал ему свиток папируса с печатью верховного жреца Йота Эйи. Хеви внимательно прочитал папирус и предложил ознакомиться с посланием старому Мериамосу. Старик долго рассматривал текст, прищуривая пожелтевшие глаза, шевелил бесцветными губами, после пожал плечами.

– Тот, кого любит Йот хочет, чтобы ты отобрал две сотни лучших кушитов и вместе с данью отправил их в Ахйот – солнечную столицу.

– Вместо того, чтобы прислать нам подмогу, мы должны сами ослаблять гарнизон, – недовольно проронил Хеви.

– Ты не можешь осуждать волю Того, кого любит Йот, – твердо сказал кормчий. – Слова его – мудрость Йота.

– Мне придется прекратить работы на строительстве Южного Горизонта Йота. Я не смогу обеспечить охрану рабочих. Нехсиу подбираются к Бухену, Миргиссе и Докаунарти. Какое-то время крепости будут сдерживать врага, но без поддержки войск с севера, жители начнут покидать беспокойные земли. Нас отбросят за первый порог Хапи.

Старый Мериамос еще раз просмотрел свиток.

– Здесь далее приказано тебе самому прибыть в столицу вместе с сыновьями. Правитель хочет видеть твое потомство. Возможно, твоих детей отдадут в обучение жрецам. Это хорошо, – рассудил он. – Чему они научатся здесь, на окраине страны. В столице же их ожидает возможность получить хорошие знания, а впоследствии – должности при дворе.

– Но как я оставлю Куши в столь беспокойное время, – не понимал Хеви.

– Не переживай, – успокоил его Мериамос. – Стены у Бухена крепкие. Продержимся. Скоро начнется разлив, тогда нехсиу успокоятся и уберутся обратно в свои земли. Я послезу за писцами, чтобы они много не воровали. Можешь отправляться в столицу и не о чем не переживай. Старый Мериамос еще не выжил из ума, и сможет управиться здесь.

- Правитель мудр. Правитель знает, что делает. Надо верить ему, – поддержал старика кормчий.
- Пусть будет так, – согласился Хеви. – Начну собираться в дорогу.

7

За завтраком Хеви объявил семье, что они отплывают в Ахйот. Лица у братьев Амени засияли от счастья. Ведь они никогда не бывали северней Острова Слонов. Все бросились собираться в дорогу, предвкушая интересное путешествие почти через всю страну. Больше всех радовалась Нефтис. Она выросла в роскоши Дома Ликования в Нэ, и никак не могла привыкнуть к убогой, как ей казалось, обстановке в доме правителя Бухена. В детстве ее окружали высокие сановники и мудрые жрецы. Почетные звания звучали, как простые имена. Здесь же, на самой южной окраине Кемет она могла общаться только со скучными женами местных писцов, которые слабо разбирались в музыке, истории, поэзии; вечные их беседы про стада, коров и засухи ужасно скучны и неинтересны. Но жаловаться на судьбу замужней женщине считалось неприличным тоном. Нефтис все держала в себе как истинная дочь правителя и стойко переносила все неудобства этого проклятого места. Больше всего Нефтис была рада за детей. Наконец-то они смогут посмотреть мир: увидеть красивые города с огромными дворцами и величественными храмами, познакомиться с мудрыми жрецами и великими мастерами: строителями, ваятелями, художниками.

– Неужели я увижу непобедимого Хармхаба²³ и мудрейшего Эйю²⁴? – все никак не мог поверить Амени.

– Увидишь, – смеялся отец. – Что там Хармхаб. Самого Солнечного правителя узришь во всем сиянии.

– Разрешите с нами отправиться Хуто и Паитси, – попросил Амени.

– Паитси – сын вождя. Я просто обязан взять его с собой. А Хуто... Если ему не жалко расстаться с пустыней, пусть присоединяется.

– Спасибо, отец, – поблагодарил его юноша и побежал искать своих друзей.

Амени нашел Хуто все там же возле дома оружейника Гирькуфа. Охотник лежал на том же месте и на той же циновки, что и в их первую встречу. Гирькуф все так же натягивал щит на колодку, орудую деревянным молотком и клещами.

– Хуто! – радостно закричал Амени. – Я уговорил отца. Он берет тебя с собой в Ахйот.

Охотник приподнялся на локтях и с недоумением посмотрел на Амени.

– Зачем?

– Как зачем, – Амени слегка удивился. – Мы поплывем на север к столице...

– Что мне там делать? Я охотник. Мне нужен простор и поменьше людей с их постоянной болтовней и нытьем.

– Ну что ты такое говоришь! – набросился на него оружейник. – Ты скоро уже двадцать восьмой разлив встретишь, а кроме пустыни ничего не видел. Того и гляди какой-нибудь зверь сожрет тебя.

– Чем пустыня хуже городов? – рассудил Хуто. – В пустыне спокойно. А самый страшный зверь – это человек.

– Да останется на месте твоя пустыня. Еще миллион лет простоит такой же дикой. Повидай мир. Может, найдешь себе девушку, которую назовешь сестрой. А то, какой позор: взрослый здоровый мужчина – а семьи нет, дома нет, детей нет. Перед соседями стыдно. У всех

²³ Хоремхеб (прав. Хар-ма-ху) – фараон Древнего Египта, правивший приблизительно в 1319 – 1292 годах до н. э. В царствование Эхнатона Хоремхеб занимал ряд административных и военных должностей.

²⁴ Эйе (другой вариант написания Аи) – фараон Древнего Египта, правивший приблизительно в 1323 – 1319 годах до н. э., из XVIII династии. Эйе был женат на Тиш – кормилице фараона Эхнатона. Эта Тиш, называемая в надписях «высокая кормилица», «мать, вскормившая божественного», «одевавшая царя», пользовалась особым расположением Эхнатона.

твоих братьев дома полные; все сестры твои, как коровы рожают каждый год; только ты один живешь, как волк-отшельник. Все думают, что на тебе проклятье.

– Разошелся, – буркнул Хуто и сдался. – Когда отплываем?

Корабли плавно подходили к Острову Слонов. Берега представляли собой высокие серые утесы, изрезанные шрамами расщелин. Где-то языки зеленой травы пробирались к воде, где-то желтый песок заполнял пространство между скал. Течение в середине реки сильное, а ближе к берегу стихало и кружилось в водоворотах. Умелые кормчие легко лавировали между опасных подводных камней. Здесь могли проплыть только легкие корабли с десятью гребцами. Большое судно обязательно село бы на мель, влекомое неудержимым потоком.

На западном берегу, среди желтых холмов показалась широкая каменная лестница, с двух сторон окаймленная высокой стеной. Лестница вела к усыпальницам наместников Острова Слонов, где нашли последний приют все знаменитые стражники Южных Врат.

Сам Остров Слонов казался большим ярко-зеленым крокодиллом, спокойно лежащим в воде, подставляя спину жаркому южному солнцу. Над высокими серыми скалами торчали пушистые метелки пальм. В густых зарослях акаций и сикомор скрывались невысокие домики. Перед пристанью качались на волнах легкие папирусные лодочки.

Караван ненадолго задержался на острове. Груз перенесли на северную его оконечность, где река становилась глубокой. Поклажу ожидали большие крепкие корабли из лабанского кедра с широкими парусами и длинными веслами. Писцы скрупулезно пересчитали и взвесили мешочки с золотом, пронумеровали слоновьи бивни и стволы черного дерева, засовывали свои носы в сундуки с аметистом, благовониями и медными слитками, переворошили шкуры. Все тщательно записали на папирусных листах, прежде чем передать список кормчим.

Совершив молитву в Солнечном храме и попросив у Йота благополучного путешествия, корабельщики разошлись по своим суднам. Хлопнули паруса, ловя ветер. Ударили весла. Корабли очень медленно проплыли по обводному каналу, прорытого еще легендарным наместником Куши Уной. Миновав опасные перекаты первого порога, где река клочкотала и вздымала пенящиеся валы, караван поплыл по спокойной воде мимо небольшого города Свэна, славящегося своими виноградниками и рощами финиковых пальм. Осталась позади гряда зеленых островов. Дальше река становилась широкой и полноводной.

Через несколько дней путешествия, по правую руку, у подножья скалистых гор появился необъятный город. словно сама богиня неба Нут уронила в траву горсть жемчуга.

– Смотрите! – Хеви показывал вдаль, где среди зеленого ковра лесов и полей возвышались белые стены. – Мы подплываем к великому Нэ. Мой отец говорил, что Нэ существовал раньше любого другого места: вода и земля были там от начала времен. А сотворение Мира и Богов произошло в Нэ волею всевышнего Амуна. И я появился на свет в этом чудесном городе.

– А что там, на левом берегу? – спросил Амени.

– Хапи разделяет Нэ на две части: на восточном берегу раскинулся Уаст – город живых, а на западном Маамон – город спящих.

Амени такого великолепия ни видел еще никогда. Он до этого дня верил, что высоченные стены Бухена со строгими квадратными башнями – самое величественное и прекрасное, что могли соорудить люди. Но здесь перед его взором предстало то, что не в состоянии придумать ни один человек. Только боги могли построить подобие Иалу²⁵. На фоне желтых гор, среди густой зелени раскинулось белокаменное чудо. Высоченные храмы с колоннадами необычной строгой формы гордо стояли среди пальмовых рощ. Иглы обелисков сверкали золотом. Дворцы уступами вырастали среди садов.

²⁵ Поля Иалу (египетское «поля камыша») – в древнеегипетской мифологической традиции часть загробного мира (Дуата), в которой праведники обретают вечную жизнь и блаженство после суда Осириса. Поля Иалу стали прообразом Елисейских полей в древнегреческой мифологии.

– Но кто смог такое построить? – не сдержал возглас Амени.

– Люди! – улыбнулся Хеви. – Самые обыкновенные люди. Наши предки. Ты еще не так удивишься, побывав возле храма великой Мааткара Хенеметамон Хатшепсут²⁶ или когда войдешь во двор вечного святилища Ипетасу²⁷. Вон, видишь, самые высокие пилоны? Это и есть величественный храм, посвященный Амуну. Раньше Ипетасу был самым главным святилищем Обеих Земель. На праздники к его пилонам стекались тысячи паломников. Процессии жрецов в ярких желтых накидках растягивались на несколько сотен шагов, когда священнослужители несли золотые наосы вдоль берега Хапи.

Множество дворцов выходило фасадами к набережной. Кирпичные ограды с колоннами и цветными фресками выстроились в строгую линию, одна великолепная ограда переходил в другой, еще более изящную. С воды казалось, что над набережной возвышается белая стена с сотнями ворот. Перед городом по реке сновали лодки. Причал пестрел от множества разукрашенных кораблей.

Когда Амени спрыгнул на белые плиты набережной, то его окружил шум торгового порта. Грузчики сновали с ношей, словно муравьи – того и гляди – сшибут. Не зевай! Торговцы с кораблей орали на разных языках. Писцы с невозмутимыми лицами пересчитывали товар, взвешивали, аккуратно вели записи на глиняных дощечках. Пахло пряностями, хлебом, свежей рыбой и смоляным варом. Но стоило только свернуть за угол, и шум пропал вместе с запахом. Вдоль ровной улицы, мощенной, все тем же белым камнем, выстроились строгими рядами пальмы. Аромат цветущих садов наполнял воздух. Откуда-то доносилась печальная мелодия свирели.

– Так тихо? – удивился Амени.

– Мы прибыли в ранний час, – объяснил Хеви. – В этой части города живут писцы. Они, обычно, просыпаются поздно.

– Но как же жители возносят молитвы восходящему Йоту? – не понял Амени. – Неужели они не встречают восход?

– Значит, им дозволенно восхвалять Йота в зените, – развел руками Хеви.

Тем временем путники подошли к высоким воротам из черного дерева. За прочной кирпичной стеной виднелись верхушки деревьев обширного сада и второй этаж большого добротного дома.

Хеви громко постучался. Одна из створок отворилась, и перед путешественниками предстал высокий слуга в белой набедренной повязке и в черном парике.

– Что доложить моему господину? – учтиво спросил он, слегка переломившись в поясе.

– Передай почтенному: прибыл его брат Хеви, наместник Куши.

Слуга вежливо пригласил гостей войт, а сам поспешил в дом с докладом. Они очутились в удивительном саду. Прямо к дому бежала чисто выметенная дорожка, выложенная камнем. По краям благоухали цветники. Огромный пруд четкой прямоугольной формы пестрел водяными лилиями. Берега окаймляли молоденькие сикоморы. Вдоль забора, словно стражи, росли высокие финиковые пальмы. Между деревьев пестрели кусты с шапками цветов. Кипарисы аккуратно подстрижены. И везде порядок: ни одной сухой веточки, ни одного завядшего листочка.

Высокие черные собаки подняли лай, учуяв чужаков. Садовник, работавший неподалеку, прикрикнул на них, и они тут же успокоились. Но из пруда вылезли два серых жирных гуся. Решив показать: кто здесь хозяин, гуси захлопали крыльями, выгнули шеи и зашипели, раскрывая красные клювы. Садовник пытался их прогнать, но наглые птицы не боялись его и даже попытались ущипнуть.

²⁶ Хатшепсут (1490/1489—1468 до н. э., 1479—1458 до н. э. или 1504—1482 до н. э.) – женищина-фараон Нового царства Древнего Египта из XVIII династии. До воцарения носила то же имя (Хатшепсут, то есть «Находящаяся впереди благородных дам»), которое не было изменено при восшествии на престол

²⁷ Ипетасу – центральный храм Амона. Располагался возле Фив.

– Ра! Ра! – закричал садовник.

Заливаясь звонким лаем, из клумб выпрыгнула маленькая собачка с торчащим кверху тонким хвостиком и длинными ушами. Она смешно подпрыгивала на коротких кривых лапках. Ра смело кинулась на гусей, и те недовольно попятились обратно в пруд.

В дверях дома показался коренастый невысокий человек, разбуженный шумом. Его заспанное лицо чертами напоминало лицо Хеви. Потирая ладонью бритый череп, он пытался спросонья разглядеть гостей, затем радостно вскинул руки вверх и бросился в объятия брату.

– Неб! – раздался сверху с балкона недовольный женский голос. – Что произошло? Что за шум?

– Радуйся дорогая Нефрэт! Мой брат Хеви по велению Йота в нашем доме со всеми своими сыновьями!

– Хеви! – в голосе послышалось удивление и радость. – Распорядись немедленно отвести гостей в мыльню, а сам позови брадобреев и приведи себя в порядок. У тебя, наверное, вид, как у обезьяны, свалившейся с дерева. Ты наместник Восточного города, а не портовый стражник, и должен встречать высоких гостей в подобающем виде.

– Все сделаю, – с улыбкой ответил Неб сварливой супруге.

– Пусть не увядает твоя красота Нефрэт! – крикнул ей Хеви.

– Наконец-то ты к нам заглянул! – притворно сердито ответила женщина с балкона. – Почему я не вижу светлолицую Нефтис. Где твоя супруга?

– Ее корабль прибудет чуть позже, – пообещал Хеви. – Но она собиралась сразу же посетить Дом Ликования и предстать перед очами старой правительницей Тейе.

– Как это: сразу же, – Нефрэт перевесилась через перила балкона. Казалось, еще чуть-чуть, и она свалится прямо на клумбу душистых цветов. – Я немедленно отправляюсь к пристани ее встречать. Никуда она без меня не пойдет! Я не видела сестру уже пятнадцать разливов.

Женщина скрылась в доме. Послышались ее громкие команды. Разбуженные слуги забежали, выполняя распоряжение хозяйки.

Заботливые рисуты отвели гостей в просторную деревянную беседку рядом с прудом. Сначала их раздели и попросили залезть в бассейн, выдолбленный в цельном камне. Его заполнили подогретой водой и высыпали целую корзину цветочных лепестков. Затем гостей разложили на каменных столах, костяными скребками терли кожу, мелким песком с водой растирали тело до красноты. После пошли в ход ароматные масла. Волосы зачесали назад и скрутили в тугие узлы. Пришлось повозиться с кучерявой шевелюрой Паитси, но опытный цирюльник справился. На головы надели парики и облачили тела в тонкий лен со множеством складок, причем затянули одежду так туго, что Амени еле мог дышать. Каждому гостю подобрали мягкие сандалии с золотыми украшениями.

Последними пришли художники по лицам. Мастера открыли шкатулки с красками и тонкими кисточками. Произнеся молитву, художники принялись за работу: подводили глаза, красили веки и румянили щеки.

– А это зачем? – пытался возмутиться Амени. – Я буду походить на алебастровую куклу.

– Терпи. Так принято, – попросил Хеви и со вздохом добавил, – я сам отвык от такой жизни.

Когда все закончилось, Амени взглянул на своих разукрашенных братьев и покотился со смеху. Особо нелепо выглядел Паитси в огромном парике, с серебряными тенями на веках, румяными щеками на черном лице и алыми большими губами. Все громко смеялись, тыча пальцами друг в друга, а оскорбленные художники по лицам ушли с недовольными минами. Мастера высокомерно кивали друг другу: «Дикари!»

Гостей провели на второй этаж. В обширном зале с квадратными колоннами собрался весь цвет города: все те сановники, кто остался в Уасте после переезда двора правителя и госу-

дарственных служб в новую Солнечную столицу. Стоял несносный насыщенный дух благово- ний и ароматических масел. На небольших столиках возвышались вазы с фруктами, блюда с хлебом и мясом, кувшинчики с вином, пивом и нектаром.

– Наместник Йота в Куши, Сын Куши, начальник золота Куши, благородный Хеви с сыно- вьями! С ними любимый сын вождя Руну из земли Теххет Паитси, – торжественно произнес рисут.

Все пестрое соцветие сановников обернулось. Десятки рук с открытыми ладонями под- нялись в приветствии. Почетных гостей провели в глубину зала, где на высоком стуле воссе- дали управитель Восточного города Уаста. Рядом стул для супруги оказался пуст.

– Где же неугомонная Нефрэт, – поинтересовался Хеви.

– Представляешь, – усмехнулся Неб. – Она все же успела вовремя появиться на пристани и встретить свою сводную сестру. Сейчас служанки готовят их к выходу. Они ведь обе: и моя жена, и твоя супруга – дочери Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет, поэтому должны показаться перед обществом, словно звезды на небосклоне.

Сам правитель Уаста, как полагается, облачился в тонкий гофрированный лен ярко-жел- того цвета. Красный пояс обвивал его стан, и концы свисали до земли, оканчиваясь пушистыми кисточками. Великолепное наплечье из множества нитей стекла, золота и бирюзы украшало грудь. Пышный, завитый мелкими кольцами парик венчал голову. И неизменное перо страуса – символ власти под золотым обручем.

Хеви, как высокому сановника, а Паитси, как сыну вождя дружественного народа слуги предложили стулья напротив правителя города и подали первым угощения.

– Те, кто рожден от Солнца, чья красота не увядаем, а жизнь вечная! – громко объявил рисут.

Все расступились, освобождая проход. В зал величественно вошли две красивые строй- ные женщины, облаченные в тончайший лен. Широкие ожерелья на высоких, красиво изо- гнутых шеях переливались драгоценными камнями. Талии стянуты широкими поясами с серебряными нитями. У одной на руках сидела маленькая девочка, разодетая словно кукла. Младенческая черная прядь свисала на правую щеку.

Амени сразу не узнал в красавицах свою мать и ее сестру, супругу наместника Неба.

– Я вижу жену? – Хеви даже привстал от удивления, – или это сама Изидида?

– Я тебе говорил, – довольно промурлыкал Неб. – Моя Нефрэт нанимает только самых искусных мастеров, готовых из кого угодно сделать богиню.

После церемониальных приветствий и восхваление Йота, а также Того, кого любит Йот, началось веселье. Хеви приказал принести ларцы с подарками, которые он приготовил для брата и его семье. Среди подарков оказались изделия из золота и слоновой кости, изготовлен- ные умелыми мастерами Куши: украшения для трех дочерей и супруги, кинжалы для двух сыновей и, конечно, пара ручных обезьян, от которых дети пришли в восторг.

Жены сановников болтали о всяких пустяках, охали и ахали, восхищаясь ожерельями и драгоценностями из Куши. Мужчины с серьезными лицами рассуждали о политике и о посе- вах. Музыканты улаждали слух гостей заунывными мелодиями.

Амени чувствовал себя как-то неловко в этом пестром, благоухающем обществе; он не очень хорошо понимал умные рассуждения писцов о законах и поборах, а вместе со своими младшими братьями и сестрами забавляться с обезьянками ему казалось несолидно, все же он уже не ребенок. Паитси не давали покоя расспросами. К сыну вождя невозможно было подсту- питься. Все хотели знать: как там, в диких землях Теххет, почему нехсиу никак не успокоятся, что они едят и на кого охотятся. Хуто во дворце не было. Он остался с маджаями в городе. Гуляет, наверное, с чернокожими лучниками в каком-нибудь доме веселья, которых предоста- точно среди узких грязных улочек, выходящих в порт.

Но вскоре отец и глава Уаста поднялись и покинули шумное собрание. Отец поманил Амени за собой. Они уединились на просторном балконе. Отсюда открывался вид на величавый белый город и голубой широкий Хапи.

– Давно я не был здесь, даже забыл, как пахнут сады Нэ. – Хеви набрал полной грудью воздух. – Как же здесь уютно!

– Не совсем, – поморщив лоб, ответил Неб. – Все не так, как было раньше. После того, как Тот, кого любит Йот, приказал распустить Дом Жизни и изгнать жрецов Амуна, жизнь города потекла по-другому, как-то криво. Все хорошие мастера по камню и умелые строители перебрались в Ахйот – новую столицу. Раньше вся жизнь вертелась вокруг Ипетасу. Все же Ипетасу – был главным святилищем страны. Со всего света сюда стекались мудрые ученые и лучшие мастера. А помнишь, что творилось на праздниках? Сколько народа приходило с дарами! Сейчас Дома Жизни стоит пустой. Храмы заброшены. Понаехали грязные торговцы из Лабана, из Нахарины. Обнаглели до того, что строят свои лачуги прямо в храмовых дворах. Нечистоты выплескивают за порог. Теперь там, где от благовоний кружилась голова, пахнет мочой и тухлой рыбой. Устраивают торги на ступенях, по которым раньше смели подниматься только избранные. А что им скажешь? Тот, кого любит Йот, разрешил им все. Начальник охраны ничего не может поделать.

– За какие заслуги правитель позволяет инородцам такие вольности? Неужели, эти азиаты воздают хвалу Йоту? – возмутился Хеви.

– Они так громко орут по утрам, прославляя восходящее Солнце, что уши закладывает. На самом же деле почитают своих Богов. Приносят в Солнечный храм на алтарь цветы и дешевое масло. Своим Богам втайне преподносят жертвоприношения хлебом и вином. Представляешь, какое управление мне досталось, – вздохнул Неб.

– А что местные жители – люди Кемет.

– Возмущаются, ругаются, доходит до драк. Я понимаю их. Сам вырос здесь, и родители наши похоронены в этой священной земле. Но у начальника городского войска есть четкие инструкции: не наказывать строго чужеземцев. Если говорить откровенно – я не могу понять нашего правителя. Мне недавно пришел его приказ, который я не в силах выполнить, даже под страхом изгнания на чужбину.

– Что он тебе приказал?

– Ты не поверишь! Правитель хочет разрушить Ипетасу и другие храмы, а из их камня возвести огромное святилище Йота. Прибыли писцы из столицы и принялись производить замеры, для будущей стройплощадки.

– Надеюсь, ты не начал разрушения? – ужаснулся Хеви.

– Вмешалась наша мудрая правительница Тейе, мать Того, кого любит Йот. Да живет она вечно, вековечно. Она хочет плыть к правителю и уговорить его не трогать Ипетасу. Скорее всего, правительница отправится в твоём караване.

– Для меня великая честь – сопровождать Солнцеликую, – признался Хеви. – Уверен, у нее хватит мудрости повлиять на своего сына. Разве можно разрушать то, чему поклонялись наши предки сотни лет! – Но как там наш старший брат Хотп? – вспомнил наместник Куши.

– А вот ему пришлось хуже всего? – вздохнул Неб. – Как правитель ненавидит Нэ, в такой же степени Хотп любит наш город. Помнишь, жрецы считали их двоих самыми способными учениками в Доме Жизни – его и нынешнего властителя. Когда Тот, кого любит Йот еще не носил двойную корону, их невозможно было разлучить. Они вместе частенько забирались на крышу Большого Дома и изучали те старинные свитки, что давал им Эйя и учитель Аменхотп. Когда Тот, кого любит Йот, занял место своего отца Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет, наш брат всегда был рядом с ним и помогал ему во всех делах. Когда же случилось «Великое Затмение», а после «Спасение страны Йотом», вы с Хармхабом и Сети бросили все и последовали за Солнечным правителем строить новый город, а наш брат впал в немилость. Сын Йота отпра-

вил его управлять городом теней Маамоном. На том берегу Хапи поддерживается порядок только благодаря нашему брату Хотпу. Азиаты провожают умерших по-своему: тела сжигают на погребальном костре уктури. Пепел собирают в большой кувшин и хоронят в пещерах. А местные жители не так богаты, чтобы заказывать для ушедших родственников позолоченные саркофаги и дорогие ушебти. Так что, работники Дома Смерти сами едят пресные лепешки и запивают их простой водой. А надо еще содержать стражников. Азиаты не верят ни во что святое. Эти наглые иноверцы принялись по ночам наведываться в Маамон и грабить могилы. Ну, как можно!

– У Хотпа не хватает стражников?

– Стражников нужно кормить. Он не в силах содержать большой отряд, да еще с ручными гиенами. Я помогаю брату чем могу, но втайне от писцов, иначе на меня последуют кляузы. Да и старая правительница Тейе, да живет она вечно, вековечно, посылает тайком ему золото и хлеб.

– Почему Хотп не появился сегодня у тебя на приеме? – удивился Хеви. – Разве он не рад моему приезду?

– Как ты можешь так подумать! – замахал руками Неб. – Он наш старший брат. Хотп нас любит, но он до сих пор в опале у правителя, и поэтому не хочет порочить наши имена. Мало ли какой доклад вздумается отослать писцам в Горизонт Йота. Чтобы выслужить себе более высокий пост, эти кровопийцы готовы на все, даже на подлое предательство. Так что, не особо откровенничай с местной знатью.

– Я должен его увидеть! – твердо решил Хеви. – Я не могу уплыть, не повидав брата!

– Вечером к нему отправимся, – согласился Неб. – Совершим жертвоприношение в заупокойном храме Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет, заодно навестим нашего Хотпа.

Веселье в доме правителя Уастом продолжалось до заката. Сановники начали расходиться только, когда лиловые полосы разукрасили небо над далеким горным хребтом. Паитси пригласили к себе в дом знатные жители города, предки которых происходили из Куши. Неутомимые дети занимались своими играми под присмотром нянек. Женщины отдыхали в саду среди благоухающих клумб.

Неб, Хеви и Амени с облегчением скинули узкие одежды и парики. Облачившись в набедренные повязки и просторные накидки, они направились к пристани. Лодка наместника с десятью гребцами уже ждала их. Кормчий направил суденышко к другому берегу, туда, где закатывается солнце в ворота Дуата,²⁸ и умирает день.

Ближе к левому берегу течения не чувствовалось совсем, словно река засыпала. Странная торжественная тишина царила у пристани. Над ровными рядами пальм и сикомор возвышались мрачными уступами заупокойные храмы великих правителей.

Лодка причалила к берегу. Путники ступили на квадратные каменные плиты, поднялись в гору и очутились перед высокими пилонами центрального входа в город забвения. Их встретили стражники с бритыми черепами и ничего не выражающими лицами.

– Куда изволите следовать? – вопрошали они безразличным строгим тоном.

– Я, управитель города Уаста. Со мной Наместник Куши и его старший сын. Мы следуем в поминальный дом Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет, чтобы почтить его память и совершить жертвоприношение.

– Проходите, – все так же безразлично ответили жрецы. – Оставьте все мысли и заботы, которые связывают вас с этим миром. Переступив

порог, вы очутитесь перед лицом вечности, – прозвучали обыденные слова. Но Амени от сказанного стало немного не по себе.

²⁸ Дуат – потусторонний мир

За воротами начиналась длинная крытая колоннада. Она поднималась вверх, и создавалось впечатление, что дорога шла прямо в небо. Колонны располагались в несколько рядов, так, что казалось, их очень много, и за ними ничего нет – только бездна. Потолок постепенно поднимался, а колонны становились все выше и расходились в стороны. Человеку, идущему по коридору, казалось, что он становится маленьким и жалким.

Неожиданно среди колонн их встретили два хранителя царства мертвых. Стражники с человеческими телами и с головой шакала, вытесанные из черного базальта, стояли неподвижно, держа в руках посохи уасы, оканчивающиеся маленькими головками соколов. Мастера вырезали изваяния божеств так искусно, что просматривалась каждая жилка на каменных телах. Глаза, инкрустированные драгоценными камнями, заглядывали прямо в душу. Можно было подумать, что они сейчас спросят у путников: по какой надобности те явились в долину вечности?

Колоннада неожиданно оборвалась, уступая место аллее каменных шакалов. После давящих сводов, небо показалось бездонным. Все невольно вздохнули полной грудью.

Словно скалы, выросли два громадных пилона, открывая вход в храм Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет. Две величественные статуи правителя, в три человеческих роста высотой, горделиво сидящего на троне Верхней и Нижней страны, как бы приглашали войти в храм. Лежащие львы из розового гранита охраняли вход по обеим сторонам. Но головы у них не львиные, а человеческие с лицом Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет: надменный взгляд, хитрая, чуть заметная улыбка, накладная борода, на лбу урей раскрыл капюшон и обвивал высокую тиару. На верхушке пилона золотом горели слова: «Я создал этот храм на миллионы лет. Я знаю, что он простоит на земле пока светит солнце».

Паломники в почтении склонились перед входом. Затем попали во чрево огромного зала с лесом колонн. Обдало прохладой. Запах ладана и благовоний наполнял помещение. Колонны, испещренные иероглифами, напоминали связки папируса с распустившимися цветками наверху. На стенах красочные рисунки, изображающие: с правой стороны земные подвиги Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет, слева его путешествие через подземный мир навстречу новому рождению и слиянию с Амуном. Плоский высокий потолок расписан в виде звездного неба. А сами звезды из золотой и серебряной фольги. Светильники на стенах и колоннах располагались так, что звезды отражали их свет и сияли так же, как на небе. Каждый шорох от шагов или иной звук эхом прокатывался по залу. Женские голоса не то завывали в плаче, не то пели печальную песню. Амени вертел головой, но нигде не заметил хора. Отец шепнул:

–Ты слышишь голоса ветра и камней. В стенах сделаны специальные отверстия. Когда дует ветер, кажется, будто поют плакальщицы.

В конце зала находился резной наос из золоченого кедра. Створки были растворены. Внутри на троне с полными регалиями власти сидел сам усопший правитель, вернее – его каменный двойник. Система металлических зеркал, передающих свет снаружи, освещало огромный медный круг за спиной Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет. Получалось правдоподобное впечатление, что правитель восседал на фоне сияющего солнца и, казалось, что статуя парит в воздухе.

Услужливые жрецы принесли камышовые клетки с дикими птицами. Посетители выбрали трех уток. Жрецы вынули трепыхающихся птиц из клеток, уложили их на жертвенник и ловко перерезали горло. После того, как птицы перестали подавать признаки жизни, жрецы пропели высокими голосами гимн, восхваляя дух Великого Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет, и незаметно исчезли в боковом проходе. Паломники остались одни перед грозным ликом каменного правителя, живущего правдой вечно, вековечно.

Послышалось легкое шуршание. В зале появился высокий человек в белой жреческой одежде с открытым правым плечом. Его голова была полностью обрита. В ясных карих глазах светилась мудрость.

– Хотп! – воскликнул Хеви и обнял брата.

– Наконец-то ты посетил нас, – улыбнулся жрец. – Я уже начал забывать твое лицо. – А это один из моих племянников? – он оглядел Амени с ног до головы. – Признайся, Хеви: он больше похож на меня молодого, нежели на тебя: такой же высокий и статный.

– Возможно, – согласился Хеви.

– Сколько же лет тебе, юноша? – допытывался жрец.

– Я буду праздновать пятнадцатый разлив Хапи? – ответил Амени, смущенный стольким вниманием к своей персоне.

– Всего-то? Глядя на твои широкие плечи, я подумал, что тебе исполнилось семнадцать или восемнадцать.

– Он уже участвовал в сражении? – сказал Хеви.

– Вырастает великий воин, – похвалил его Жрец.

Хотп пригласил их в свой дом:

– Оставайтесь на ночь у меня. Я прикажу приготовить свежего пива.

– С удовольствием! – обрадовался Неб. – Я открою тебе одну тайну. – Он загадочно подмигнул Хеви. – Хотп сохранил всю библиотеку жрецов Амуна. В Доме Жизни все разгромили и растащили. А Хотп собрал библиотеку и спрятал у себя во дворце. Нет ничего интереснее, чем вечерком сидеть у него в кабинете и копать в пожелтевших старинных папирусах.

Выйдя из храма, они по вечерней тихой улице, где обитали труженики Дома Смерти, пришли к воротам высокого дворца управителя западного города. Слуги открыли ворота, и Хотп провел гостей через сад в просторный дом. Вся обстановка дворца наместника была строгая, без излишеств и украшений. Все стояло на своем месте. Кругом чистота и порядок.

Просторный кабинет имел несколько небольших узких окон. Стены пестрели рисунками, в которых рассказывалась история душ, попавших после смерти в Иалу. Посредине стоял длинный стол черного дерева с письменными приборами и чашей со свитками папируса. Массивные ноги стола оканчивались когтистыми лапами. Несколько стульев с невысокими спинками и скрещенными ножками находилось возле стола. Но самое ценное в кабинете – это высокий шкаф. Он занимал целую стену и поднимался до потолка. Множество полок заполняли круглые деревянные пеналы, в чреве которых хранились бесценные свитки.

– Вот мое богатство, – с гордостью указал Хотп на полки.

– Воистину! Если этот шкаф заполнить золотыми слитками, то его не хватит, чтобы купить и один из этих свитков, – поддержал его Неб.

Хеви подошел к шкафу и прочитал названия на торцах цилиндров, как магические заклинания: «Сотворение мира». «Сотворение луны». «О небе и о звездах». «История во времена правителей Небка, Джосра, Семхебхеба». Неужели все это должно было сгореть? – Он пожал плечами. – Я не могу понять правителя. Он всегда тянулся к знаниям, сам заставлял нас читать старинные свитки. Помните, как Тот, кого любит Йот запоминал слово в слово целые философские трактаты, – и вдруг решил все это уничтожить.

– Не будем осуждать Того, кто выше нас, – приложил палец к губам Хотп и пригласил всех присесть за стол. – Время всех рассудит и все расставит по местам.

Слуги принесли свежее пиво и горячие пирожки. Старшие принялись вспоминать свое голопузое детство и горячую юность, смеялись над своими давними приключениями, иногда вздыхали. Затем Неб подошел к шкафу, достал несколько старых потемневших пеналов, и они с Хеви принялись разбирать наполовину забытые письма; переговаривались в полголоса; морщили лбы от натуги.

– Давай не будем им мешать и пройдем в сад, – предложил Хотп племяннику.

Амени послушно последовал за дядей.

Вечер с багровым закатом переходил в прохладную ночь. Деревья перешептывались с легким ветерком. Кричали ночные птицы в камышах. Доносилось громкое кваканье лягушек.

Шакалы противно заплакали где-то в долине спящих. Все вокруг становилось черным, и только горело звездное небо, да на том берегу сиял вечерними огнями город живых.

– Как встретил тебя Вечный город? – спросил Хотп, кивком указывая на Уаст.

– Я никогда раньше не видел такого великолепия, – признался Амени. – даже не мог предполагать, что человек способен построить такие высокие храмы.

– Человек многого может достигнуть, и силы его безграничны, – улыбнулся Хотп.

– Наш род всегда жил здесь? – поинтересовался юноша.

– Тебе, разве отец не рассказывал про деда?

– Он, только, говорил, что дед был известным жрецом.

– Действительно, мудрейший Себхотп прожил славную жизнь. Его труды хранились в Доме Жизни рядом с папирусами таких известных мудрецов, как великий строитель Хотеп – чати²⁹ легендарного правителя Джосера³⁰. Но на самом деле Себхотп родился в небольшом поселке ниже по течению Хапи, в простой семье землепашцев.

– Как же он смог так возвыситься?

– В старые времена, когда весь Кемет от южных порогов и до северных вод Великой Зелени³¹ поклонялся Амуну, в первые дни месяца Атира сезона Ахнет, когда Хапи набухал и начинал заливать поля, наполняя их живительной силой, проводили веселый праздник Опет. Его и сейчас празднуют, но не с тем размахом и не так долго. Во время торжеств из города выплывало священное судно. На нем находились Жрецы Амуна, и только хранители Истинны. Священную барку несло течение, а жрецы ждали особых знамений, известных только им. Если знамение происходило, корабль приставал к берегу. В селениях, возле которых останавливалась священная барка, жрецы выбирали из новорожденных детей тех, на кого указал им Дух Амуна. Опять же, приметы были известны только высоким жрецам. Этих детей в конце путешествия отдавали в Дом Жизни³², где младенцам была уготовлена судьба – стать мудрейшими. Вот так твой дед попал в Нэ.

– Ему повезло?

– Есть доля везения в его судьбе, – с сомнением произнес Хотп. – Многие попадали в Дом Жизни, но немногие становились великими. Мудрейшие служители Амуна производили строгий отбор. Ребенок, угодивший на празднике Опет в Дом Жизни, начинал долгий трудный путь познания. Большинство из избранных достигали только первой ступени совершенства, и дальше для них путь был закрыт. Обычно, они становились писцами, служили в храмах или занимали иные важные должности.

Более способных переводили на следующий уровень обучения, где из них готовили лекарей, писцов высокого ранга, хранителей архивов, строителей, землемеров, кормчих. Дальше, из них отбирали самых успевающих и переводили в школу Амуна. На этой ступени ученик превращался в посвященного. Ему открывали глаза и уши. Но обучение в школе Амуна – не из легких. Даже избранные не все выдерживали путь до конца. Но зато, кто смог преодолеть себя и познать истину, становился хранителем знаний, опорой веры и государственности. Во время посвящения на левом плече, спереди и сзади священным тавром им выжигали знак кобры.

²⁹ Чати – высокий сан, советник правителя.

³⁰ Джосер («Великопленный») Нечерихет (Тосорфрос у Манефона; правил ок. 2635—2611 до н. э.) – второй фараон III династии и эпохи Древнего царства в Египте; строитель первой пирамиды. Предположительно сын последнего фараона II династии Хасехемуи и царицы Нимаатхеп. При Джосере завершилось объединение Верхнего и Нижнего Египта в могучую деспотию. Столицей государства окончательно стал Мемфис («Белые стены»). Хотя Джосеру предшествовал его брат Санахт (Небка), однако именно за время правления Джосера Египет достиг таких успехов, которые открыли новую эру в истории Египта. Поэтому Манефон считал его основателем новой, III династии, чему следует и часть историков XIX—XX веков.

³¹ Великая Зелень – Средиземное море.

³² Дом Жизни – научный институт, состоявший при храме. В нем находились архивы, библиотеки, так же выполнял функцию начальной и высшей школы.

Жрец с таким знаком на плече допускался к самым глубоким тайнам. Ему обязаны были подчиняться беспрекословно писцы и чиновники в любом уголке Та-Кемет. После смерти кожа с тавром срезалась и хранилась в специальном архиве с жизнеописанием мудрецов. Жрецы Амуна верили, что эти кусочки кожи имеют магическую силу.

Твой дед прошел все три ступени, и был клеймен. Он немало сделал для Кемет, получил много наград от правителя и жречества. Достиг высокого сана. Благодаря ему, мы, его трое сыновей, получили высокие государственные посты. Ему мы обязаны нашими знаниями.

– Позволь задать тебе вопрос, – немного нерешительно начал Амени.

– Задавай.

– У дяди Неба перед входом в дом я видел на стене имена. Вверху можно прочитать имя Себхотп. Под ним имена Хеви, Неба и твое. Но там стерто пятое имя. Почему?

– Об этом отец тебе тоже не рассказывал? Пятое имя – Аменнеф, имя четвертого нашего брата. Имя, которое нельзя произносить в присутствии чужих, иначе накличешь немилость на свой Дом.

– Чем так провинился этот человек?

– Он не отрекся от Амуна и не пошел за Сыном Йота.

– Выходит, он – преступник. И вся его вина в том, что он не предал то, во что верил? Но как же так? Разве это справедливо?

– Ты задаешь вопросы, на который сам со временем найдешь ответы, – уклонился от ответа Хотп.

– Но где же сейчас ваш брат?

– В изгнании. Где – никто не знает. Но мы о нем помним и любим его. Я верю, что настает день, и Аменнеф вновь вернется на берега Великого Хапи. Помнишь поговорку: кто хоть раз испил воды из Хапи, тот больше никогда не сможет утолить жажду из другого источника.

– А у него есть на левом плече кобра?

– Да. Он по праву заслужил этот тавр. Аменнеф уже в юности достиг высокого сана среди жречества Амуна. Его воспитывал и обучал сам Себхотп.

Мерцающие звезды начинали тускнеть, предупреждая скорый рассвет, а светильники в доме наместника города Маамона все еще горели.

На следующий день к дому Неба подплыли роскошные носилки. Писец с широким золотым ожерельем на плечах постучал в дверь и сказал рисуту, что сама солнцеликая правительница Тейе прислала носилки для сына Куши Хеви. Великая желает видеть его у себя в Доме Ликования.

Срочно послали за брадобреем и художником по лицам. Через час Хеви в полном сиянии: разукрашенного и одетого по последней моде в тонкую одежду, уложенную мелкими складками, в завитом парике, усадили под роскошный навес от солнца. Восемь крепких слуг подняли носилки на плечи. Амени разрешили сопровождать отца. Юноша нес опахало из страусовых перьев над головой наместника Куши и его сандалиии.

Процессия прошествовала по улице к Большому Дому правителей. За стройными рядами финиковых пальм показались высокие стены с квадратными выступами ложных башен. Высокие створки золотых ворот распахнулись настежь. Крепкие смуглые слуги держали на поводках огрызающихся пятнистых гепардов.

За воротами открылся широкий, мощный белыми плитами двор. Базальтовые статуи лежащих баранов с золочеными рогами образовывали аллею, ведущую к деревянному двухэтажному дворцу. Круглые колонны перед входом напоминали связки тростника, обвитые золотой лентой. Всюду на фасаде резные украшения, всюду сверкало золото. Глазам становилось больно смотреть.

Слуги опустили носилки. Хеви надел сандалиии. Резные двери растворились. Наместника встретил старик с надменным лицом и строгим взглядом.

– Пусть будут годы твои долгие и силы бесконечные. Почтенный Хойе! – поздоровался Хеви.

Старик в ответ поднял сморщенную трясущуюся ладонь.

– Да сохранит тебя Йот, – проскрипел он. – Правительница ожидает сына Куши.

Когда Хеви взошел по лестнице, старик выдавил подобие улыбки и тихо сказал:

– Солнцеликая плохо слышит, но не вздумай показывать виду, что заметил ее слабость.

– Как скажешь, – смиренно согласился Хеви.

– Ты всегда был послушным и внимательным, – теперь уже откровенно улыбнулся Хойе. –

Как же давно ты не появлялся в нашем городе! Его взгляд остановился на Амении. Седые кустистые брови удивленно поползли вверх. – Твой сын?

– Старший, – представил Хеви.

– Если б я встретил его вечером на улице, то подумал бы, что это Ка твоего отца посетила наш мир. Всемогущий Йот, как же он похож на мудрейшего Себхотпа!

Вслед за стариком Хеви и Амения очутились в прохладном темном колонном зале. Приятно пахло ладаном и скипидаром. Посредине зала, в окружении каменных ваз с охапками свежих цветов, на деревянном резном троне восседала сама правительница. За ее спиной перешептывались немногочисленные старые вельможи. Всевозможные мази и бальзамы не смогли сохранить молодость божественному лицу повелительницы, но все же, она выглядела свежо. Парик казался великоват для ее головы. Обруч из белого золота с головами кобры и коршуна сверкал на высоком смуглом челе. Широкое ожерелье из множества нитей стеклянных бус, бирюзы, золотых и серебряных пластинок покрывало плечи и грудь.

– Он прибыл, солнцеликая! – поклонился Хойя и указал на Хеви.

Наместник Куши с сыном опустили на колени. Хеви торжественно произнес:

– Хвала двойнику твоему, владычица Обеих Земель, освещающая Обе Земли красотой своею, мать правителя, жена правителя великая Тейе, владычица жизни доброй, в приобщении к радости, живущая правдой.

– Пусть Амун всегда будет рядом с тобой, – ответила, старая правительница надтреснутым, но сильным голосом.

– Не Амун, а Йот, – громко шепнул ей на ухо домоправитель Хойя.

– Опять ты меня смеешь учить, – недовольно отмахнулась Тейе. – Если всевышний един, какая разница, как его кличут.

– Воля твоя, – покорно поклонился Хойя.

– Встань Хеви и подойди ко мне, – приказала правительница. – Глаза мои плохо видят. Я помню тебя юношей, когда ты увивался за маленькой Нефре. А она краснела от счастья, завидев тебя.

– Солнцеликая, ты говоришь о супруге нынешнего правителя, – осмелился заметить осторожно Хойя.

– Я знаю без тебя, – поставила его на место Тейе. – Однако правитель Нахарины присылает послов ко мне, а не к Нефре. Кушиты чтят меня, как их божественную заступницу. А супругу Эхнэйота они даже в молитвах не упоминают.

– Ты назвала правителя по имени, – опять вздохнул Хойя.

– Я могу, ибо устами моими говорит Амун, – раздраженно ответила правительница.

Хойя опять ее хотел поправить: не Амун, а Йот. Но грозная Тейе метнула в его сторону огненный взгляд, и домоправитель не посмел в этот раз ей перечить.

– Я наслышана, как тяжело тебе приходится в Куши, – продолжала Тейе, обращаясь к Хеви. – Ох уж эти неугомонные нехсиу. Я сама родом из земель Вават, и знаю о коварстве этих чернокожих дикарей.

– Бухен стоит, Великая, – заверил ее Хеви. – Я привез тебе в подарок котят черной пантеры.

Слуги внесли деревянные клетки, в которых шипели и извивались звереныши пантер.
– Обожаю этих кошек, – поблагодарила его правительница.

Она еще долго расспрашивала Хеви про жизнь в Куши и в Вават. Ее интересовало все, что творилось у первого порога – на ее старой родине. Когда же Хойя ввел в зал супругу наместника, Нефтис, правительница Тейе совсем расчувствовалась. Слезы потекли по ее морщинистому лицу. Большие губы задрожали. Она потребовала, чтобы Нефтис после посещения Горизонта Йота осталась у нее в Доме Ликования хотя бы до следующего разлива, или вообще поселилась в ее дворце, пока солнцеликая правительница не покинет этот мир.

Наместник Куши и его супруга получили высшее соизволение присутствовать на обеде божественной повелительницы. Подавали чечевичную похлебку с зеленью и фрукты. Из напитков: слабое вино, разбавленное водой. После обеда Нефтис осталась с правительницей, а Хеви и его старший сын отправились бродить по городу.

Хеви вздыхал, вспоминая свое детство, показывал знакомые места и рассказывал забавные истории, которые приключились с ним и его друзьями. Они побывали возле величественного храма Амуну. Нынче храм пришел в запустение. Раньше перед его высоченными пилонами кипела жизнь. Сотни паломников со всех уголков мира стекались сюда на богослужения. Каждая семья мечтала отдать своего сына на обучение мудрейшим жрецам. Сотни писцов сновали с надменным видом, неся под мышкой свитки папируса, а в руках мешочки с чернилами и тонкие кисточки. Но теперь только ветер гулял среди массивных колонн, а песок покрывал гранитные ступени желто-серым налетом. Они вошли в храм. Цветные рельефы украшали круглые колонны и стены. Ровные ряды иероглифов хранили память о значимых событиях в жизни страны.

– Здесь вся наша история, – сказал Хеви, нежно поглаживая надписи. – Это не просто храм, это – большая каменная книга. В его стенах обитает великий дух Кемет – дух нашей страны. Вон там, в картинках описана жизнь богов. А вот это – история первых правителей. Здесь отмечали все разливы Хапи, и сколько собрали урожая в каждый год. Вон, видишь, описание великих походов.

Глаза Хеви горели детским счастьем.

– Зачем же правитель хочет его разрушить? – удивился Амени.

Хеви тут же помрачнел.

– Он не сможет этого сделать. Никто не в силах разрушить Ипетсут.

За колонным залом шла открытая галерея, ярко освещенная солнцем. Отполированные гранитные обелиски правительницы Мааткара Хенеметамон Хатшепсут и Аахеперенра Тутмоса как будто изнутри светились металлическим голубоватым блеском. По обеим сторонам галереи внимательно наблюдали за людьми статуи Осириса.

Отец и сын направились к священному озеру Амуна. Возле водоема они отдохнули в тени акаций. Вода в озере оказалась прозрачной, несмотря на то, что его давно не чистили. На хрустальной глади покачивались большие распутившиеся цветы нежных лотосов.

– По преданию над этим озером впервые прозвучал голос Амуна, – вспомнил Хеви древнее предание.

– Что же произнес всевышний? – поинтересовался Амени.

– Это великая тайна. Она открывается только посвященным жрецам, когда они вопрошают: "О владыка небесных сфер, начало всякой жизни, обитающий во мраке. Ты, тяготеющий над самим собою тайною, которую носишь в себе, поведай нам эту великую тайну бытия". Причем, каждому тайна открывалась по-своему.

Отдохнув, они прошли по длинной аллее молчаливых сфинксов к пилонам храма Хонсу³³. Львы с человеческими головами размышляли о вечности, задумчиво глядя куда-то вдаль, поверх голов глупых людей.

Амени затаил дыхание, когда отец привел его к святилищу правительнице Мааткара Хенеметамон Хатшепсут. Вырубленный прямо в скалах, заупокойный храм завораживал своей строгостью и величием. Знаменитый строитель Сенмут предал храму форму лестницы. Но, не смотря на массивные квадратные колонны и мощные перекрытия, храм казался воздушным, легким. Лежащие каменные львицы с головами грозной правительницы, проводили их к широкому пандусу, поднимающемуся двумя уступами к покоям усопшей великой женщине, ставшей богиней. Они приклонили колени перед наосом со статуей самой легендарной правительницы Та-Кемет и возложили цветы у ее ног.

Остатки дня отец с сыном ходили по легендарному вечному городу, местами шумному и грязному, а местами тихому, задумчивому, хранящему древние тайны.

³³ Хнсу – египетский бог, почитавшийся в Фивах как сын Амона и Мут,

8

Погостив еще несколько дней в Нэ, Хеви направил караван дальше вниз по течению. Надо было спешить, так как задул западный горячий ветер, предвещающий скорый разлив. Иногда порывы ветра достигали такой силы, что приходилось снимать паруса, иначе корабли становились неуправляемыми. Временами дыхание пустыни Сета приносило облако бурой пыли. Мельчайший песок слепил глаза и противно скрипел на зубах. Несмотря на жару, приходилось надевать длинную одежду и заматывать лицо тканью, иначе песчаные вихри обжигали открытую кожу.

Кормчие громко командовали гребцами. Гребцы дружно ухали, орудуя веслами. Смотрители парусов метались по палубе, подвязывая и ослабляя канаты. Мачты жалобно поскрипывали. Ветер протяжно завывал в парусах. Караван продолжал плыть на север. Во главе величаво покачивался военный корабль со штандартом правительницы Тейе.

Потянулись серо-желтые поля, подготовленные к разливу реки. Среди полей, словно островки, стояли поселки в окружении метелок пальм. Иногда попадались небольшие города. Из всех строений выделялись пилоны местных храмов и высокие обелиски в честь богов. Дальше вновь необъятные поля, виноградники и фруктовые сады. Длинные шесты шадуфов с большими глиняными сосудами на концах без устали черпали воду из реки: то опускаясь вниз, то взмывая вверх. Рабочие чистили оросительные каналы, по которым вскоре побежит мутная животворная влага, оживляя иссохшую, изголодавшуюся землю.

Амени все время проводил на палубе и наблюдал восхищенным взглядом за проплывающими мимо берегами. К нему подошел Хеви.

– Красиво? – спросил он.

– Здесь природа совсем не похожа на Куши: кругом, сады, виноградники, пашни. Очень редко я вижу дикие заросли или пустыню, подступающую к воде.

– Перед тобой самая богатая земля во вселенной, – не без гордости сказал Хеви. – Люди честно трудятся на этой благодатной земле – и не знают нужды. Хапи питает кемет, кемет кормит людей – так длится с сотворения мира. В былые времена даже боги возделывали землю.

– Но что важнее: кемет, которая кормит людей или Хапи, который оживляет кемет? – задал каверзный вопрос Амени.

– Хапи, – не задумываясь, ответил Хеви. – Наши предки тысячелетиями поклонялись божеству реки, как прародителю всего живого. Послушай, как красиво звучит гимн великой реке:

Да живет благой бог, возлюбленный Нуном,

Хапи, отец богов и Девятки в волнах!

Пища, питание, еда Та-Кемет,

Оживляющий всех своим питанием!

На его путях – изобилие, на его пальцах – пища,

И люди ликут, когда он приходит.

Ты – единственный, сотворивший самого себя,

И не знают твоей сущности!

В день, когда ты выходишь из своей пещеры,

Радостно каждое лицо!

Ты – владыка рыб, обильный зерном,

Дарующий Кемет птицу и рыбу!

Не ведает твоей сущности Девятка,

А ты – их жизнь!

При твоём приходе удваиваются их жертвы,

И наполняются их алтари.

Они приветствуют тебя кликами,

Ибо ты возрождаешь их.

Спешащий оживить людей,

Подобно Ра, когда он правил землей.

Упокояющий Нуна,

Приводящий его в мире.

Весь совет его южный в радости,

Когда пожелает отец Хапи сотворить благо

по Возлюбленной земле,

Созидавая своим собственным сердцем,

Постоянно стремясь доставить

живущим их необходимое,

Умножая зерно, как песок,

Да наполнятся амбары выше краев!

– Я где-то слышал этот гимн, – припомнил Амени. – Но слова его – богохульство. Жрецы в Солнечном храме Бухена вещали на проповедях, что все живое дарует нам Йот. Именно он разрешает Хапи разливать и поить землю. Именно благодаря его лучистому теплу прорастает зерно на полях, и вызревают финики. Девятки богов никогда не существовало.

– Согласен с тобой, – помрачнел Хеви и замолчал.

– Отец, почему ты мне никогда не рассказывал про Аменнефа? – вдруг спросил Амени. Хеви слегка призадумался.

– Хотп все же проболтался, – с досадой покачал он головой.

– Зачем ты так неуважительно отзываешься о своем старшем брате, – укорил отца Амени. – Он мне рассказал совсем немного. Но ты опять считаешь меня недостаточно взрослым, чтобы хранить семейную тайну.

– Прости. Я не прав, – согласился Хеви. – Чтобы понять, кто такой Аменнеф, тебе надо выслушать всю историю от начала и до конца, – нехотя начал Хеви.

– У нас много времени.

– Что тебе поведал о нем Хотп?

– Только то, что твой брат был жрецом Амуна и не предал веры.

– И все?

– Да.

– А Хотп не рассказывал о своем друге детства? За кем он вечно следовал тенью, всюду оберегал его, заботился, как мать заботится о собственном дитя?

– Нет.

Хеви поразмыслил, с чего лучше начать.

– Мы были детьми знатного жреца Себхотпа. Я частенько перечитываю его труды, и каждый раз восхищаюсь: до чего мудрым был наш отец. Очень жалею, что в детстве, а после и в юности не совсем внимательно слушал его. Мы жили всегда в достатке. Отец имел большой дом с садом. А в саду находился пруд. Да ты видел этот дом. Сейчас в нем живет Неб со своей семьей. У нас на завтрак всегда было молоко, а на ужин мясо или птица. Мы никогда не голодали и не знали нужды.

Так, как мы были дети высокого сановника, нам разрешалось беспрепятственно посещать Большой Дом, где обитал правитель. Нам, вообще, многое дозволялось, но и обязанностей было достаточно: мы должны были прилежно учиться наукам с раннего детства; нас заставляли носить сандалии, когда простые городские мальчишки бегали босиком. В жаркие дни дети знатных горожан резвились возле реки, а мы зубрили древние трактаты или учились писать на глиняных табличках. При этом, не смотря на наш возраст и положение, наставники не гнушались ласкать нас палками, так, что спину потом невозможно было разогнуть. И попробуй пожалуйся кому-нибудь – еще больше накажут. Во время праздников, когда весь народ веселиться, отец заставлял нас помогать жрецам совершать обряды в храме, выстаивать долгие нудные службы, а потом еще убирать алтари после жертвоприношений. Для всех праздники – для нас мучения.

В Большом Доме есть отдельно стоящий дворец. Его построили для детей Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет. У правителя росло девять дочерей и двое сыновей. В этом же дворце жили сыновья вождей из Лабана, Нахарины, Куши, Вават... Нам и другим отпрыскам высоких сановников разрешалось играть с ними в детские игры, но нельзя было дружить с детьми простых горожан.

У нас со временем сложилась крепкая кучка: я, Неб, Хармхаб, Сети, который сейчас служит наместником в далеком Кадеше, Серет – старший брат нынешнего правителя и тот самый вождь Руну – отец твоего друга Паитси.

– А сам Эхнэйот? – не удержал вопрос Амени.

– Тише! Не произноси имя правителя вслух, – предостерег его Хеви. – Называй правитель: Тот, кого любит Йот.

– Я понял тебя, отец, – извинился Амени.

– Так вот, Того, кого любит Йот, звали, как и отца Аменхотепом. Еще в те детские годы он отличался от нас, сверстников какой-то взрослой рассудительностью. Ему науки давались очень легко. Причем, он не просто зубрил тексты из учебников, – он их понимал и мог пере-

сказать своими словами. Учителя нередко удивлялись его способностям. Мы не могли не то, что соперничать с ним, а даже приблизиться к нему. Единственный, кто мог идти более-менее вровень с Сыном Йота – наш старший брат Хотп. Он был его товарищем во всем. Они вместе размышляли над древними трактатами, целыми днями не вылезая из библиотеки. Ночи напролет проводили в обсерватории Дома Жизни, всматриваясь в звездное небо. Колдовали над заморскими солями и сплавами из металлов. В общем – были неразлучными друзьями.

Впрочем, мы все любили младшего Аменхотепа. Он никогда не зазнавался, не кичился тем, что ему выпала честь быть сыном правителя. Никогда ни в чем нам не отказывал, даже помогал. Когда задания наставников по математике или по письменности никак не выходили, мы бежали к нему. Он легко справлялся с любой задачей. А иногда наставников по философии и истории ставил в тупик своими вопросами. Но Тот – Бог мудрости и знаний помимо ума наградил его болезнью. Страшной болезнью. Приступы скручивали Аменхотепа младшего в ужасных судорогах. Его всего трясло, а изо рта выступала кровавая пена. Никакие заклинания самых мудрых магов и жрецов не помогали. Наш отец специально обучили Хотпа, как поступать в такие моменты. Брат неотступно следовал за Аменхотепом младшим. Он всегда носил с собой кожаную подушечку, набитую перьями, чтобы во время приступа класть ее под голову Аменхотепу младшему, и деревянный валик, который он вставлял в рот больному, чтобы тот не прикусил язык.

– Аменхотеп сильно страдал? – сочувственно спросил Амени.

– Очень сильно. Хоть приступы и случались не часто, но смотреть на скрученного в судорогах мальчика было жутко. После его была дрожь. Он мерз, даже если на улице стояла жара. Его укутывали в шкуру льва, и он сидел неподвижно, глядя бессмысленно в окно, никого не слушал и ни с кем не говорил. Мог просидеть так до самого заката. Но каждый раз требовал, чтобы к нему позвали наставника по имени Аминхотп. Великий мастер бросал все дела и спешил к Аменхотепу младшему, неважно, чем он занимался в это время. Однажды случился приступ, когда мастер находился далеко от Нэ, на строительстве храма. Он бросил важную стройку, не смотря на опасность разгневать жрецов, и примчался на колеснице, загнав коней. Вдвоем с учителем, они обычно долго сидели и о чем-то тихо беседовали. Для всех их ночные разговоры оставались тайной. Но на следующий день Аменхотеп младший становился прежним. Глаза его вновь горели жизнью. Он снова был общительным и даже шутил.

Его никогда не наказывали. Наставники даже не смели на него кричать. Гнев или любое переживание мог вызвать новый приступ. Но он не был дерзким или капризным, наоборот всегда спокойный и внимательный. Только иногда вдруг на него накатывало безумие, и Аменхотеп младший становился совсем другим человеком – своевольным и неуправляемым.

– Как же Сын Йота стал правителем? Ведь ты сказал: у него был старший брат Серет.

– Я помню явственно до сих пор, как все произошло. Жрецы тогда кричали на всю Та-Кемет о чуде, свершившемся в храме Амуна. Конечно, можно назвать это чудом. Все получилось странно и неожиданно. Во время праздника Животворящего Амуна на площадь храма Ипетасу выносили золотой трон. Правитель с супругой обязательно появлялись на службе. Собиралась вся верховная каста жрецов. Приглашали на церемонию высоких сановников. По приданию, на трон должен спуститься дух Амуна и незримо присутствовать среди собравшихся. Нам, детям из Большого Дома отводили честь помогать жрецам во время жертвоприношений. В этот день Аменхотепа младшего с утра невозможно было узнать. Он ходил мрачный и молчаливый. Его раздражало все вокруг: то он жаловался на жару; то молоко к завтраку казалось ему кислым; новые сандалии натирали ноги; одежда колола спину. Лучше в такие дни было держаться от него подальше.

Во время одной из церемоний вдруг Аменхотеп младший спросил у Эйи, тогда еще жреца невысокого сана: – «Что будет с простым смертным, если он сядет на трон Амуна?» Вопрос прозвучал вполне серьезно. Если б спросил я или кто-нибудь из моих братьев, то получил бы

увесистую затрещину, и в наказание провел бы неделю в ночных службах. Но спросил Аменхотеп, сын правителя. Эйя растерялся и не знал, что ответить. А вопрос услышали почти все присутствующие, потому, что Аменхотеп младший намеренно спросил громко. Рядом оказался мой отец, мудрый Себхотп и выручил Эйю. Он объяснил, что, если простой смертный сядет на трон бога, его испепелит молния, которая грянет прямо с ясного неба.

Тем временем перед тронном Амуна поставили жертвенный стол, на который принесли золотые вазы с фруктами и серебряные чаши с напитки. Жрецы приготовились к обряду жертвоприношения. Хор затянул гимн Всевышнему. Как вдруг двенадцатилетний Аменхотеп младший, у всех на виду, подошел к трону и уселся на место Бога. Все открыли рты, с ужасом и удивлением уставившись на мальчика. Даже хор жрецов сорвал гимн. Сам правитель и его супруга Тейе прибывали в изумлении. А мальчик взял с жертвенного стола горсть фиников и принялся их нагло жевать. Потом с удивлением оглядел всех и спокойно сказал: – «Продолжайте службу. Амун проголодался».

Я заметил, как мой отец вопросительно посмотрел на Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет. Тот гневно повел бровями: мол – выручай! Отец сильно ткнул локтем Эйю в бок и закричал: «Амун указал нам наследника!» Эйя тут же завопил: «Мудрость Амуна безгранична. Он указал, в кого перевоплотится и будет мудро править Обеими Землями! Слава Амуну, воссиявшему на небосклоне!» Все тут же подхватили.

– Неужели все так и произошло? – не совсем поверил Амени.

– Да. Так все и случилось. После Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет долго гневался на моего отца и на Эйю. Правителю пришлось объявить наследником Аменхотепа младшего, а не старшего сына Серета. Неизвестно, как бы сложилась судьба пророков, если бы не вмешалось жречество. Возможно, Себхотпа и Эйю могли услать куда-нибудь в западные дальние храмы, доживать остаток жизни среди бедных пастухов. Но мой отец занимал высокий пост при Доме Жизни, да и Эйя слыл прилежным последователем учения Амуна. Каста горой встала на их защиту. А Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет побаивался касту жрецов. Да и жречеству Амуна было все равно, кто наденет корону Обеих Земель после Небмаатра Аменхотепа Хека Уасета. Они контролировали практически всю жизнь государства: армию, торговлю, сборы урожая, даже внешнюю политику. Что Серет был скромным учеником в Доме жизни, что Аменхотеп младший, как они ошибочно считали, был болезненным безвольным мальчиком – оба в представлении жрецов будут послушными воле мудрейших.

– А что произошло с Сыном Солнца? Его не поразила молния? Он остался все такой же?

– Нет, молния его не ударила. Но после свершившегося чуда, Аменхотеп младший очень сильно изменился. Теперь он не принимал участия ни в каких наших детских играх. Его частенько видели со старым жрецом, прибывшим когда-то в нашу землю с островов Великой Зелени. Станный человек – этот жрец. Он не признавал Амуна и других наших богов. Молился солнечному свету. Говорят, он мог разговаривать с солнцем, и солнце открывало ему будущее. Многие его пророчества сбывались. В Доме Жизни чужеземец вел календарь, по которому с точностью до одного дня предсказывал разливы Хапи, чем был очень ценен для страны. Еще он угадывал знойные дни и предупреждал о времени засухи. После жрец загадочно исчез. Куда он делся – никто не знает до сих пор. Возможно, опять уплыл на родные острова.

– Но Аменхотеп продолжал общаться с вами?

– Конечно. Но, уже не как с равными. Детство для него закончилось. Он серьезно готовился стать великим правителем. А если б ты знал, как он жестоко шутил над нами.

– И как же?

– Тот, кого любит Йот, пригласил нас на праздник своего шестнадцатилетия. Помимо пышных торжеств, устроенных для всех сановников, он попросил нас, друзей собраться в небольшой комнатке, где слуги накрыли стол. Посреди множества блюд с угощениями стоял

пузатый горшок с тяжелой крышкой. Когда мы расселись за круглым столом, Тот, кого любит Йот, сказал: «Я буду вскоре правителем. Великим правителем. Мне будут нужны верные слуги, готовые отдать жизнь по первому моему приказу. Кто из вас согласится следовать за мной?» Мы все ответили единодушно: «Наши сердца принадлежат тебе!». «И ничего не испугаетесь? Даже смерти?» Мы наивно клялись ему в преданности. Тогда он сорвал крышку с пузатого горшка, и из его чрева высунулась голова огромной кобры. Змея злобно зашипела, расправляя капюшон. Все в ужасе отпрянули к стенам, переворачивая стулья, а Аменхотеп младший спокойно продолжал сидеть на своем месте. «Почему вы удрали? – упрекал он нас. – Я только что слышал слова клятвы. Защищайте меня. Чего вы стоите? Сейчас змея меня ужалит, и я умру». Первым опомнился Хармхаб. Он схватил стул, с хрустом отломал ножку и принялся молотить ей змею. Мы тут же последовали его примеру. Вскоре стол превратился в месиво из битой посуды и раздавленных фруктов.

«Спасибо, что спасли меня? – с холодной улыбкой ответил Аменхотеп. – Я прикажу накрыть угощения заново, и мы славно повеселимся. Но помните: теперь, находясь рядом со мной, вы всегда рискуете открыть горшок со змеей». Действительно, вскоре слуги убрали битую посуду и принесли новые блюда. Но они так же поставили в середине стола все тот же пузатый горшок. Что в нем было на этот раз – никто не знал. Но все так и вздрагивали, когда Аменхотеп младший протягивал руку за каким-нибудь очередным угощением. Так весь праздник горшок и простоял на середине стола.

Когда Небмаатра Аменхотеп Хека Уасет ушел на запад в поля Иалу, и тело его торжественно переправили на барке через Хапи в Дом Смерти для бальзамирования и подготовки к воссоединению с Амуном, его сына жрецы помазали священным маслом и водрузили на голову корону правителя Обеих Земель пшент. На площадях перед храмами произнесли имя Неферхеперура Уаэтра Аменхотеп и назвали его духом Амуна. Как положено, тело усопшего правителя через семьдесят дней обрядили в золотой саркофаг, совершили отверзание уст и отправили в гробницу.

После похорон, состоялся совет важных государственных лиц. Но Неферхеперура Уаэтра Аменхотеп, не пригласил на собрание жрецов Амуна. Места старших советников от жречества заняли Эйя и Аминхотп – наставник юного правителя. Для жрецов Амуна это было неслыханным оскорблением. В те времена каста пользовалась неограниченной властью. Все государственные дела, практически, решались на совете жрецов. Правитель только признавал решения мудрыми и объявлял их от своего имени. Почти вся казна состояла под контролем касты. Весь урожай проходил через писцов Дома Жизни. Торговля находилась повсеместно под контролем храмов Амуна. Только совет высших жрецов Амуна решал с кем воевать, а с кем жить в мире. И вдруг – такая дерзость со стороны юного правителя!

Делегация мудрецов направилась во дворец. Они потребовали, чтобы их пустили на заседание. Правитель разрешил жрецам войти.

«Мы оскорблены! – возмутился главный жрец Амуна. – Наша каста является опорой государства. Мысли наши – это мысли Амона. Мы знаем все! Мы предвидим все!»

«Хорошо! – просто ответил правитель. – Присутствуйте в совете. Но скажите мне, прорицатели: о чем вас предупредил Амур?» Жрецы не поняли его вопроса. «Скажите, какое будущее предрек нашей земле Всевышний? Что нас ожидает?» – пояснил свой вопрос правитель. «Спокойствие и процветание!» – в один голос уверяли жрецы. «Сможете ли вы поручиться за справедливость предсказаний своей жизнью?» – продолжал допытываться правитель. «Конечно, – ответили мудрейшие. – Мы верим Амуна, и он нам, избранным открывает тайны будущего». «Пусть будет так! – согласился правитель. – Но с этого дня вы – слепцы, стоящие перед обрывом».

Тогда никто не понял слов правителя. А он знал многое. Прорицатели далекого и всеми забытого храма бога Атума, предупредили Сына Солнца, что страшные пророчества, опи-

санные в старинных папирусах, привезенных когда-то в давние времена с островов Великой Зелени, скоро сбудутся.

– Кто они такие – прорицатели их храма Атума? И что это за бог – Атум?

– Когда-то эти прорицатели приплыли вместе с народами моря. В отличие от гиксосов, пытавшихся взять власть над всей Кемет, одно из племен оказалось мирным, трудолюбивым и прижилось на севере возле Соленых озер. Жрецы из этого народа называют себя хранителями Великих Тайн. Божество Атум олицетворял собой солнечный диск. Они молились солнцу.

– Как сейчас мы воздаем хвалу Йоту?

– Да.

– Расскажи о бедствиях, которые обрушились на страну.

– Жители приморских поселений стали ощущать, как по ночам дрожит земля. Но жрецы успокаивали их, уверяя, что это всего лишь подземные боги празднуют Опет³⁴. Катастрофа произошла неожиданно. То есть, неожиданно для всех, кроме правителя и узкого круга посвященных. Никто не предвидел большой беды. Те, кто попал в тот ужас, рассказывали, как земля вздрогнула, да так, что стены домов треснули, а крыши проваливались. Перепуганные люди выбегали из домов и увидели, что море отступило, обнажая дно. На песке трепыхалась рыба. Все стихло, словно умерло. Даже чайки пропали. Вдруг огромная волна стремительно набежала из глубины моря и обрушилась на берег. Там, где поднимались высокие утесы, люди уцелели, но были до смерти перепуганы. А где берег оказался низкий – не осталось ни поселков, ни кораблей, даже каменные строения смывало, словно они были возведены из песка. Волна прокатилась вверх по Хапи. В Хекупта на берег вынесло торговые корабли, словно сухие листья папируса.

Куда-то пропали все змеи. На рассвете не пели птицы. Звери ушли вверх по реке. Затем завyli собаки. От их жуткого воя Ка готова была вылететь из тела. Народ собрался перед храмами и молился Амуну. С Нижней Страны сотни просителей приплыли в Нэ. Они собрались у ступеней Ипетсут. Напуганные посланники требовали от жрецов Амуна защитить их земли. Жрецы пытались успокоить людей. Но народ наседал, да тут еще жители Нэ поспешили к храму, переполошенные страшными новостями.

Жрецы отправились к правителю, испросить дозволения вынести из храма и спустить на воду священную барку с золотой статуей Амуна. Служителей встретил Эйя и сказал, что правитель занят разговором с Всевышним, и ему нельзя мешать.

Жрецы все же вынесли священную барку из храма и направили ее на север. А в это время к побережью надвигалась огромная туча. Туча необычная: не такая, как бывает в преддверии шторма. Эта туча была черной с оранжевым отливом. Она заволакивала небо так, что день становился ночью. Нависнув над городами дельты, туча разразилась страшной грозой. Молнии сжигали деревья и убивали людей. Хлынул ливень, от которого вода в Хапи покраснела, словно кровь. Горло обжигал отравленный воздух. Люди задохались, а животные, маленькие дети и старики погибали от удушья. Из болот повылезали лягушки. Они просто кишели под ногами. Но самое ужасное, что их тела, и без того противные, покрывались омерзительными язвами. Народ обезумел от страха. Люди пытались прятаться. Но разве спрячешься от гнева Бога? В самом городе Хекупта народ ворвался в храм Амуна и требовал от жрецов защиты. Обезумевшие матери приносили мертвых младенцев и выли, словно раненые волчицы. Жрецы пытались их успокоить. Но, в конце концов, разъяренная толпа разорвала божьих слуг на части.

Барка под стягом Амуна подплыла к дельте на третий день, когда буря бушевала в полную силу. Молния ударила в мачту, убив нескольких жрецов, и подожгла священный корабль.

³⁴ *Опет* – ("Ипт" – сокращённое египетское название Луксора), который стал отмечаться со времён XVIII династии Нового царства. Празднование происходило один раз в год, во втором месяце сезона Ахет, и продолжалось от двух до четырёх недель

Оставшиеся в живых служители Амуна попрыгали в воду и вплавь добирались до берега. Узнав об этом, народ повалил к Большому Дому правителя. Обезумевшая толпа снесла ворота и ворвалась во двор, топчя стражников. Нам удалось завалить двери. Я, Хармхаб и еще несколько воинов приготовились умереть, защищая покои правителя. Прочные створки дверей трещали под тяжелыми ударами. Мы стояли с оружием в руках и мысленно прощались с жизнью.

И тут появился Тот, кого любит Йот. Он был спокоен, взгляд холодный, движения уверенные. Правитель приказал открыть двери и бесстрашно направился к народу. Люди, увидев своего повелителя и защитника, упали перед ним на колени и протягивали руки с мольбою. «Несите меня в храм!» – приказал он. Толпа подхватила правителя на руки и понесла к храму, словно статую божества. Он поднялся на самый высокий пилон, бесстрашно встал во весь рост, и распротер руки к солнцу. Тем временем черная туча за его спиной росла и наливалась силой.

«Молитесь Йоту!» – крикнул он сверху. Люди сначала не поняли, что от них хочет правитель. «Молитесь Йоту! – подхватил Эйя – Просите у Солнца защиты!» Все послушно протянули руки к светилу. У всех на устах зазвучало имя нового Бога. И тут произошло чудо. По городу пронесся западный горячий ветер из пустыни. Потом еще порыв и еще. Люди радостно закричали. Туча свернула на восток и стала удаляться. Что творилось потом – не передать словами. Никогда так искренне не радовался избавленный народ. Все поверили, что правитель стал воплощением Бога, но не Амуна, а нового солнечного бога Йота.

– Правитель действительно отогнал тучу, или знал, что подует ветер с запада? – несмело спросил Амени.

– Этого никто тебе не скажет. Я его тоже не могу осуждать. Может быть, и знал. Ветер из пустыни всегда в это время налетает, предвещая разлив. Но разве тогда кто-нибудь из обезумевшей от страха толпы посмел бы усомниться в божественной силе Того, кого любит Йот? Если бы нашелся смельчак, попробовавший рассуждать, о ежегодном западном ветре, его бы разорвали на части. Люди были напуганы и нуждались в чуде. Чудо свершилось, и они поверили, что обрели надежного защитника. Да что там защитника – Бога!

– А что творилось в Хекупта? – поинтересовался Амени.

– В низовья Хапи вспыхнул бунт. Когда туча ушла, и испуганные жители стали приходить в себя, страх в их душах сменился гневом. Громили храмы, убивали жрецов, разворовывали склады. Правитель отстранил от должностей всех высоких военачальников и приказал Хармхабу навести порядок в Нижнем Кемет. Хармхаб, конечно, справился с бунтом. Он уже тогда умел управляться с войском и проявил себя, как жесткий, рассудительный военачальник. Но не обошлось без крови. Хармхаб, наверное, до сих пор не любит вспоминать, какую бойню он учинил в Хутуарете, хотя, другого выхода быть не могло.

Хутуарет основали гиксосы в те далекие времена, когда их орды захватили Нижнюю страну. Какое-то время город служил им столицей. Даже после того, как победоносный Небпехтира Яхмес³⁵ окончательно разгромил северян, Хутуарет еще долго оставался непокорным. Потомки гиксосов до сих пор живут в его стенах. А Хармхаб, как и все коренные жители Та-Кемет, ненавидел гиксосов. Наместник Хутуарета, воспользовавшись всеобщей бедой, призвал горожан к неповиновению, и захотел сам править городом, а потом, возможно, подчинить себе и часть Нижней страны. Но пришел Хармхаб, опьяненный кровью, и никого не пощадил. На центральной площади города еще долго возвышалась гора из отрубленных рук, в назидание непокорным. А на верху этой горы лежала голова наместника Хутуарета. Город бунтарей надолго успокоился.

³⁵ фараон Древнего Египта, правивший приблизительно в 1550 – 1525 годах до н. э., основатель XVIII династии. Сын Секенен-Ра Таа II Тао II и царицы Яххотеп (Ах-хатпи, букв. «Луна довольна»), брат Камоса, муж Яхмос-Нефертари, отец Аменхотепа I, царицы Яхмос и Мутнофрет

После спасения страны от надвигающейся грозы у правителя случился сильный приступ его болезни. После приступа он долго не выходил из своих покоев. Когда же правитель вновь появился на богослужении, все заметили, как сильно он изменился: ссутулился, лицо вытянулось, темные круги легли вокруг глаз. Ни с того, ни с сего, правитель объявил, что в него вселился дух солнца, и он уже не прежний Неферхеперура Уаэнра Аменхотеп, а новое существо, наполовину состоящее из солнца. Правитель объявил свой дворец «Замком ликования на небосклоне». А настоящий «Замок ликования на небосклоне» возле храма Амуна, тот, что построил его отец, приказал разрушить до основания.

Надеюсь, ты знаешь, что, когда правитель находится у власти более тридцати лет, в «Замке ликования на небосклоне» проводится праздник Хеб-сед. На этом празднике совершается ритуал возрождения правителя. Как бы, боги вдыхают в него новые силы.

Но тогда еще власть жрецов Амуна оставалась влиятельной. Они пригрозили правителю, не открыто, конечно, что, если он без их благословения решит праздновать Хеб-сед, они закроют свои склады и прекратят выдавать, нуждающимся после катастрофы людям, зерно и одежду. Возникли бы новые волнения. К тому же много золота и серебра скопилось на тот момент в руках касты жрецов. Они могли подкупить народ, особенно пришлый. Пока еще жрецы обладали достаточной властью, чтобы влиять на жизнь в стране.

Правитель легко согласился, потому, как предвидел новую катастрофу. Но он приказывает называть себя не как обычно: «Избранный Амуном», а «Единственный, кого выбрал Ра». Он больше не ходит в храм Ипетасу и не приносит жертву Амуну. Теперь правитель молился перед стелой солнечного храма Ра под открытым небом. И слова его странно звучат в то время. Он говорил нам: «Зачем возносить молитвы разукрашенным идолам, сделанным из камня, если над нами сияет живой Бог!»

Как только приступили к восстановлению разгромленных храмов Амуна, как только вновь жречество стало завоевывать уважение в глазах народа, так новая беда сотрясла Та-Кемет.

Это произошло на четвертом году правления Того, кого любит Йот. Опять задрожала земля. Опять на горизонте появилось черное облако. Теперь уже правитель сам приказывает жрецам Амуна со статуей великого Бога плыть к побережью моря и защитить страну от повторной катастрофы. Жрецы на нескольких священных барках со статуями Богов поплыли в Хекупта³⁶. День и ночь звучали молитвы и гимны. Жертвы приносили на алтари круглые сутки. Но ничего не помогало: земля все так же сотрясалась, а туча все надвигалась. Тогда старосты от провинций и наместники поспешили к дворцу правителя и молили его защитить землю. На силы жрецов уже никто не надеялся. В богов уже перестают верить. Лишь только на третий день предстал перед ними правитель и сказал:

«Глупцы! Перед кем вы приклоняете колени? Кому вы приносите жертвы и молитесь о защите? Идите и взывайте к великому Солнцу-Йоту. Только он защитит нас. Только он – единственный бог, сущность во всем: в деревьях, в животных, в траве. Только ему по силам вдохнуть жизнь в камень и жизнь превратить в прах».

Сам же правитель приказал принести жертвы в солнечном храме Ра и лично принимал участие в обрядах. Уже к вечеру перестало сотрясать землю, а туча рассеялась.

Вновь никто не смел сомневаться в божественной силе правителя. Вновь праздновали победу солнца над тьмой. А Сына Солнца опять скрутили судороги, и он извергал кровавую пену.

После приступа Тот, кого любит Йот созвал всех сановников и всех наместников, чтобы произнести перед ними великие слова. Его речь длилась долго. Он объяснял, почему и как на него снизошла благодать вместе с солнечными лучами. Теперь его устами говорит Бог, который

³⁶ Хекупта – древний город в среднем течении Нила. Греческое название Мемфис.

правит всем миром – единый Бог и имя ему – Йот. Именно Йот является отцом правителя, и имя Солнечного Бога нужно писать в священных кольцах, как и имя правителя, ибо часть правителя – это сам Йот. Он показал новый знак, который должен появиться везде: в храмах, в домах, на флагах кораблей и на печатях. Круг с коброй, от которого расходятся лучи, заканчивающиеся руками. Он приказал строить храмы нового типа: открытые, без тайных комнат и наосов. И молится не статуям Бога, а прямо – солнцу. Не все поняли его слова, не до всех дошел смысл его речей, но все твердо знали, что делать надо именно так, как приказал мудрый Сын Солнца.

Наш отец, твой дед долго болел и умер на пятом году правления Того, кого любит Йот. Он, как всегда, поступил мудро, покинув вовремя этот мир, иначе сам бы потом пострадал и на нас навлек несчастье. Мы захоронили его со всеми традициями в семейном склепе в виде небольшой пирамиды. Оплакивали. Носили траур положенный срок.

А в этот год правитель вновь попытался устроить праздник Хеб-сед. Опять, вопреки всем правилам, ведь он находился у престола всего пять лет, а не тридцать. И объяснения к этому были весьма туманные. Правитель сказал, что он должен преобразиться в любимца Йота и очиститься от духовной грязи. Он обретет новую сущность, и имя у этой сущности будет новое: «Любимец Йота» или «Тот, кого любит Йот». Йот его любит и доверяет править этим миром. В Уасте прошел праздник со всеми полагающимися обрядами. Но обряды совершали не жрецы Амуна, а Эйя, назначенный верховным хранителем мудрости Йота. А помогал ему наставник Аминхотп.

Каста жрецов предприняла отчаянную попытку сорвать торжество. Они призывали народ к неповиновению, и делали это открыто. Но народ не поддержал их. Тогда каста решилась на отчаянный шаг. Никто толком не знает, но, по слухам, жрецы хотели совершить переворот и поставить у власти старшего брата правителя – того, у которого он отобрал трон при странных обстоятельствах.

Хармхаб каким-то образом разнюхал о готовящемся заговоре. Мы с ним вдвоем упали к ногам правителя и попросили дозволения изловить смутьянов и наказать. На что правитель спокойно возразил: «Смутьяны – все жречество Амуна. Вы схватите двоих, десятерых, сотню... И что дальше? У вас хватит сил вступить в схватку со жречеством?» Мы растерялись. Что мы могли противопоставить могущественной касте? В подчинении у Хармхаба тогда находилась часть войск. Я занимал высокую должность среди чиновников. Но, несмотря на это, мы вряд ли могли тягаться со слугами Амуна. А Тот, кого любит Йот сказал: «Никого не надо ловить. Пусть поднимут бунт и попробуют меня свергнуть. Разве можно свергнуть солнце, а вместо него на небосклоне зажечь масляный светильник?» Повернулся и ушел, оставив нас в полном недоумении.

– Так жрецы все же попытались совершить переворот?

– Попытались. Подняли наемников. Помимо предателей из дальних земель, они наняли кочевников – тех, кто пришел с севера. Скотоводам из пустыни все равно, кого убивать и с кем воевать – лишь бы платили. Но самых отчаянных набрали все из того же ненавистного города Хутуарета. Они жаждали погасить кровью огонь обиды и гнева за разгром, учиненный Хармхабом. Мы усилили охрану дворца и приказали на ночь наглухо закрыть ворота. После заката к Уасту подплыли боевые корабли. Воины под предводительством жрецов, бесшумно прошли в город и окружили дворец правителя. Хорошо, что мы были наготове, и не позволили предателям сразу ворваться в Большой Дом. Но за помощью послать уже не смогли. Тогда решили держаться до последнего воина. Спустили в сад львов и пантер из зверинца.

– А правитель?

– Узнав об измене, сказал, что завтра у него трудный день, и он хочет выспаться.

– Его совсем не волновало то, что ему грозит смерть?

– Мы так же были удивлены. Но вдруг в полночь завывли собаки. Я до сих пор с содроганием вспоминаю ту ночь. Когда жрецы решили послать воинов на штурм дворца, до наших ушей донесся жуткий гул, идущий из-под земли. Гул нарастал, затем все вокруг вздрогнуло, да так сильно, что в храме Амуна обрушился портик. Город проснулся. Встревоженные жители выбегали на улицу. Мир окутала темень. Все вглядывались в край неба на востоке и чего-то ждали. И дождались. Рассвет в это утро не наступил. Мир окутала мгла, похожая на вечерние сумерки. Запах серы не давал дышать. Люди прибывали в страхе и смятении, готовились к самому худшему – предстать перед Великими судьями из загробного мира. Некоторым показалось, что они уже находятся в потустороннем мире, где не бывает солнца, и царит вечная ночь. Народ столпился на площади перед дворцом. Появился правитель. Суровый вид его заставил всех упасть на колени.

«Кто среди вас захотел свергнуть солнце?» – закричал он. – «Добились своего? Вы прогневали Йота, и теперь кара за грехи ляжет на весь народ. Да как вы посмели!»

Испуганные воины, те, которые еще недавно хотели ворваться во дворец и убить правителя, теперь накинулись на своих командиров и порубили их в куски. Жрецов, тех, что предводительствовали повстанцами, подняли на копья, а трупы сбросили в воду. Все молили правителя простить их. Даже наемники из кочевников зывали к нему на своих языках.

«Я попрошу своего отца, всевидящего Йота не наказывать вас строго», – пообещал он и велел снарядить священную ладью. Вместо стяга Амуна на корабле ветер развеивал знамя Йота. Правитель поднялся на носовую площадку для вперёдсмотрящего. Мы взяли за весла и направили корабль вниз по течению, где бушевала стихия: гремел гром, сверкали молнии. Все, кто находился на корабле, от страха закрывали глаза, но продолжали грести. Народ неотступно следовал за нами пешком по берегам или по воде на лодках. А правитель бесстрашно стоял на носу корабля и молился. Сколько прошло тогда времени, никто не мог определить. Может быть, ночь сменялась днем – не разобрать. Наше путешествие напоминало странствие по царству Дат в Солнечной ладье, на которой трепещущие души мертвых переправляются по подземной реке и подвергаются страшным испытаниям, чтобы в конце пути вновь возродиться со светом. Все потеряли ощущение реальности. Просто гребли, не замечая усталости, не обращая внимания на голод и жажду. Но вдруг среди серой пелены, прямо над нами показался багровый диск. Как будто блуждая в темном подземелье, мы увидели выход к спасению. Все радостно закричали. Я сам орал так, что чуть не лишился сил. Мы бросались друг к другу в объятия. А солнце разгоралось все ярче и ярче, пока, наконец, небосклон не перекрасился в светло-голубой цвет. Серые клубы нехотя рассеивались. Прямо с неба хлынул чистый свежий воздух. Вскоре от тучи не осталось следа. Мы радовались, как дети, которые заплутали в пустыне и, вдруг, неожиданно вышли к знакомой дороге. А правитель продолжал неподвижно стоять на возвышении и ничего не слышал вокруг.

Наконец, он устало спустился вниз, и тут же у него начался новый приступ. Его колотило и скручивало очень долго. Из горла вместе с кровавой пеной вырывались хриплые стоны. Мы боялись, что он умрет, но ничего не могли поделать – только стояли вокруг него и молили Йота о спасении Сына Солнца. Молитвы наши были услышаны. Судороги отпустили правителя. Он затих, открыл глаза и приказал причалить.

Мы подошли к правому берегу. Перед нами открылась долина, поросшая чахлой травой и стелющимися кустами. Скалы расположились полукругом, ограждая местность от песков пустыни. Для правителя соорудили ложе. Он полусидел, полулежал, закутанный в шерстяной плащ. Люди постепенно заполняли долину. Паломники по очереди подползали к правителю и целовали ему ноги. Сам же Любимец Йота, отсутствующим взглядом смотрел куда-то вдаль. Непонятно было: то ли он спит, то ли бодрствует. Всю ночь горели костры. Люди не хотели покидать святое место, где они узрели Йота. Невозможно было пройти среди молящихся

людей. До самого рассвета пели гимны Йоту, сочиняя тут же стихи, и возносили хвалы. Некоторые от изнеможения впадали в оцепенение или теряли сознание.

Наутро правитель вышел из забытья. Лицо его было бледное, словно мрамор, но взгляд решительный, живой. Он приказал подать золотую колесницу. На колеснице Сын Йота взобрался на скалы. Внизу толпа приветствовала его, протянув вверх руки с открытыми ладонями, как приветствуют солнце. И, вот, тогда он произнес свою знаменитую клятву: «Построю я в этом месте город для отца своего Йота. Не на севере, не на юге, не на западе и не на востоке. Город должен стоять здесь, в центре земли. Я буду править в нем и не покину его, ибо на этом месте Йот послал свое знамение. Назову я город своего отца Горизонт Йота, ибо нет у него горизонта».

Правитель потребовал, чтобы все лучшие мастера-строители принесли через девять дней ему полный план города. Он отобрал лучшие проекты, и сам начертил свой. Затем началось грандиозное строительство. Я, к сожалению, не присутствовал, так, как правитель приказал мне срочно ехать в Куши и брать там власть в свои руки. Страна, пережившая катастрофу, нуждалась в золоте и скотине, ведь после стольких бед вот-вот должен был начаться голод. В мои обязанности входило взимать подати с местного населения и отправлять в новую столицу. Вот так все произошло.

– Но ты не рассказал главного. Ты ни разу не упомянул Аменнефа, – напомнил Амени.

Хеви помолчал, глядя на далекий берег, затем глухо продолжил:

– Правитель приказал собрать всех посвященных жрецов Амуна, всех, у кого на плече выжжена кобра, и обратился к ним с единственным вопросом: «Отрекаетесь вы от Амуна?» Естественно, что жрецы, посвятившие всю свою жизнь и все помыслы служению, как они говорили, единственному истинному богу, ответили отрицательно. Среди них оказался и Аменнеф. Тогда правитель сказал: «Я на вас не держу зла, ибо отец мой, ликующий на небосклоне не позволяет мне гневаться. Я отпускаю вас. Идите!» Он прекрасно знал, что за воротами ждет разъяренная толпа, которая растерзает жрецов. Тогда Хотп, наш старший брат взмолился перед правителем, просил, чтобы тот позволил спасти Аменнефа. Забыв все приличия, он вспомнил про их старую дружбу, про то, что они почти все детство и всю юность провели вместе. «Ты меня любишь?» – неожиданно спросил правитель у Хотпа – «Ты готов пожертвовать ради меня самым дорогим? Ведь я – это Обе Земли и часть Солнца». Хотп клялся, что отдаст свою жизнь за правителя, ни на миг не задумываясь. Тогда правитель приказал привести Аменнефа и, указав на него, сказал: «Перед тобой стоит мой враг. Если твои клятвы искренни, возьми меч и убей его». «Но это мой брат!» – ужаснулся Хотп. «Тогда выбирай: или брат, или любовь Йота». «Это жестокий выбор!» – не соглашался Хотп. «Я же пожертвовал своим братом, – ответил на это правитель. – Я, по воле Йота лишил его трона и отправил прозябать в далекий гарнизон западных пустынь. Чем ты лучше меня? Убей его!» «Я не смогу, – заплакал Хотп. – Пусть лучше убьют меня». «Ты был мне другом, – жестко сказал правитель, – Но я переродился в свет, а ты не смог последовать за мной. Зачем мне нерешительные и сомневающиеся чати? Я не буду тебя убивать – для меня ты уже умер. Так живи среди мертвых. Я назначаю тебя управителем города мертвых Маамуном.» С этими словами правитель удалился.

– Так что стало с Аменнефом? – не понял Амени.

– Он исчез. Никто не знает: убили его, или ему удалось ускользнуть от безжалостной толпы. Мне тяжело вспоминать о тех днях. Все тогда было непонятно. Я помню, какие приходили приказы из столицы ко мне в Бухен: запрещать молиться богам, заставлять приносить жертвы только Йоту, отобрать у жречества Амуна все земли и людей. Если в Нижнем Кемет, где после бури люди остались без домов и без пищи, люди, у которых умирали дети, люди, озлобленные на жречество, принимали новый культ Йота беспрекословно, то в Верхней Кемет, а тем более в Куши, где про черную тучу только слышали, воспринимали с непониманием нововведения...

Но я надеюсь, что Аменнеф жив. Я очень хочу его увидеть вновь. Его больше всех любил наш отец. Себхотп перед смертью передал ему всю свою силу.

Корабли продолжали плавно двигаться по голубым водам Хапи. Мимо проплывали берега, поросшие густыми зарослями папируса. Желтели поля, зеленели сады и пальмовые рощи. Птицы стаями взмывали в воздух, потревоженные хищником. Стада длиннорогих буйволов лениво брели к водопою. Пастухи гнали с пастбища коз. Все на этой благодатной земле дышало миром и спокойствием. Казалось, это спокойствие не нарушалось тысячелетиями, и еще долго, долго не нарушится. Привычное течение жизни, такое же размеренное и счастливое, как течение Хапи.

9

Горизонт Йота вспыхнул в золотисто-алых лучах рассвета. Окруженный с трех сторон скалистыми горами, город покоился, словно в каменной чаше. В отличие от белого Усту, Горизонт Йота горел желтыми и оранжевыми красками. Среди густой нежной зелени деревьев везде сверкало золото, словно осколки солнца. Благородный металл покрывало верхушки высокихobeliskов, пилоны и массивные колонны храмов. Вдоль берега тянулись дворцы. Много великолепных дворцов. Нигде не было видно простых бедных домов, только высокие стены и длинные колоннады среди зеленеющих цветущих садов.

– Смотрите! – не сдержал возглас Хеви. – Сыну Йота все же удалось совершить еще одно чудо!

Амени взглянул туда, куда указывал отец, и его ослепило великолепие Горизонта Йота. Ничего более совершенного и красивого он не видел. Если Нэ ему казался мудрым величественным старцем, то Горизонт Йота напоминал красивого дерзкого юношу. Широкие ровные улицы, как будто прочерчены по линейке. Дворцы поражали своей роскошью и, в то же время, строгостью в архитектуре: высокие с правильными геометрическими формами, но без кричащих излишеств. Они казались легкими, воздушными.

От города к набережной спускалась широкая лестница. По ней шествовала пышная процессия людей в дорогих одеждах.

– Неужели встречают нас? – удивился Амени.

– Нет, – усмехнулся Хеви. – Встречают правительницу Тейе.

– А где сам правитель?

– Я не вижу его. Неужели он не изъявил желание встретить Солнечную?

Военный корабль Тейе пристал к парадной белой набережной, а Хеви направил свой караван в шумный грязный порт, где уже с рассвета сновали неутомимые грузчики, кричали кормчие, изрыгая страшную брань, и невозмутимые писцы марали папирус.

– А вон тот человек дожидается нас, – Хеви указал на высокого коренастого сановника в белой опрятной одежде, уложенной мелкими складками. Нескромное ожерелье из золота и драгоценных камней покрывало широкие плечи. Пышный парик венчал большую голову. Дорогой плащ, с вышитым золотом и серебром орнаментом, перекинутый через левое плечо на ассирийский манер, спускался на спину. На мощных ногах красовались дорогие сандалии, украшенные золотыми бляшками. Лицо строгое, скуластое, но красивое с правильным прямым носом и большими карими глазами, над которыми нависали густые черные брови.

– Неужели сам Хармхаб? – удивился Амени.

– Его невозможно ни с кем спутать! – Не дожидаясь, пока корабль причалит, Хеви спрыгнул на набережную, мощенную ровными каменными плитами, и бросился в объятия Хармхабу.

– Да не жми ты так, – хрипло засмеялся тот. – На нас народ смотрит.

Хеви отпустил его, и, соблюдая традицию, поднял согнутую в локте правую руку с открытой ладонью:

– Мир тебе, брат.

Хармхаб ответил тем же:

– Живи вечно! – И поинтересовался: – Как путешествие?

– Прошло спокойно, – ответил Хеви.

– Я вижу, ты держишь себя в строгости: живота нет, руки крепкие как в юности.

– Нехсиу не дают расслабляться, – вздохнул Хеви. – Куши сейчас, как пещера со змеями, только успевай усмирять непокорных.

– Наслышан. – Хармхаб с пониманием покачал головой. – Ты заглянул в Нэ?

– Да. Виделся с братьями.

– Я давно не был в Нэ. Как там в нашем родном городе?

– Если честно – не очень... Превращается в помойку. В опустевших храмах обосновались пришлые лабанцы да аккадцы. Кругом грязь и невымытые рожи торговцев.

Хармхаб сжал кулаки, но ничего не произнес. Его мужественное лицо лишь на короткий миг подернулось гневом.

– А здесь, я смотрю, возвели самый прекрасный город во всей вселенной. Да так быстро! Вам позавидовал бы даже великий строитель Имхотеп³⁷. Его творения меркнут, по сравнению с красотой и величием, которое я вижу здесь.

– Не оскорбляй дух Имхотепа, – погрозил ему пальцем Хармхаб. – Великий строитель творил из камня, а этот город выстроен из глиняного кирпичика да небольших блоков песчаника. Все великолепии – сплошная штукатурка. Скоро сам убедишься. Пойдем в мой дом. Я приказал в честь твоего прибытия открыть кувшин старого вина и заколоть быка.

– Постой же. Мне надо передать казначеям груз. Я привез золото, черное дерево, диких животных, шкуры, слоновую кость.

– Я уже распорядился: писцы все примут, – успокоил его Хармхаб.

– Со мной еще три сотни кушитских лучников.

– Мои помощники разместят их в городе. Да я вижу, с тобой прибыло то, что дороже всего золота в мире! Кто эти молодые люди? Неужели твои сыновья?

– Как приказал правитель, со мной приплыли все пятеро.

– Дай взглянуть на молодцов. Как повезло тебе! Сыновья! – разве может ждать настоящий мужчина лучшей награды от жизни! А у меня родятся одни девочки, – вздохнул он. – Постой! Я вижу четверых. А где пятый?

– Амени, старший, – Хеви положил руку юноше на плечо.

– Не может быть! Сколько же ему лет?

– Он скоро встретит пятнадцатый разлив Хапи.

– Пятнадцать? – откровенно удивился Хармхаб. – да он почти с меня ростом, и плечи немного уже моих. А взгляд у него – взгляд ястреба, а не птенца.

– Амени сражался вместе со мной против нехсиу. Еще, он убил льва. Кушиты говорили, что в того зверя вселился дух Сехемет. Но Амени вышел победителем.

– Да ты привез героя! – удивился Хармхаб. – Расскажешь мне все потом подробнее. А сейчас, прошу в мой дворец. Я прикажу подать носилки.

– Нет, – покачал головой Хеви. – Я лучше пройду пешком.

– Я тоже не люблю носилки, – признался Хармхаб. – Вот, колесница – это для настоящих мужчин! Мне подхалимы из Ашшура³⁸ недавно подарили чудесную легкую колесницу с парой резвых коней. Я тебя потом обязательно прокачу. Бежит так, что дыхание перехватывает.

Они направились к городу. За ними пристроились слуги с опахалами. Но пришлось остановиться и пропустить процессию. Десять здоровых маджаев несли носилки, в которых восседала только что прибывшая правительница Тейе. Следом шествовали важные вельможи.

– Чтоб мою печень сожрал крокодил, если та цветущая лилия не твоя красавица Нефтит! – воскликнул Хармхаб, заметив рядом с Тейе в носилках супруга Хеви.

– Ты ее узнал?

– Она нисколько не изменилась. В моей памяти все осталось как на картине рисовальщика, хотя прошло много лет. Я до сих пор помню ее в чудесном нежно-розовом платье из тончайшего льна. Дочери Небмаатра Аменхотепа Хека Уасет вывели ее из дверей Большого

³⁷ выдающийся древнеегипетский зодчий, визирь и верховный сановник второго фараона III династии Древнего царства Джосера (2630—2611 до н.э.) и верховный жрец Ра в Гелиополе, позже обожествленный и почитавшийся в качестве бога врачевания. Имхотеп является первым архитектором и учёным, известным в мировой истории.

³⁸ столица древней Ассирии, первый город, построенный ассирийцами и названный в честь ассирийского Верховного бога Ашшура

Дома. Она напоминала распустившийся бутон лотоса, и не было вокруг никого прекрасней. Под ноги бросали цветы. Вокруг все заблагоухало. Тогда ты подошел к ней, назвал сестрой и на руках унес в свой дом.

– Давно это было! – вздохнул Хеви. Когда процессия исчезла в стенах города, он спросил: – Почему ты не пошел встречать правительницу?

– Там и без меня хватает подхалимов, – кивнул он в сторону длинной вереницы вельмож, пестрым хвостом тащившихся за носилками старой повелительницы. – И потом, кто бы тебя тогда встречал? Ты мой друг, нет – брат. Мы не виделись с тобой уже больше десяти разливов. Не мог я тебя не встретить. Что бы ты обо мне потом подумал?

Поднявшись по вымощенному бульжником склону, они оказались перед входом в город. Их остановил старший рисут Хармхаба, поклонился и настойчиво произнес:

– Носилки для главнокомандующего и его гостя. Нельзя таким высоким сановникам пачкать ноги о мостовую.

– Мы воины, а не изнеженные писцы из архива, – рассердился Хармхаб.

– Все равно, – не отступал старший рисут. – Я не могу позволить, чтобы мой господин ходил пешком, как простой стражник.

– Вот пристал, – развел руками Хармхаб. – Тогда велел бы подать мою колесницу.

– Господин забывает, что по улицам священного города каждый девятый день, когда все забывают о делах и помнят только о Йоте, запрещено ездить на колесницах.

– Придется дальше следовать в носилках, – пожал плечами Хармхаб. – Таковы правила.

Наместник Куши и главнокомандующий уселись на подушках под просторным балдахинном. Восемь слуг подняли носилки и плавно понесли по улице. Амени переступил границу города... словно оказался внутри изящной шкатулке. Все здесь выглядело строго и ровно. Стены домов пестрели росписями. Все деревья аккуратно подстрижены. Дорожки выметены идеально. Кругом колонны, украшенные пестрым орнаментом.

Вскоре они очутились перед воротами, украшенными резьбой. Пройдя сквозь них, гости оказались на широком дворе, в центре которого подпирала небо игла высокого обелиска. По периметру двора зеленели невысокие молодые деревья.

– Это мой солнечный храм, – объяснил Хармхаб. – Здесь каждое утро и каждый вечер я разговариваю с Йотом. За храмом пруд. Дальше мой дом, – показал он на дворец, с высокими колоннами. Колонны напоминали связки папируса. Основание выполнено в виде низких ваз из черного базальта. Из ваз поднимались толстые зеленые стебли, и кверху, там, где начинались балки перекрытий, колонны расцветали белыми и розовыми бутонами. Сами связки стеблей обвивали золотые ленты. В широком квадратном пруду перед домом плавали птицы с подрезанными крыльями и ярко цвели водяные лилии.

– Как у тебя красиво! – не сдержал восклицание Хеви.

– Я сам никак не привыкну. Бываю дома редко. Все больше в разъездах. Зато у меня повар искусный. Принюхайся. Как пахнет! Наверное, мясо уже готово. Но сначала вас отведут в мыльню и хорошенько отдраят от кушитской пыли. Постой! – вспомнил Хармхаб. – Я покажу тебе своих коней и колесницу – моя гордость. Эй! – крикнул он старшему рисуту. – Веди нас в конюшню. Я должен похвастаться перед гостем.

– Прости, господин, но конюшня пуста, – виновато поклонился рисут.

– Как – пуста? – Хармхаб гневно сдвинул брови.

– Госпожа захотела прокатиться.

– На моей колеснице? Да кто ей разрешил! – Хармхаб весь вспыхнул. Казалось, он накинется на рисута и поколотит его.

Но тут, на его спасения послышался топот копыт и грохот колес, оббитых медью. Слуги еле успели отворить боковые ворота, и во двор влетела легкая колесница, запряженная парой

молодых поджарых жеребцов. Возница, стройная женщина со строгим красивым лицом, натянула вожжи, заставляя коней остановиться.

– Мутнетжет! – закричал Хармхаб. – Ты совсем загнала коней. Посмотри, они все в мыле!

– Прости меня, мой господин, – с легкой улыбкой ответила женщина, спрыгивая с колесницы и поправляя одежду из тонкого льна. – Но, если ты будешь и дальше беречь своих красавцев, они обленятся и разучатся ходить в упряжке. Чем кричать, лучше представь меня гостям. О всепрощающий Йот! Неужели я вижу перед собой Хеви, в которого была влюблена еще маленькой девчонкой.

– Он самый, – поклонился ей гость. – Ты еще помнишь, как я носил тебя на плечах?

– Сколько лет прошло! Я рада тебя видеть! А это твое войско? О-го-го! Мои девочки заставят их краснеть. Я сейчас же позову дочерей.

– Да погоди ты, – остановил ее супруг. – Дай гостям с дороги помыться, да привести себя в порядок. И позволь тебя спросить: почему ты не явилась на встречу правительницы Тейе?

– Меня не пустил отец. Ты же знаешь верховного жреца Эйю. Он испугался, что я скажу чего-нибудь не то, а ему станет стыдно за меня.

– И ты с досады решила изломать мою колесницу?

– Всего лишь проверить на прочность. Но она сделана из гнutoго выдержанного дерева, и колеса у нее крепкие. Зря беспокоишься.

– Тебе прекрасно известно, что сегодня нельзя разъезжать по городу на колеснице, – продолжал наступать Хармхаб. – Если узнает начальника стражи Ахйота Рамосе...

– Он не посмеет даже косо взглянуть на супругу главнокомандующего и дочь верховного жреца, – тут же парировала Мутнетжет.

– Да где это видано: женщина правит колесницей! – совсем разошелся Хармхаб. – Иди быстро и распорядись, чтобы готовили обед – вот твоя главная обязанность.

– Слушаюсь, мой господин, – с притворной покорностью ответила Мутнетжет и ускользнула в дом.

– Досталась же мне супруга! – посетовал Хармхаб. – Родила пятерых детей, а все проказничает, как девчонка.

– Она и в детстве была неугомонной. Не давала покоя никому. И больше всего от нее доставалось именно тебе.

– Я помню. Прямая противоположность своей старшей сестры Нефре Нефру Йот, да живет она вечно, вековечно. Та всегда была спокойной, умной, скромной. В итоге – стала правительницей.

– Как она? – дрогнувшим голосом спросил Хеви.

Хармхаб пожал плечами.

– Сам увидишь. Вроде бы лучше судьбы не бывает: стать правительницей, почти богиней. Но я все чаще замечаю в ее глазах пустоту и печаль. Нелегко ей пришлось. Родила пятерых Дочерей Солнца, двух из них похоронила. Правитель ее очень любил. Раньше она всегда сопровождала Сына Йота на богослужениях, при награждении сановников, на всех праздничных шествиях. Теперь он охладил к ней.

– От чего же?

– Нефре не может подарить наследника. Почему-то в этом городе у большинства семей рождаются девочки. Вон, и у меня их пять.

– Но как же другие жены правителя?

– Так же рожают дочерей. Одна, совсем малышка родилась от Тийи, внучки мудрого Аминхотпа, нашего наставника, и еще одна от принцессы из Нахарины. А наследника нет. Ужасно! Власть в Та-Кемет не имеет наследника.

10

После омовения в каменных ваннах, процедуры очищения тел мелким песком и массажа с ароматными маслами, гостей одели, накрасили и пригласили к столу. В отличие от старых городов, где дома плотно стояли друг к другу, и место под застройку весьма ограничено, в Горизонте Йота земли хватало для возведения больших дворцов. Дом Хармхаба представлял собой четырехугольник, стороны которого составляли в длину по пятьдесят шагов. По всему фасаду шли колонны. Причем с каждой стороны фасад выглядел по-разному. На восточной стене поднимались легкие колонны в виде связок папируса. Восточный фасад смотрел на солнечный храм и должен был выглядеть самым изящным и живым. С южной стороны колонны представляли собой снопы колосьев, символизирующие богатый урожай и летнее изобилие. С запада колонны стояли строгие, круглые, словно стволы столетних деревьев, заканчиваясь сверху листьями папоротника. На западе начинался путь в мир иной. Этот фасад дома напоминал всем своим печальным видом о недолгом пребывании человека на земле. А вот на севере, на стороне ночной мудрости, колонны шли квадратные, расписанные древними изречениями и заклинаниями. Ночь – время размышлений о вечности.

Сам дом представлял собой сплошную анфиладу комнат с высокими потолками. Комнаты шли одна за другой. Здесь были покои для домочадцев и спальни для гостей, заставленные дорогой мебелью, дальше кладовые полные припасов, кухня с жаровней и множеством посуды, обязательно оружейная комната, заваленная копьями, щитами, секирами. Еще было множество бытовых помещений различного назначения. В углу дома находилась мастерская, где стоял ткацкий станок, а также приспособления для выделки ковров и тканей. В отдельном помещении содержали коров, чтобы к завтраку всегда подавалось свежайшее молоко. Но самая главная часть дома – большой двор с садом, в тени которого домочадцы проводили большую часть свободного время. В саду отдыхали, ели, принимали гостей, даже в жаркие ночи сюда выносили ложе и спали под открытым звездным небом.

В этом самом дворе слуги расставили небольшие круглые столики с едой и напитками. Бессовестных ручных обезьянок, загнали на деревья. Проказницы так и норовили что-нибудь стащить из угощений. Гостей встретила хозяйка со своими дочерьми. Все в красивых тонких платьях, уложенных в мелкую складку. У всех большие золотые кольца сверкали в ушах, широкие ожерелья искрились разноцветными огоньками. Все похоже на мать: стройные с тонкими чертами лица. Конечно, что-то и от Хармхаба угадывались: его гордая осанка и смелый огонек в глазах. Сыновья Хеви преподнесли дочерям главнокомандующего подарки в виде кушитских золотых украшений, от которых у девочек глаза вспыхнули не хуже звезд в ясную ночь. Амени преподнес старшей Шеэрэрэ чудное ожерелье из золота, вулканического стекла и черного дерева. Девушка густо покраснела, позволив надеть себе на тонкую шею великолепное украшение.

– А где подарок для меня? – улыбнулась Мутнетжмет с притворной обидой.

– Сестре правительницы – особое подношение, – загадочно произнес Хеви.

Слуги внесли огромный деревянный сундук, украшенный резьбой. Крышку открыли, и оттуда вылезли два чернокожих малорослика из далекого южного племени. Низенькие, с большими головами, на толстеньких кривых ножках, в украшениях из перьев – они выглядели очень забавно и привели всех в восторг.

– Это мне! – удивилась супруга Хармхаба. – Хеви, но где тебе удалось достать их.

– Вождь из далекой земли Мугер прислал мне этих диковинных танцоров в знак дружбы. Пусть они живут у тебя и радуют сердце. Только не раскорми их, иначе малорослики станут толстыми и ленивыми.

Музыканты тронули нежные струны на больших арфах. Тонкие танцовщицы в прозрачных одеждах впорхнули во двор и принялись грациозно извиваться. Полилось ароматное рубиновое вино по кубкам. Взрослые пили крепкое, а детям разбавляли водой и фруктовым соком.

– Расскажи нам про Куши, – попросил Хармхаб. – Как течет жизнь за первым порогом?

– Плохо, – вздохнул Хеви. – Народы Куши, что волки на привязи: когда чувствуют палку в руках хозяина – сидят смиренно; но стоит только ослабить привязь, как они начинают огрызаться. Многие вожди почувствовали, что власть Кемет слабеет, и перестали подчиняться. Занялись разбоем. За вторым порог опять хозяйничают нехсиу. Я вынужден отдавать наши крепости под заселения тем немногим племенам, которые еще хоть как-то признают нас. Пришлось свернуть строительство Южного Горизонта Йота из-за частых набегов.

– У тебя не хватает воинов? Или ты не доверяешь местным племенам?

– Маджаи – хорошие лучники. Но мне нужна пехота, обученная сражаться в сомкнутом строю, хорошо вооруженная прочными щитами и тяжелыми секирами. Вместо того чтобы прислать в Бухен подкрепление, от меня потребовали, чтобы я отправил маджаев в Горизонт Йота. Так скоро нас отбросят до Острова Слонов к первому порогу.

– Не думаю, что дела в Куши сильно тревожат правителя. У северных границ дела еще хуже, – помрачнел Хармхаб. – Приморье бунтует. Кое-как поддерживаем власть в Библе. Мегиддо живет по своим законам. Угарит нам уже не подчиняется. Наш друг детства Сети напрягает все силы, чтобы наводить порядок в окрестностях Кадеша. Правитель Нахарины Тушратта шлет письма с мольбой: прислать ему золота и войск. В Хатти, за Бычьими горами появился деятельный правитель Суппилулиума³⁹. Он жестко взял власть в свои руки и поднял страну из праха. Еще недавно главные города Хаттуса, Арина, Куссара страдали от набегов соседей. Теперь же эти самые соседи на животе приползают в Хаттусу и молят Суппилулиуму о дружбе. Тушратта боится: как бы Суппилулиума не повторил подвиг Мурсили⁴⁰, древнего правителя Хатти, когда тот с лавиной хеттов и хурритов дошел до Вавилона и поставил неприступный город на колени. Только на этот раз хетты могут пойти другой дорогой: не на Вавилон, а через Вашшуканни – столицу Митанни – и дальше на Кадеш к Мегиддо.

– Но у Кемет несокрушимая армия! – горячо воскликнул Хеви.

– У нас нет армии, – мрачно ответил Хармхаб, – одни наемники. Суди сам: войско колесничих – почти все выходцы из Нахарины; лучники – или кушиты, или лабанцы; на флоте все сплошь из народов моря; даже гвардия правителя – одни аккадцы из Ашшура и Ниневии. У меня, у командира войсками Йота в подчинении всего две тысячи темеху и одна колесница.

– Ты не веришь наемникам! – осторожно спросил Хеви.

– Не верю, – откровенно признался Хармхаб. – Я не считаю этот разномастный сброд хорошей армией. У настоящей армии должен быть единый дух. Представляешь, что будет, если восстанет Лабан?

– Что будет?

– А ничего хорошего. Разве наемники, нанятые в Лабане, пойдут усмирять своих братьев? Я кое-как уговорил правителя разрешить мне совершить разведывательный поход на север: проверить положение в Лабане и в Приморье, заодно помочь Тушратте хотя бы напугать хеттов.

– Правитель дал добро?

³⁹ правитель Хеттского царства, правил приблизительно в 1380 – 1334 годах до н. э. Сын Тудхалиш III. Искусный дипломат, способный полководец, дальновидный политик, Суппилулиума, умело используя благоприятную международную ситуацию сложившуюся в Передней Азии в связи с ослаблением могущества Египетского царства, Касситской Вавилонии и государства Митанни, наращивает военную мощь Хеттского царства.

⁴⁰ Мурсили – правитель хеттского государства выступил в поход против Вавилонского царства. В 1595 г. ему удалось покорить и разграбить Вавилон. Самсудитана, последний вавилонский царь из династии Хам-мураши, был низложен Мурсили I. Удачный поход на Вавилонию имел большое значение для хеттов: с этого времени их государство стало в ряд великих держав Древнего Востока.

– Разрешил, правда, не совсем охотно. Все мысли правителя заняты новым Богом, новым представлением о жизни после смерти. Он объявил себя единственным, кто знает истину, и хочет лично разъяснить жрецам законы мироздания. Честно признаюсь: я в этом учении ничего не понял. Так, что-то общее: Бог един, имя ему – Йот. Но как понять то, что он является одновременно: солнцем, землей, водой и всеми живущими тварями – до меня не доходит. Я слабо разбираюсь в вопросах философии. У меня другая, вполне земная миссия: я хочу набрать новое молодое войско и закалить его в походе. Страна без войска, что собака без зубов. Правитель долго думал, но все же разрешил мне набрать три тысячи хуну-неферу – новобранцев. Я же наберу шесть тысяч. Это будет новая армия. Я изойду потом, сорву голос и попорчу свою кровь, но обучу воинов, как обучал Менхеперра Тутмос. У Кемет будет Армия Непобедимых Львов.

– За будущую славную армию! – предложил тост Хеви.

– За будущие великие победы! – поддержал его Хармхаб.

– Единственный друг правителя, посланник во все чужеземные страны, начальник всех храмов Йота, мудрейший Эйя! – торжественно объявил рисут о высокопоставленном госте.

Во двор уверенным шагом вошел крепкий высокий старик в желтой накидке верховного жреца. Не смотря на почетный сан, он выглядел скромно: никаких украшений, никаких излишеств в одежде. Можно было подумать, что это всего лишь простой жрец, каких множество в каждом большом городе. Лишь только благородное, немного надменное выражение лица выдавало в нем одного из мудрейших. Неторопливые движения, словно наполненные глубоким смыслом и острый пронзительный взгляд. Лицо смуглое, напоминало большое яйцо. Череп гладко выбрит, брови выщипаны. Бесцветные губы сложены в прямую полоску. Глаза смотрели строго и внимательно.

– Пусть всегда мир царит в этом доме, – громко произнес он голосом, привыкшим повелевать и убеждать.

Дочки Хармхаба с визгом бросились обнять любимого деда. Приласкав каждую, он направился к гостям.

– Рад видеть тебя, Хеви. Пусть с тобой всегда будет жизнь, здоровье, сила.

– Приветствую тебя, мудрейший. Да прибудет с тобой истина Маат.

– Правитель уже спрашивал о тебе. Обязательно приходи завтра к утренней молитве. Ты появился в Ахйоте первый раз, но у тебя уже много завистников. Будь внимателен и осторожен в беседах с дворцовыми подхалимами.

– Кому же я наступил на хвост? – удивился Хеви.

– Все диву даются, как ты умудряешься править в столь беспокойной Куши и собирать дань в полном объеме. Майе – главный над золотом Йота – уж очень часто хвалит тебя в докладах правителю. Мало того – ставит в пример нерадивым наместникам. Многим это не по нраву.

– Я буду помнить твои наставления, – принял к сведению Хеви, затем спросил: – Не подскажешь, мудрейший, зачем правитель потребовал меня к себе, и зачем ему мои сыновья?

– Сперва, Тот, кого любит Йот, хочет из первых уст услышать все, что сейчас происходит на беспокойном юге. Ты ему обо всем подробно расскажешь. Подготовься. Насчет детей – повелитель задумал грандиозный проект: он хочет собрать всех сыновей сановников и вырастить новую государственную элиту для грядущих времен. Эдакую политическую силу, которая подхватит его учение и воздвигнет знамя Йота над миром на долгие века.

– Но раньше он был против элиты, – удивился Хеви. – Многие высокие посты получили выходцы из простых писцов.

– Так-то оно так, – согласился Эйя, – А кто будет хранить традиции и знания? Кто продолжит начатое им дело и послужит опорой для Обеих Земель? Раньше эту функцию выполняли жрецы Амуна. В Домах Жизни с малолетства воспитывались одаренные дети. Многие из учеников впоследствии стали великими людьми, совершившие полезные дела для Кемет: корм-

чие, приводившие корабли в самые отдаленные уголки земли; строители, воздвигавшие храмы и дворцы; посланники в далекие страны, способные подчинить чужие земли; военачальники, сокрушавшие любого врага. Сейчас нет жрецов Амуна, а вместе с их исчезновением остановилась система воспитания писцов и сановников. Писцы – скелет государства. Если косточки не крепкие, то и страна похожа на уroda. Тот, кого любит Йот, хочет возродить древнюю, проверенную временем, традицию, но по-своему. Он желает лично преподавать некоторые предметы, и сам посвящать в жрецы Йота.

– Это правильное решение, – согласился Хеви. – Мы тоже воспитывались в Доме Жизни, и всеми своими знаниями и умением обязаны нашим наставникам.

– Покажи свою гордость, – попросил Эйя и обернулся к сыновьям Хеви.

– Это младший, Себ. Он мечтает стать жрецом, постигать науки движения звезд и законы окружающего мира.

– Похвально! – потрепал его по подбородку Эйя. – И много он преуспел в науках?

– Умеет считать и писать на нескольких языках.

– Вот как! Я лично буду его опекать. Если будешь прилежно учиться, я сделаю тебя одним из своих помощников.

– Второй мой сын, Хот. Его мечта – стать строителем, возводить дворцы и храмы.

– Строители всегда ценились, – похвалил его Эйя, – но для этого надо уметь хорошо рисовать.

– Он чертит для меня планы крепостей и дорог. Разбирается в математике.

– Математика – основа мироздания, так говорил великий Имхотеп. Тебя будут обучать лучшие строители. Оглянись: какой великолепный город они возвели. Но ты должен превзойти учителей. Твой третий сын? – Эйя помял плечи Миами. – Силен! Кем хочет быть он?

– Кормчим, – ответил мальчик. – Я хочу ходить под парусом, побывать в далеких странах.

– Ты будешь им! – похвалил его Эйя, – умеешь ориентироваться по звездам и читать карты?

– Могу, – уверенно ответил Миами.

– А это четвертый, уже большой?

– Его зовут Тот.

– Чем ты, Тот можешь быть полезным для своей страны?

– Я изучаю историю и географию. Могу писать на аккадском и на шумерском. Разговариваю на некоторых наречиях Куши.

– Будущий посланник во все чужеземные страны, – восхитился Эйя. – Любой отец гордился бы такими сыновьями. Я помню твоего отца, Хеви. Он был моим учителем и великим человеком. Давно мудрейший Себхотп покинул наш мир, но семья его не пропала даром и дала хорошие всходы: ты добился многого, и дети у тебя станут достойными людьми. Но где же пятый твой сын.

– Он перед тобой, – Хеви указал на Амени.

– Да он выше меня! – удивился Эйя. – Крепкий юноша. Ты будешь жрецом или лекарем? Может строителем?

– Я хочу стать воином, – ответил Амени.

– Воином? – маска восхищения сползла с лица Эйи, сменившись разочарованием. – Ты знаешь, что такое быть воином? Ты видел кровь, отрубленные головы, мозги, вытекающие на землю?

– Я участвовал в сражении, – гордо ответил Амени.

– В сражении? Нет, это не то. – Эйя задумался. – Вот, посмотри на своих братьев. Они будут воспитываться при Большом Доме правителя. Их будут кормить и одевать. О них будут заботиться. Когда твои братья вырастут, то построят себе большие дома, обзаведутся красивыми женами, нарожают много детей. В конце концов, встретят достойную старость в окруже-

нии любящего потомства. А какая судьба ожидает тебя? Ты будешь спать на голой земле, если дадут поспать, кормить песчаных блох, пить тухлую воду и постоянно таскать с собой оружие. Знаешь, что такое: есть целый месяц одну только кашу из полбы без мяса и молока, а то и вовсе не есть неделями? И так – всю жизнь, если преждевременно тебя не изуродуют в одном из славных сражений.

– Ну, зачем пугать юношу, мудрейший, – вмешался Хармхаб. – Воины получают награды. Их уважают...

– Мой дорогой зять добился высокого положения не боевыми подвигами, – холодно сверкнул глазами верховный жрец, – а тем, что я – его тесть – стою справа от трона.

– Не забывай, кто успокоил северные границы, – не без гордости напомнил Хармхаб.

– А какие награды ты получил за это? – усмехнулся Эйя. – Стрелу в бедро да разбитую голову. Так что, юноша, подумай, какую выбрать дорожку, прежде чем становиться воином, пока у тебя руки целы, ноги ходят и голова на месте. Думаешь, ты будешь любимчиком у Хармхаба? Не дождешься! Он не щадит никого: ни простых копьеносцев, ни своих командиров. Ты сбежишь из его лагеря через месяц.

– Я не боюсь трудностей, и иду в армию не за наградами, а для защиты Та-Кемет.

– Молодец! – похвалил его Хармхаб. – Я слышу слова будущего отважного воина.

Эйя иронично покачал головой:

– Калеку, только, из него не сделай.

– Отец и ты Хармхаб! – вмешалась хозяйка, хмуря тонкие черные брови. – Вы опять затеяли ваш вечный дурацкий спор: кто важнее бегемот или крокодил? Вам перед гостем не стыдно? Хеви, не обращай внимание. Они постоянно ругаются: кто в большем почете: писец или воин.

– Мы не ссоримся, – улыбнулся Эйя, – я люблю Хармхаба. – В доказательство, сейчас мы с ним напьемся и будем орать песни, как два голодных шакала, что воют на луну.

– Но разве ты не должен быть при дворе, – удивилась Мутнетжмет.

– Когда возле правителя его мать Тейе, да еще начинает давать сыну мудрые советы, разумнее туда не лезть со своими соображениями – еще впадешь в немилость у правительницы. Лучше я с вами повеселюсь.

Действительно, через некоторое время Хармхаб и Эйя уже весело распевали хриплыми голосами песни кормчих. Хеви лишь немного пригубил вина. Он глядел на заходящее солнце и о чем-то вспоминал с грустной улыбкой.

– Эй! – Мутнетжмет ему озорно подмигнула. – Я знаю, о ком ты думаешь. О моей сестре Нефре.

Хеви тут же помрачнел.

– Я хочу ее увидеть. Ты мне pomoжешь?

Веселая песня тут же оборвалась.

– Хеви, прошло столько лет! – удивился Хармхаб. – Она давно стала сестрой Того, кого любит Йот, родила пятерых Дочерей Солнца, а ты все не можешь выбросить ее из сердца.

– Я восхищаюсь твоими чувствами, – вторил ему Эйя. – но разве Нефтис, твоя жена...

– Конечно, нет! – не дал договорить ему Хеви. – Я очень люблю свою жену. Разве могли у меня без любви появиться такие прекрасные сыновья. Дело не в этом.

– А в чем? – все трое собеседников уставились на него, требуя объяснения.

– В клятве. В единственной клятве, которую я не смог сдержать. Я обещал Нефре, что буду всегда рядом с ней – и не смог выполнить свое обещание. А она меня еще не освободила от этой клятвы.

– Так, сколько лет прошло? – удивился Хармхаб. – Мы все когда-то в глупой юности давали горячие клятвы. Чего только не обещали...

– Но как я смогу покинуть этот мир, если не выполнил данное мной слово. Оно тяготеет надо мной и не даст попасть в поля Иалу. Великие судьи сочтут меня грешником, когда на одной чаше весов будет лежать мое сердце, а на другой перо богини Маат. Мое сердце почернеет и потянет весы вниз. А мое Эб будет рыдать от стыда.

– Ты клялся на анхе – на священном кресте жизни? – с опаской спросил верховный жрец.

– Да, – глухо признался Хеви. – На том, что до сих пор она носит на руке.

– Непростительная глупость, – покачал головой Эйя, – даже для юнца. Я помогу тебе увидеть ее, – вдруг решил он. – Нельзя держать на сердце столь тяжелый камень.

– Но возможно ли это? – с надеждой спросил Хеви. – Захочет правительница меня видеть?

– Нефре – моя дочь, и не откажет отцу. Самая счастливая из трех моих дочерей, – как-то грустно произнес Эйя. – Она – правительница. Но я не хотел бы такого счастья ни Мутнетжмет, ни твоей жене.

Пока проходил это разговор, Амени заскучал. Младшие братья затеяли какую-то игру с дочерьми Хармхаба. Старшая Шеээрэрэ, когда он пытался с ней заговорить, краснела, глупо хлопала длинными ресницами и стыдливо опускала глаза, потом вообще куда-то исчезла. Амени, недолго думая, тоже решил исчезнуть. Что он обычно делал в такие тихие скучные вечера? Конечно же, шел на охоту.

Он скинул с себя узкую одежду, оставаясь только в набедренной повязке. Снял неудобные сандалии, с блаженством ощутил теплую землю под ногами. Юноша подпоясался широким кожаным поясом, заткнул за него кривой кушитский нож. Подумав, сунул туда же легкий бумеранг из твердого дерева. Проверил стрелы, перекинул через плечо лук из черной акации, с которым он теперь не расставался, и зашагал к воротам.

При выходе его встретил старший рисут.

– Куда хочет направить свои стопы господин?

– Подстрелить утку или дикого гуся, – ответил Амени.

– Господин хочет, чтобы его сопровождал слуга? Он понесет его оружие и сандалии.

– Не надо. Я привык охотиться один.

– Извиняюсь за назойливость, но я хочу попросить господина с закатом солнца быть дома. Стражники с наступлением темноты никого не пропускают в город.

– Хорошо, – успокоил его Амени. – Я постараюсь вернуться с последними лучами.

– И еще хочу напомнить молодому господину, – не отставал слуга. – Не хорошо ходить такому знатному юноше по городу босиком.

– Меня здесь никто не знает, – Амени начинали надоедать нравоучения слуги, – А на охоте я боюсь порвать сандалии.

Наконец старший рисут, недовольно покачав головой, отстал. У прохожих, Амени разузнал, как пройти к дому начальника маджаев в Ахйоте. Дом Маха оказался недалеко от дома Хармхаба. Юноша сначала миновал длинный, расписанный сценами из колесничих боев, забор дома распорядителя конюшен Йота, великого Ранофре; после шла нескончаемая кирпичная ограда дома начальника лучников Рэмойе, затем ложные колонны, украшенные разноцветным орнаментом, ограда дома главного кормчего Йота Тивейя, после дом начальника стражи Ахйота Рамосе. Наконец Амени очутился перед массивными воротами из лабанского кедра. На воротах красовалась резьба: кушитские лучники, поражающие стрелами льва.

Амени не успел постучаться, как ворота открылись, и он с одного пира попал на другой. Смуглый, почти чернокожий начальник маджаев в Ахйоте Мах устроил праздник в честь сына вождя Паитси и великого охотника Хуто. А тут еще пришел старший сын правителя Куши!

Маджаи и приглашенные местные писцы высокого ранга сидели во дворе прямо на земле, образовав большой круг. Человек десять стучали в длинные барабаны ладонями и напевали песню охотников, все остальные хлопали в ладоши и подхватывали однообразный нудный при-

пев. Несколько воинов в центре круга топтались и изгибались в замысловатом танце. Чернокожие девушки совали между воинов, предлагая выпивку и закуску.

Амени тут же усадили на почетное место и всунули в руки кружку свежего пива, в другую печенную на углях ногу молодой косули. Амени в кругу маджаев сразу же почувствовал себя своим. Но веселье скоро прервалось. Прибыл посыльный от правителя с приказом: Маху с отрядом маджаев надлежало прибыть в Дом Йота для какой-то церемонии. Хозяин извинился перед гостями и, выстроив свой отряд, отправился к дворцу.

– Я собрался поохотиться. Не хочешь посмотреть, что водится в здешних зарослях камыша? – предложил Амени Хуто.

– Неплохое развлечение на ночь, – откликнулся Хуто. – Пойдем.

– Я с вами, – поддержал их Паитси.

Пройдя несколько кварталов, они свернул за город. Вниз вела мощеная дорога. По краям зеленели густые шапки кустарника. Раскаленный шар солнца наливался красным цветом, приближаясь к горизонту. Жара спадала. С реки повеяло прохладой.

Охотники оказались на обрывистом берегу среди непролазных зарослей акаций. Внизу, среди цветущих метелок папируса чвакали лягушки, крякали утки, плескалась рыба. В воде громко фыркало какое-то большое животное.

– Что за звуки? – спросил Паитси. – Словно лошадь.

– Это бегемоты, – улыбнулся Хуто. – Вон, одни уши и глаза над водой торчат. Главный самец выбрал себе место поудобнее, а ниже по реке все его стадо нежится в теплой воде.

– Я вижу детенышей. Их охраняют две самки, – показал Амени. – Там на берегу притаились крокодилы, замерли, будто бревна. Ждут удобного момента, чтобы напасть на отбившихся от стаи маленьких бегемотиков.

По реке скользила легкая папирусная лодочка. Двое гребцов, стараясь не шуметь, работал осторожно веслами. Мальчик, лет девяти, с детской косичкой на правой щеке стояла на носу лодочки в полный рост и держала на изготовке небольшой лук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.